

Философия П права

№ 1 (100)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2022

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Карнаушенко Л.В.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА 7

Мантуров О.С.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

13

Рунаев Р.Ю.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКОВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ 18

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Гусарова М.А.

ОСОБЕННОСТИ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В ТЕОРИИ

П.Г. ВИНОГРАДОВА 24

Батиев Л.В.

ПРАВО КАК ПРЕДМЕТ ТЕОЛОГИИ В ТРАКТАТЕ Ф. СУАРЕСА DE LEGIBUS

AC DEO LEGISLATORE 29

Сильченко Н.В.

О СФЕРЕ ДЕЙСТВИЯ, СУЩНОСТНЫХ НАЧАЛАХ И РАЗВИТИИ ПРАВА

Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ	40
Ладенков Н.Е. ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ПРАВО	45

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Рожковский В.Б. ЕДИНСТВО РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ИСТОРИИ	50
Соколовский К.Г. СВОБОДА СОВЕСТИ И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ	57
Артамонов А.Н., Касьянов С.Н. ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	62
Вакуленко Н.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	66
Шанько В.В. СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ	74
Суколенко Е.А., Митракова Е.Н. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ МВД РОССИИ	79

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Бредихин А.Л. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	84
Литвинова Ю.И., Обринская Е.К. ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕНТАЛЬНЫМ УГРОЗАМ	88
Москаленко С.Г. СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	95
Тепляшин И.В., Нор К.Е. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	100
Фальшина Н.А. ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ	106

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Кобец П.Н., Бражников Д.А., Федоров А.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯПОНСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ	112
Вербицкая М.А., Техов Д.Н. НЕСОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	119

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Андреев А.С.

ГРУППОВАЯ ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ 125

Бабенко С.В., Тишкин Д.Н.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 132

Григорян Д.К., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К.

К ВОПРОСУ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ
ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ 139

Щербаченко А.К.

АЛГОРИТМЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ
ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ 144

Чиненов Е.В.

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ
НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ
ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ 151

Шатов Д.В., Попов В.В., Евдокимов Р.В.

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ТРУПА ПРИ ПОДОЗРЕНИИ НА СМЕРТЬ ОТ ОТРАВЛЕНИЯ
НАРКОТИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ 163

Василенко Н.А.

ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 168

Игошина Е.О.

ФИЛОСОФСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИЧИННОСТИ 174

Главный редактор: **К.А. Плясов**, доктор юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 79848.

Цена подписки на издание за минимальный подписной период – 307.08 руб.

Выпускающий редактор: *И.А. Мосенцева*
Корректоры: *В.С. Степанова, Н.А. Чуб, И.А. Мосенцева*
Компьютерный набор и верстка: *Е.Е. Пелехатая*

Подписано в печать 30.03.2022. Выход в свет 31.03.2022.
Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 300 экз. Заказ № 29.

CONTENTS

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Karnaushenko L.V. METAPHYSICAL DISCOURSE IN MODERN PHILOSOPHY OF LAW	7
Manturov O.S. ON THE IMPORTANCE OF THE PHILOSOPHY OF LAW FOR THE PROFESSIONAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS	13
Runaev R.Yu. PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE SOCIAL ORIGINS OF EXTREMIST IDEAS	18

LEGAL UNDERSTANDING AND LEGAL DOCTRINE

Gusarova M.A. FEATURES OF SYNTHETIC LEGAL UNDERSTANDING IN THE THEORY OF P.G. VINOGRADOV	24
Batiev L.V. LAW AS A SUBJECT OF THEOLOGY IN THE TREATISE OF F. SUAREZ DE LEGIBUS AC DEO LEGISLATORE	29
Silchenko N.V. ON THE SCOPE, ESSENTIAL PRINCIPLES AND DEVELOPMENT OF LAW IN THE DIGITAL AGE	34
Ovchinnikova O.D., Shaginyan A.M. LEGAL MENTALITY AND LEGAL AWARENESS: CONCEPT, ESSENCE AND CORRELATION OF CATEGORIES	40
Ladenkov N.E. THE IMPACT OF TECHNOLOGICAL REVOLUTIONS ON LAW	45

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Rozhkovsky V.B. UNITY OF RUSSIANS AND UKRAINIANS IN THE CONTEXT OF HISTORICAL CHALLENGES	50
Sokolovsky K.G. FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF RELIGION: APPROACHES TO UNDERSTANDING	57
Artamonov A.N., Kasyanov S.N. LEGAL AND SOCIAL ISSUES OF RE-SOCIALIZATION OF CITIZENS RELEASED FROM PRISON	62
Vakulenko N.A. ACTUAL PROCESSES OF DETERMINATION OF CRIMINALIZATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY	66
Shanko V.V. DOMESTIC VIOLENCE DURING THE COVID-19 PANDEMIC: CAUSES AND PROBLEMS	74
Sukolenko E.A., Mitrakova E.N. CURRENT ASPECTS OF THE FORMATION OF ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR OF CADETS AND TRAINEES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	79

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE LEGAL POLICY

Bredikhin A.L. STATE GOAL-SETTING AND LEGITIMIZATION OF POWER AS PROCESSES IN THE STRUCTURE OF THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE	84
Litvinova Yu.I., Obrinskaya E.K. ORGANIZATIONAL AND FUNCTIONAL ELEMENTS OF THE STATE MECHANISM FOR COUNTERING MENTAL THREATS	88
Moskalenko S.G. SPECIFICS OF THE POLITICAL AND LEGAL RECEPTION OF ANTIQUITY IN THE EVOLUTION OF RUSSIAN AND ROMANO-GERMAN STATEHOOD	95
Teplyashin I.V., Nor K.E. ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEGAL AND SOCIAL STATE	100
Falshina N.A. THE MAIN PRIORITIES OF THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF DIGITALIZATION	106

PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF THE STATE POWER

Kobets P.N., Brazhnikov D.A., Fedorov A.V. LEGISLATIVE BASES OF ENSURING JAPANESE FOOD SECURITY: EXPERIENCE AND PROBLEMS	112
Verbitskaya M.A., Chekhov D.N. NON-COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS FOR COMPULSORY INSURANCE OF CIVIL LIABILITY OF VEHICLE OWNERS: SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY	119

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Andreev A.S. GROUP POST-CRIMINAL ACTIVITY AND ITS CRIMINALISTIC SIGNIFICANCE FOR THE DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES	125
Babenko S.V., Tishkin D.N. DEVELOPMENT STRATEGY OF MODERN CRIMINAL LAW POLICY OF RUSSIA IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION: LAW ENFORCEMENT ISSUES	132
Grigoryan D.K., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. ON THE ISSUE OF ABUSE OF THE BODIES OF THE DECEASED AND THEIR BURIAL PLACES	139
Sherbachenko A.K. ALGORITHMS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE SUPPORT FOR THE DISCLOSURE OF REMOTE FRAUDS COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS	144
Chinenov E.V. INFORMATION-THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF CRIMINALISTIC METHODS OF ECONOMIC CRIMES INVESTIGATION COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES	151
Shatov D.V., Popov V.V., Evdokimov R.V. FEATURES OF THE EXAMINATION OF THE CORPSE IN CASE OF SUSPECTED DEATH FROM DRUG POISONING	163
Vasilenko N.A. OBSTRUCTION OF LEGITIMATE BUSINESS ACTIVITY: PROBLEMS AND WAYS OF EFFECTIVE LAW ENFORCEMENT	168
Igonina E.O. PHILOSOPHICAL AND CRIMINAL-LEGAL CONCEPTS OF CAUSALITY	174

Карнаушенко Леонид Владимирович
Karnaushenko Leonid Vladimirovich

начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор.
Тел.: +7 918 691-95-06.

Head of the Department of Theory and History of Law and State, the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor.

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА**
Metaphysical discourse in modern philosophy of law

В статье определяется роль метафизического дискурса в структуре современной философии права. Аргументируется, что теоретическую основу метафизико-правового дискурса составляет метафизический тип правопонимания и его претензии на определение сущности права и подлинных критериев и одновременно ценностей правотворчества и правоприменения. Автор полагает, что дискуссионный аспект возможен в двух отношениях: как момент становления самого метафизико-правового подхода, где он соотносится с самим собой, своими идеалами и методологическими проблемами; в системе социокультурного развития права и правовых институтов, где метафизико-правовой подход сопрягается уже с другими теоретическими подходами к правопониманию. Делается вывод, что метафизическая интерпретация права, с одной стороны, охраняет гуманистические ценности, утверждает принцип автономии морали и моральный детерминизм права, с другой – устанавливает границы для возможного правотворчества и правоприменения, ограничивая тем самым область позитивного права.

Ключевые слова: метафизика права, онтология права, правовые ценности, естественное право, позитивное право, правовой дискурс, правовая парадигма, социальное бытие.

The article defines the role of metaphysical discourse in the structure of modern philosophy of law. It is justified that the theoretical basis of metaphysical-legal discourse is the metaphysical type of legal understanding and its claim to determine the essence of law and true criteria and at the same time the values of law-making and enforcement. The author believes that the debating aspect is possible in two points: as the moment of formation of the metaphysical-legal approach as itself, where the metaphysical-legal approach is correlated with itself, its ideals and methodological problems; in the system of socio-cultural development of law and legal institutions, where the metaphysical-legal approach is correlated with other theoretical approaches to legal understanding. It is concluded that the metaphysical interpretation of law, on the one hand, protects humanistic values, affirms the principle of autonomy of morality and the moral determinism of law, and on the other hand, it establishes boundaries for possible law-making and enforcement, thereby limiting the field of positive law.

Keywords: metaphysics of law, ontology of law, legal values, natural law, positive law, legal discourse, legal paradigm, social being.

Всякая оценка роли метафизики права в современном философско-правовом дискурсе должна, с одной стороны, опираться на некоторое известное определение сущности метафизики права, а с другой – учитывать ее функциональный, эпистемологический и социально-прагматический аспекты.

В первом отношении метафизика права предстает как особая парадигма правопонимания, обнаруживающая генетическую связь с общей метафизической парадигмой. В.И. Миллер связывает возникновение онтологии и ме-

тафизики права с общим развитием философии и тенденцией к философскому обоснованию различных социокультурных явлений. В данном случае метафизика права – это «область научного исследования, в которой право интерпретировано через призму трансцендентных первооснов сущего и трансцендентальных априорных единиц нематериального опыта» [1, с. 100].

Здесь можно наблюдать методологическую и концептуальную зависимость от метафизики. Однако полная редукция метафизики права к метафизической картине мира (метафизике

бытия) является абстракцией, поскольку социально-гуманитарное познание выступает не только в роли объекта приложения метафизической парадигмы (например, если бы метафизика как теоретический подход была прежде метафизического взгляда на общество и природу человека), но и в качестве той сферы, на базе которой формируется сам метафизический подход. Социальное бытие с момента первых определений в качестве предмета теоретического исследования обнаруживает себя как надприродную надстройку. Онтологический статус социального бытия – это фундаментальная философская проблема, от способа решения которой зависит не только эпистемологический статус метафизического подхода к обществу и праву, но и эпистемологический положение метафизического подхода в целом. Отсутствие окончательной онтологической определенности социального бытия, в свою очередь, является важнейшей предпосылкой метафизического подхода к обществу и праву.

Вместе с тем существует корреляция между набором предпосылок, сквозь призму которых осуществляется первичная интерпретация социального бытия, и способом самоопределения социально-гуманитарного познания в культуре. История вопроса позволяет увидеть, что социальное бытие может быть истолковано как с позиций физикализма, так и с точки зрения идеалистических оснований. Между ними как крайними противоположностями формируется множество теоретических подходов, призванных преодолеть проблемы, свойственные каждому из них. Так, с позиции физикализма социально-гуманитарное познание потенциально редуцируемо к естествознанию [2, с. 118]. Это означает, что общество и культура в целом как надприродная надстройка являются таковой только для самого человека, тогда как ни в одном из отношений не выходят за пределы природного (физического) бытия. Перенесение физического детерминизма на социокультурные процессы приводит к преуменьшению ценностно-ориентированного взгляда на мир [3, с. 5]. В связи с этим такие привычные категории, как «свобода» (выбора) и «ответственность», «мотивация», «добрая воля», утрачивают свою значимость. Как физически интерпретировать понятия «намерение» и «преднамеренность» в системе юридической практики? Что будет означать

личная вменяемость вины за совершенное правонарушение в контексте тотального природного детерминизма? Перенесение физического принципа всеобщего детерминизма на общественные процессы, на структуру поведения человека и его внутренний мир, очевидно, вступает в диссонанс с традиционными представлениями о свободе воли и ответственности, о самостоятельном существовании личности вообще и субъектности поведения.

Здесь следует отметить, что идея свободы воли и концепт «должного» прочно закреплены в практике повседневных социальных взаимоотношений. Впоследствии они получили онтологическое обоснование в метафизической парадигме, с позиции которой социально-гуманитарное познание имеет дело с формой бытия, которая несводима к природе. Основным концептом, применимым для определения специфики социального бытия и выводящим его за пределы физического мира, выступает концепт «должного», а также сопряженное с ним ценностное отношение к действительности и идея свободы воли, получившая развитие в марбургской школе неокантианства и обнаружившая себя в философско-правовом дискурсе Г. Кельзена [4, с. 174]. Таким образом, метафизическая парадигма не только позволяет эксплицировать метафизико-правовой подход к пониманию социальных взаимодействий, но и обосновывает себя через онтологию права.

С другой стороны, нельзя не заметить, что метафизика вообще и метафизика права в частности утратили ведущие позиции в современной культуре. Как отмечает И.Л. Честнов, это связано с тем, что современное социально-гуманитарное познание уже не обладает той безграничной верой в силу разума, которая была характерна для рационалистической метафизики. Секуляризация высших идеалов культуры сопровождает процесс деонтологизации отдельных областей научного познания. На смену эпистемологическому универсализму приходят эпистемологический прагматизм, ситуативность и локальность научно-исследовательских программ. На фоне общего процесса дифференциации научного познания популярность получает идея потенциальной неисчерпаемости и многомерности каждого самостоятельного объекта познания. В итоге, как оценивает И.Л. Честнов, современность определяется как эпоха «постметафизики» [5, с. 8].

Однако подобная характеристика современной эпохи, а также состояния социально-гуманитарного познания и правовой сферы жизни общества является обобщением, которое скорее указывает на проблематичность метафизической парадигмы правопонимания, нежели на ее окончательное преодоление. Метафизика права существует как сложный исторически развивающийся социокультурный феномен. Для его более полного определения необходимо проанализировать основные факторы, обуславливающие отказ от метафизического понимания сущности права в постклассический период развития философии и культуры, а также способствующие возрождению интереса к метафизике права в современной культуре.

В отношении метафизики права можно выделить две противоположные тенденции. Первая берет начало еще в философии позитивизма и заключается в критике метафизической парадигмы, отказе от метафизического обоснования частных наук. В соответствии с этой тенденцией метафизика права рассматривается как исчерпавшая себя идеология. Ее присутствие в правовой сфере жизни общества следует оценивать как явление культурологическое, связанное с традиционализмом в правовых институтах [6, с. 42–43]. Противоположная тенденция связана с возрождением философии естественного права, опирающегося на принципы метафизической парадигмы. В этом случае речь идет о том, что современная культура обнаруживает потребность в метафизическом обосновании права, поскольку метафизика права определяется с позиции сущностного подхода к нему, претендующего на установление универсальных и всеобщих оснований права в онтологической перспективе [7, с. 419].

Таким образом, можно говорить о двух диаметрально противоположных позициях. Согласно первой, критической позиции метафизика права в современном философско-правовом дискурсе присутствует в качестве объекта критики, такого теоретического подхода, через отрицание которого в некоторых случаях удобно выразить содержание «адекватного правовой действительности» позитивно-правового подхода. Противоположная точка зрения состоит в том, что утрата метафизики права как теоретического подхода означает исчез-

новение метафизического измерения правовой реальности для современного теоретического познания, а следовательно, философско-правового дискурса в целом [7, с. 422].

Важно также учитывать, что формирование, развитие и критика метафизики, а также ее последующее отрицание – феномен социально и культурно детерминированный. Метафизическая парадигма имела власть над культурой в течение многих столетий. Метафизический подход образует своего рода симбиоз с религией и вместе с ней расширяет границы бытия. Метафизическая модель мира определяет представление об иерархии бытия и место в ней высших духовных ценностей. Кроме того, метафизическая парадигма согласуется с классической концепцией истины, что обещает надежное, устойчивое и однозначное знание о высших духовных ориентирах общественного развития. Все это определяет особый статус метафизического познания.

Указанные факторы обосновывают возможность возврата к метафизическому дискурсу в современной культуре, однако еще не говорят о необходимых основаниях метафизико-правового дискурса. В философии права интенция на обращение к метафизическому дискурсу связана прежде всего с возрождением философии естественного права. О процессе восстановления метафизики права можно судить по таким работам, как «Мораль права» Л. Фуллера и «Естественное право и естественные права» Дж. Финниса. Они оказали существенное влияние на становление и развитие метафизико-правового дискурса в современной философии права.

На протяжении всей своей истории метафизическое познание встречается с комплексом повторяющихся проблем. Это связано с тем, что объект метафизики не существует материально, не является «феноменом», он не очевиден для большинства. Адекватное понимание содержания какого-либо познания зависит от восприятия внутренней основы его объекта, по этой причине сущность метафизического познания становится самостоятельной проблемой. Таким образом, история метафизики является одновременно и историей недопонимания метафизики, а также попыток создания метафизических систем, количество которых скорее компрометирует метафизическое познание, чем укрепляет его позиции.

Вслед за этим и метафизика права как тип правопонимания в пространстве современного философско-правового дискурса получает противоречивые оценки. Она нередко рассматривается в качестве теоретико-правовой экспликации общей метафизической парадигмы философии. Метафизический подход в процессе своего исторического существования становился предметом критики со стороны диалектической парадигмы, позитивизма, иррационалистического типа философствования, аналитической философии, подвергся деструкции онтологии М. Хайдеггера, был переоценен в прагматизме и постмодернизме. Секуляризация духовных ценностей, возрастающая сила индивидуалистического мировоззрения, гедонизм и практицизм, этический релятивизм, по мнению Р. Рорти, дают повод оценивать современную культуру как постметафизическую [8, с. 78–79]. Вместе с тем на фоне возрастающей роли теории позитивного права, воспринявшей логико-категориальный аппарат аналитической философии, наблюдается возрождение метафизики права в естественно-правовых учениях.

Таким образом, в современной философии права нельзя не замечать существование метафизико-правового дискурса. У этого явления есть ряд предпосылок. Во-первых, всякое философско-правовое изыскание ориентировано на целостное и завершенное исследование правовой реальности, что предполагает конкретизацию содержания «правового» как такового в качестве специфической предметности или даже особой формы бытия. Во-вторых, философско-правовое исследование не может обойти стороной аналитику основополагающих детерминант права. Это, в свою очередь, ставит вопрос о соотношении морали и права, который открывает аксиологическое измерение проблематики: вопрос о сущности правовых ценностей, их эпистемологическом и онтологическом статусе в соотнесении с сущностью моральных ценностей.

Метафизический дискурс в философии права включает в себя три главных аспекта: во-первых, гносеологический запрос на метафизическое содержание правовой реальности (очевидно, что метафизика исследует метафизические «объекты» и без них ее существование бессмысленно); во-вторых, метафизический логико-категориальный аппарат, т. е. метафизическая парадигма складывается из пред-

посылочного и категориально-методологического слоев. В то же время исторические формы реализации метафизики права дают нам третью составляющую для определения метафизико-правовой парадигмы – образцовые модели, репрезентируемые в истории философии права. Если первые два аспекта метафизико-правовой парадигмы являются необходимыми и обязательными, то третий – привходящим. Благодаря данному разграничению, на наш взгляд, появляется возможность многогранного осмысления актуально присутствующей в пространстве современной философии права критики метафизико-правового подхода. Кроме того, если уйти от однозначного отождествления метафизики права с классическими типами метафизико-правового подхода, но при этом акцентировать внимание на содержательно-методологической стороне метафизики права, то можно обнаружить, как и каким образом она имплицитно присутствует даже в тех теоретических подходах, которые открыто отрицают всякую метафизическую реальность.

Следует заметить, что метафизическое познание на протяжении своей истории демонстрирует проблематичность. Существование и развитие метафизического дискурса исторически связаны с глубоким аксиологическим потенциалом метафизики как специфического типа знания, с одной стороны, и с неопределенностью ее эпистемологического статуса – с другой. Общая черта критики метафизики права состоит в придании ей статуса конкретного существования (как завершенной метафизической теории права). Однако на деле происходит историко-философское становление «проектов» метафизики права, именно поэтому корректнее говорить о метафизическом дискурсе, метафизическом типе познания, а не о метафизике вообще.

Метафизический дискурс в пространстве современной философии права – явление неоднозначное и сложное. Очевидно, что теоретическое обсуждение различных концепций правопонимания, взаимная критика и конструктивный диалог между ними являются хорошим знаком для всей философии права. И напротив, идеология односторонней теоретико-правовой концепции способна привести к значительным перекосам в системе правосознания общества. В этом смысле опасность

представляет гиперфункция как естественно-правовой модели права, так и позитивно-правовой. В первом случае существует риск тотального подчинения правовых институтов частной метафизической идеологии, утверждающей принцип релевантности социальной и онтологической иерархии и не замечающей непосредственно человеческих интересов. В естественном праве с позиции современной философии права метафизический объективизм воспринимается как односторонняя позиция. Во втором случае при абсолютизации позитивно-правовой идеологии естественным образом встает вопрос о ценностных основаниях права. Деонтологизация правовой сферы жизни общества и, как следствие, ухода от метафизики права грозит утратой единых ценностных ориентиров в правосознании общества, аксиологическим плюрализмом и релятивизмом в самой философии права. А это, безусловно, кризисное явление, поскольку возникает противоречие между институциональными основаниями права и ценностной структурой правосознания. На институциональном уровне всякая правовая система предполагает централизованность и иерархичность, т. е. у такой организации должна быть унитарная концептуальная основа. Однако на уровне конкретного правотворчества и правоприменения позитивно-правовой принцип «человекоразмерности» и правового регулирования личных интересов шаг за шагом вытесняет традиционный правовой объективизм. В связи с этим аксиологический плюрализм и релятивизм как следствие гиперфункции позитивно-правового подхода конфликтуют с традиционной институциональной организацией права.

Исходя из вышеизложенного можно заметить, что возрождение интереса к метафизическому дискурсу в современной философии права продиктовано, с одной стороны, культурологическими основаниями, а с другой – логикой развития самой философии права. В первом отношении данный процесс можно рассматривать как явление симптоматичное для современной культуры правосознания. Эпоха «постметафизики» для правовых институтов означает еще и тотальное раскрепощение права, свободу от идеологем традиционной культуры, безграничный правовой конструктивизм. Однако значительное «разрастание» правовой сферы, одновременно сопровождающееся ут-

ратой единого аксиологического принципа, грозит самоуничтожением права, исчезновением валидности правового принципа регулирования социальных взаимоотношений и, как следствие, редукцией действительности и обязательности правовых предписаний к принципу власти, монополию на которые сохраняют государственные институты.

Антиметафизическое, по сути, учение позитивного права направлено на «освобождение» юридической науки и правовых институтов от влияния внеправовых детерминант, что очень важно и, в общем, понятно: действительное развитие правовой сферы возможно при условии обретения ею самостоятельного статуса, в том числе по отношению к религии и политике. Это прекрасно понимал Г. Кельзен, создавая программу «чистого учения о праве», считая главной задачей правовой сферы преодоление всяких форм ангажированности [10, с. 5]. По той же причине этика как общее учение о морали в позитивно-правовых теориях оттесняется на второй план. Это связано с отрицанием не самой морали в структуре правовой реальности, а аксиологической иерархии между частной формой объективистской этики и правовой теорией.

Современная метафизика права решает такую не менее сложную задачу, как защита права от человеческого произвола. Одним из основополагающих принципов философии естественного права является утверждение «несправедливый закон не есть закон» [11, с. 54]. Теории позитивного права настаивают, таким образом, на неразрывной связи права и морали. Однако реализация указанной задачи сталкивается с методологическими трудностями: дело в том, что, для того чтобы провести линию демаркации между правовыми и внеправовыми объектами, нужно как минимум знать критерий подобного разграничения. И, как замечают теоретики естественного права, увлеченный юспозитивизм выбрасывает из правовой сферы всякую моральную оценку. Как следствие, возникает вопрос: не идет ли позитивное право по пути правового произвола, если принять во внимание принцип автономности права от морали? Опасность «нечеловечных» и аморальных законов, отвечающих всем формальным признакам правовых установлений, прекрасно показал Л. Фуллер [12, с. 289–298].

Таким образом, в пространстве современной философии права сохраняется своя актуальность онтологическая и метафизическая проблематика. Изначально противоположные теоретические подходы к пониманию самой сути права в ходе своего исторического развития конкретизируют собственное содержание и сближаются друг с другом. Метафизический дискурс находит законное место в структуре современной философии права, способствуя развитию философии права и конкретизации его идеи, положенной в основание юридиче-

ской науки и практики. Метафизическая интерпретация права охраняет гуманистические ценности, утверждает принцип автономии морали и утверждает моральный детерминизм права. С другой стороны, метафизика права устанавливает границы для возможного правотворчества и правоприменения, ограничивая тем самым область позитивного права. Позитивное право, в свою очередь, обретает завершённый смысл и концептуальное значение при соотношении с фундаментальным уровнем метафизики права.

Литература

1. Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 425.
2. Домрачев С.С., Сиунов Д.А. Эвристический потенциал физикализма (в поисках нового мировоззрения и методологии) // Вестник ЧелГУ. 2010. № 16.
3. Еникеев А.А., Плотников В.В. Аксиологические принципы современной познавательной деятельности / под общ. ред. М. И. Даниловой. Краснодар, 2020.
4. Антонов М.В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4.
5. Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1(330).
6. Рахматуллин Р.Ю., Семенова Э.Р. Традиционализм и либерализм в свете философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1(52).
7. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Schole, СХОЛЭ. 2014. № 2.
8. Семенов М.Г. Человек в проблемном поле постметафизической культуры Р. Рорти // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 2.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб., 2015.
10. Бикс Б. Концептуальные вопросы и юриспруденция // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 5.
11. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007.

Bibliography

1. Miller V.I. Metaphysical comprehension of the formation of the concept of natural law // Vestn. Tom. state university. 2017. № 425.
2. Domrachev S.S., Siunov D.A. Heuristic potential of physicalism (in search of a new worldview and methodology) // Vestnik ChelGU. 2010. № 16.
3. Enikeev A.A., Plotnikov V.V. Axiological principles of modern cognitive activity / under total. ed. M.I. Danilova. Krasnodar, 2020.
4. Antonov M.V. On the Basic Elements of the Pure Teaching of Kelsen on Law and State // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4.
5. Chestnov I.L. Philosophy of law in the era of post-metaphysics // Izvestiya vuzov. Jurisprudence. 2017. № 1(330).
6. Rakhmatullin R.Yu., Semenova E.R. Traditionalism and liberalism in the light of the philosophy of law // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 1(52).
7. Didikin A.B. Modern theories of natural law and classical tradition // Schole, SHOLE. 2014. № 2.
8. Semyonov M.G. Man in the problem field of post-metaphysical culture R. Rorty // Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2013. № 2.
9. Kelsen G. Pure doctrine of law. 2nd ed / trans. from German. M.V. Antonov and S.V. Lyozov. St. Petersburg, 2015.
10. Bix B. Conceptual issues and jurisprudence // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 5.
11. Fuller L. Moral right. Moscow, 2007.

Мантуров Олег Сергеевич
Manturov Oleg Sergeevich

доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук.
E-mail: osmanturov@yandex.ru

Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Psychology.

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**On the importance of the philosophy of law for the professional training
of law enforcement officers**

Статья посвящена исследованию роли философии права в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. Рассматривается роль философии права в формировании юридического мировоззрения, основанного на навыках аналитического мышления, политико-правового анализа, предполагающего способность разбираться в современных государственных и правовых явлениях. Указывается значение данной дисциплины для понимания сотрудниками органов внутренних дел сущности правоохранительной деятельности и ее основных ценностей.

Ключевые слова: философия права, правовая культура, правосознание, правовое мировоззрение, правовая реальность, права человека, правовое государство.

The article is devoted to the study of the role of the philosophy of law in the professional training of law enforcement officers. The role of the philosophy of law in the formation of a legal worldview based on the skills of analytical thinking, political and legal analysis, assuming the ability to understand modern state and legal phenomena, is considered. The importance of this discipline for the understanding of the essence of law enforcement activity and its core values by the employees of the internal affairs bodies is indicated.

Keywords: philosophy of law, legal culture, legal awareness, legal worldview, legal reality, human rights, legal state.

Изучение философии права профессиональными юристами, в том числе сотрудниками органов внутренних дел, приобретает особое значение в контексте гуманизации и гуманитаризации современного образования. Данные процессы связаны с необходимостью формирования общекультурной компетентности у будущего специалиста. В связи с этим современное образование должно быть направлено на всестороннее развитие человека, раскрытие его личностного и профессионального потенциала еще на этапе обучения.

Гуманитарная культура специалиста включает в себя ценностно-смысловые, общекультурные, когнитивно-мировоззренческие, информационно-коммуникативные, социально-коммуникативные и учебно-познавательные компоненты [2], на основе которых формируется его общекультурная и профессиональная компетентность.

Однако, несмотря на предъявляемые требования к гуманизации и гуманитаризации высшего образования, количество включаемых в образовательные программы предметов общекультурной направленности с каждым годом сокращается. Особенно пугающей данная тенденция является для подготовки будущих юристов. Современное юридическое образование все больше внимания уделяет изучению отраслевых наук, тем самым отдаляясь от гуманитаристики, философии и права, а следовательно, от реальной человеческой жизни.

Философия права – учебная дисциплина, способная встроить профессиональную подготовку юристов в логику человеческих отношений, моральных и нравственных императивов, предъявляемых обществом к социальным отношениям. Вне этих процессов ни один специалист не способен ориентироваться в

меняющихся общественно-политических и правовых реалиях. Об этом, в частности, говорил В.В. Кожевников, отмечая, что «философия права необходима будущему юристу для практической деятельности, для обретения знаний и навыков по оптимизации правоотношений, выработки умения формировать правосознание, для выявления условий и факторов совершенствования правовой деятельности» [4, с. 7]. Сегодня сложилась ситуация, при которой динамика социальных процессов опережает схватывание логики человеческих действий правовыми отношениями, фиксирование принципиально новых социальных феноменов нормативными правовыми актами. Именно этим, в частности, можно объяснить широкое распространение киберпреступности, справиться с которой имеющимися в распоряжении правоохранительных органов силами оказывается затруднительно.

Философии права как учебная дисциплина позволяет сформировать у обучающихся юридическое мировоззрение, основанное на навыках аналитического мышления и политико-правового анализа, умение разбираться в современных государственных и правовых явлениях и процессах. Изучение права как социального и культурного феномена у будущего специалиста формирует правовую культуру, основанную на приверженности не только правовым (закрепленным в тексте закона), но и общечеловеческим ценностям. Больше века не утрачивают свою актуальность слова русского философа и юриста И.В. Михайловского о том, что «философия права приводит в гармоническое единство всю совокупность юридических знаний; она исследует понятия, лежащие в основе всех юридических наук и методы, которыми разрабатываются эти науки. Кроме того, она стремится познать глубочайшую сущность, идею того социального явления, которое называется правом; она связывает право с общим мировым этическим порядком» [5, с. 31].

Важную роль играет изучение философии права в образовательных организациях системы МВД России. Это связано с необходимостью формирования у правоохранителей правового мировоззрения, органично сочетающего в себе приоритетные принципы деятельности полиции (соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, законность,

беспристрастность и др.), непримиримость к любого рода правонарушениям с основными духовно-нравственными ценностями, определяющими жизнь человека и общества. Профессия правоохранителя связана с социальной ответственностью как перед людьми, так и перед государством. Личность идеального правоохранителя трудно представить без ярко выраженного чувства патриотизма, верности долгу, следования морально-нравственным императивам: честности, справедливости, равнодушию, мужественности и т. д. Исходя из этого, задача ведомственного образования – воспитывать у обучающихся тягу к указанной системе ценностей, понимание значимости осуществляемой профессиональной деятельности, стремление к постоянному личностному и профессиональному самосовершенствованию. С этой задачей успешно справляется философия права, позволяющая правоохранителю на основе ознакомления с мировым философским наследием, особенностями правоприменительной и правозащитной деятельности осознать социальную значимость собственной профессии, свою собственную роль в обеспечении законности и правопорядка.

Вместе с тем вынуждены отметить, что в современных федеральных государственных образовательных стандартах по специальностям, связанным с обеспечением законности и правопорядка, учебная дисциплина «Философия права» не значится в перечне обязательных для реализации дисциплин (модулей). В лучшем случае она отнесена к элективным или факультативным дисциплинам, в худшем – представлена в виде 2–3 учебных тем в обязательной для реализации дисциплине «Философия» или же вовсе отсутствует. Данный факт не может не вызывать озабоченности, поэтому следует предметно указать на значение философии права для профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, тем самым обосновав статус данной учебной дисциплины в ведомственной образовательной системе МВД России.

Изучение философии права преследует важнейшую цель – формирование правовой культуры у сотрудника органов внутренних дел, т. к. на службу в правоохранительные органы поступают лица, имеющие разный социальный статус, интересы и ценностные императивы, характерные для того социума, в котором

человек социализировался. Попадая в правоохранительную систему, пройдя профессиональную подготовку, сотрудник становится носителем правовой культуры, не зависящей от конкретного социального и правового пространства. На основе изучения мирового философского наследия, приобщения к стандартам профессиональной этики, понимания важности защиты чести и достоинства человека в любых ситуациях сотрудник органов внутренних дел не только осознает неукоснительность соблюдения требований правовой культуры, но и ожидает того же от граждан. По словам Р.А. Атаева, «при подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России важно сформировать у них высокий уровень правовой культуры как регулятора правового поведения и правовых явлений. При этом необходимо исходить не только из объективной составляющей правовой культуры, но и сформированности личностных качеств индивида и его философских взглядов, поскольку именно их определенная совокупность представляет собой основу для реализации правовой культуры сотрудниками правоохранительных органов в процессе профессиональной деятельности» [1, с. 86].

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» прямо указывает на то, что основное назначение органов внутренних дел состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод человека. Изучение сотрудниками (обучающимися как на очной, так и на заочной формах обучения) философии права способствует содержательному осмыслению данного высокого требования. Прежде всего каждый полицейский должен иметь представление о сущности прав человека. Ю.А. Чернавин отмечает: «Права человека – это неотъемлемые свойства, наиболее существенные возможности развития личности, гарантируемые и стимулируемые обществом и государством, основывающиеся на принципах человечности, разделения с другими ценностей бытия, достоинства индивида, а также определяющие меру его свободы» [7, с. 59]. Философия права не только дает обучающимся представление о конкретных правах (поколениях прав) человека, но и показывает, какой ценой происходило их признание в разные исторические периоды. Обучающимся необходимо видеть ценность прав человека не только для конкретной лич-

ности, но и для истории человечества. В этом и состоит высший гуманистический смысл, без понимания которого сотруднику органов внутренних дел будет сложно осознать истинную важность соблюдения данных прав в своей профессиональной деятельности. Отметим также, что деятельность сотрудников органов внутренних дел нередко связана с вторжением в личную жизнь граждан, необходимостью ограничения прав их и свобод. Подобные действия напрямую влияют на судьбу человека, поэтому каждый сотрудник должен иметь четкое представление о важности соблюдения прав человека как применительно к конкретным гражданам, так и к неограниченному кругу лиц, чьи права и свободы он защищает от противоправных действий злоумышленника.

В связи с вышеизложенным можем сделать вывод о том, что изучение философии права (особенно сотрудниками территориальных органов МВД России, проходящими обучение по заочной форме) направлено на осмысление сущности правоохранительной деятельности, ее основных ценностей. По словам П.А. Сухоплюева, «философия учит оценивать профессиональную деятельность с нравственной точки зрения, осуществлять ценностный выбор норм поведения в конкретных служебных ситуациях, оценивать свои поступки и поступки окружающих с нравственно-эстетической точки зрения, в том числе в практической деятельности, связанной с профессией, и т. д.» [6, с. 27]. В этом заключается ее мировоззренческий потенциал для каждого сотрудника полиции. Служба в органах внутренних дел предполагает формирование у сотрудников достаточно четких моделей поведения и ценностных ориентаций, целей и методов, которыми они могут быть достигнуты. Установки меняющейся социальной реальности, массовое привлечение на службу в органы внутренних дел молодых людей приводят к переоценке многими действующими сотрудниками самого статуса правоохранителя, социальных и профессиональных ценностей, нормативности правоохранительной системы и, наконец, моделей профессионального поведения. Изучение философии права позволяет формировать профессиональное сознание сотрудника, понимание им важности правоохранительной деятельности для общества, а значит, способствует созданию

у сотрудников ценностного ядра, превосходящего личные и сиюминутные интересы.

Из этого тезиса вытекает утверждение того, что изучение философии права сотрудниками органов внутренних дел направлено на профилактику деформации правосознания. Отметим, что в своей профессиональной деятельности многие сотрудники территориальных органов МВД России сталкиваются с гражданами, представляющими далеко не самую благополучную часть общества, в результате чего со временем у них происходит серьезное искажение образа правовой реальности. Если обычный гражданин задумывается о сути правовых отношений только в определенные моменты жизни, то многие сотрудники органов внутренних дел едва ли не каждый день сталкиваются с нарушителями, пресекают и расследуют не просто противоправные, а вызывающие личностное отторжение преступные деяния. Изучение философии права способствует сохранению морального облика правоохранителя даже с учетом постоянного негативного воздействия на него преступной среды, а также недопущению искажений правовой реальности. Чем больше сотрудник осознает важность и неукоснительность соблюдения правовых норм, чем более демонстративно он их придерживается, тем эффективнее оказывается его профессиональная деятельность.

И наконец, автономное существование философии права как науки и учебной дисциплины невозможно представить вне процесса формирования правового государства. Каждый сотрудник органов внутренних дел ответственным отношением к исполнению собственных служебных обязанностей вносит вклад в достижение этой важной и для государства, и для общества цели. При изучении философии права сотрудниками осознается не только концептуальное содержание сущности правового государства, но и его безусловная ценность. Об-

разцовый сотрудник органов внутренних дел – это не столько человек, способный соблюдать правовые установления в своей профессиональной деятельности, сколько специалист, придерживающийся высокой правовой активности в своей работе. В.В. Кожевников отмечает: «Правовую активность следует определять, с одной стороны, как свойство, содержательную характеристику личности, выражающуюся в готовности к активной деятельности в сфере права на основе уважительного отношения к нему, солидарности с его принципами и нормами (внутренний аспект), а с другой – как позитивную, целенаправленную, сознательную, творческую и интенсивную деятельность личности, превосходящую обычные требования к возможному и должному поведению, как предусмотренному, так и не предусмотренному нормами права, однако не запрещенную ими, направленную на укрепление демократии, законности и правопорядка (внешнее ее проявление)» [3, с. 18].

Философия права призвана показать, что каждый человек – это не только активный субъект правоотношений, но и деятель, меняющий своими действиями правовую реальность. Становление правового государства представляет собой процесс, в котором принимают участие как органы государственной власти, так и индивиды, воспитывающие в себе и окружающих людях уважительное отношение к праву, не пренебрегающие юридическими нормами независимо от собственного правосознания и уровня правовой культуры. Сотрудник органов внутренних дел – это человек, который должен осознать необходимость собственного деятельного участия в достижении этой цели, демонстрировать и коллегам, и гражданам высокий уровень правовой активности, осознавая, что в том числе и от его действий зависит достижение обществом правовых идеалов.

Литература

1. Атаев Р.А., Шанько В.В., Стецун М.Ю. Формирование аспектов философско-правовой культуры сотрудников органов внутренних дел МВД России // Философия права. 2018. № 4(87).
2. Елканова Т.М. К вопросу о трактовке термина «гуманитаризация образования» //

Bibliography

1. Ataev R.A., Shanko V.V., Stetsun M.Yu. Formation of aspects of philosophical and legal culture of employees of internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Philosophy of Law. 2018. № 4(87).
2. Elkanova T.M. On the question of the interpretation of the term «humanitarization of

Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4.

3. Кожевников В.В. Оценочная функция правосознания и правовая активность личности в правоохранительной сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72).

4. Кожевников В.В. Функции философии права и ее значение в подготовке будущего юриста // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1(38).

5. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.

6. Сухоплюев П.А. Значение философии в формировании мировоззрения сотрудников ОВД // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. № 4. Т. 10.

7. Чернавин Ю.А. Права человека как философская концепция: постановка проблемы // Философия права. 2016. № 3(76).

education» // Modern problems of science and education. 2017. № 4.

3. Kozhevnikov V.V. Evaluative function of legal awareness and legal activity of a person in the law enforcement sphere // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. № 1(72).

4. Kozhevnikov V.V. Functions of the philosophy of law and its significance in the training of a future lawyer // Bulletin of Omsk University. Series «Law». 2014. № 1(38).

5. Mikhailovsky I.V. Essays on the philosophy of law. Tomsk, 1914. Vol. 1.

6. Sukhoplyuyev P.A. The significance of philosophy in the formation of the worldview of the police officers // Actual problems of law and the state in the XXI century. 2018. № 4. Vol. 10.

7. Chernavin Yu.A. Human rights as a philosophical concept: problem statement // Philosophy of Law. 2016. № 3(76).

Рунаев Роман Юрьевич
Runaev Roman Yurievich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.
Тел.: +7 904 754-66-05.

Associate Professor, Department of Philosophy, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКОВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ

Philosophical understanding of the social origins of extremist ideas

В статье выявляются социальные истоки экстремистских идей в разрезе их философского осмысления. Указывается, что изучение данного вопроса, в том числе с позиции анализа социально-психологических причин, побуждающих отдельных граждан пополнять ряды радикальных экстремистских группировок, позволит в дальнейшем превентивно воздействовать на вовлечение потенциальных экстремистов, а также предотвращать и сглаживать действия экстремистского характера. Для достижения указанной цели автором определена степень разработанности проблемы в научной литературе, проведен краткий анализ подходов к дефиниции понятия «экстремизм». Выделяются следующие социальные причины и истоки генезиса и оформления экстремистских идей: критическое падение уровня жизни социальной группы, ее социальная бесперспективность и ущемление, эскалация конфликтов внутри группы. Делается вывод о том, что истоки экстремистских идей можно и необходимо определять и анализировать сквозь призму соотношения добра и зла.

Ключевые слова: экстремизм, истоки экстремистской деятельности, социальная бесперспективность и ущемление, поиск позитивной идентичности, нарциссическая агрессия, крайняя экстремизация, эскалация конфликтов.

The article reveals the social origins of extremist ideas in the context of their philosophical understanding. It is indicated that the study of this issue, including from the point of view of analyzing the socio-psychological causes that encourage individual citizens to join the ranks of radical extremist groups, will make it possible in the future to preventively influence the involvement of potential extremists, as well as prevent and smooth out actions of an extremist nature. To achieve this goal, the author determined the degree of development of the problem in the scientific literature, a short analysis of approaches to the definition of the concept of «extremism» was carried out. The following social causes and origins of the genesis and design of extremist ideas are distinguished: a critical drop in the standard of living of a social group, its social futility and infringement, and the escalation of conflicts within the group. It is concluded that the origins of extremist ideas can and should be determined and analyzed through the prism of the relationship of good and evil.

Keywords: extremism, origins of extremist activity, social futility and infringement, search for positive identity, narcissistic aggression, extreme extroversion, escalation of conflicts.

Нынешнее столетие характеризуется совокупностью глобальных проблем, являющихся острыми для всех членов мирового сообщества, в том числе и для России, а также вызывающих повышенный интерес у представителей экспертного научного сообщества. К числу наиболее актуальных проблем относится ежегодный рост числа преступлений экстремистской направленности [1].

Различные проявления экстремистской деятельности выступают предметом социогуманитарных исследований. В рамках настоящей статьи основное внимание будет уделяться социальным истокам экстремистских идей и их фи-

лософскому анализу. Данное исследовательское решение связано с тем, что именно понимание и осознание истоков и особенно генезиса экстремизма как антисоциального явления позволят превентивно обеспечивать невозможность полноценного функционирования последнего (то есть ставится цель ведения информационной «бескровной» борьбы с ним).

Проблеме определения и анализа социальных истоков экстремистских идей посвящено большое количество исследований отечественных специалистов, среди которых работы профессора М.Я. Яхьяева и возглавляемой им научной школы, А.В. Дмитриева, В.А. Пядухова,

В.В. Петухова, В.Н. Кузнецова, Е.Г. Морозовой, Е.Е. Письменной, Е.И. Кобахидзе, Ж.А. Зайончковской, Л.Л. Хоперской и др. Достигнутые данными исследователями результаты имеют важное научно-теоретическое значение и носят практико-ориентированный характер.

Можно сказать, что большинство научных изысканий по экстремистской тематике реализованы политологами и правоведами. В наиболее авторитетных и фундаментальных отечественных исследованиях философского характера категория «экстремизм» практически не используется. Данный термин применяется при аналитической работе со смежными, порой противоположными категориями «добро» – «зло», «насилие» – «ненасилие», а также с политико-философскими терминами в контексте государственно-правовой и властной проблематики (например, при изучении идеологии, легитимности и легитимации и пр.).

Таким образом, в отечественной научной литературе существует проблема недостаточной изученности философского аспекта социальных истоков экстремизма.

Другой, не менее важной проблемой является отсутствие универсальной дефиниции термина «экстремизм». Данный факт обусловлен в первую очередь эволюцией социума в целом и отдельных социальных слоев в частности, дифференциацией проявлений экстремизма, увеличением сферы его деятельности и интеграцией в различные области общественной жизни [2].

Согласно сложившемуся в научной среде мнению, в социально-политическом значении термин «экстремизм» впервые использовал Ш. Монтескье с целью объяснения крайностей двух форм правления – деспотии и прямой демократии [3]. Разумеется, рассматривать правоведа и философа эпохи Просвещения в качестве единственного и первого инициатора изучения экстремистской деятельности нельзя. Более того, истоки изучаемого явления можно обнаружить в гораздо более ранних трудах по истории философии.

Если говорить о современных подходах к определению категории «экстремизм», то они довольно разнообразны. Так, согласно Толковому словарю русского языка экстремизм – это «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [4].

Отечественный эксперт И.Н. Сенин резюмирует, что экстремизм представляет собой «форму нигилистического отрицания охраняе-

мых государством общественных отношений, направленную на их дестабилизацию и разрушение, проявляющуюся в виде идей и действий, связанных с применением или угрозой применения насилия» [5].

В.А. Сеницына полагает, что под экстремизмом следует понимать «совокупность радикальных взглядов, идей, принципов, методов поведения, одобряющих применение насилия или создание угрозы его применения в целях изменения или устранения конституционного строя Российской Федерации, а также посягательства на общественную безопасность, реализация которых предполагает осуществление запрещенной законом деятельности» [6].

В свою очередь, Х.Ш. Килясханов отмечает, что экстремизм «выражается в радикальной деятельности субъектов, основанной на приверженности к тотальному неприятию существующей социально-политической модели общества и ее правовых основ, на стремлении к ее ниспровержению насильственными средствами» [7]. Данный подход к дефиниции экстремизма представляется наиболее корректным и соответствующим теме нашего исследования. Именно этой дефиницией в дальнейшем мы будем руководствоваться, употребляя понятие «экстремизм».

Особенностью формирования экстремистской идеологии является наличие фактора внушения идей несправедливого мироустройства агентами влияния (в том числе с применением методов социальной инженерии) референтным группам населения согласно клиповому стереотипу «угнетенные слои населения живут бедно по вине заговора третьих лиц». Такого рода оценки достаточно легко навязать лицам, имеющих комплекс социальной бесперспективности и ущемленности, но при этом обладающих эгоцентричными убеждениями, которые в последующем находят оправдание любым противоправным действиям, в том числе и экстремизму.

Социальная нестабильность, будучи отражением психологического состояния общества, оказывает серьезное «детонирующее» воздействие на появление и культивацию экстремистских настроений. Приверженцы последних оправдывают распространение практики насилия как способа укрепления позиции своих единомышленников и достижения поставленных целей. При этом лидерами отдельных радикальных групп непременно формируется образ «врага», который представлен в виде источника всех

бед и несчастий, обрушивающихся как на членов группы, так и на общество в целом.

Наличие «врага» в лице социальной группы, которой можно приписать ответственность за происходящее, приводит к утверждению собственной идентичности за счет антиконформности, т. е. отрицания ценностей и норм чужой группы, которая (а не своя культурная общность) становится референтной для экстремистов. Последними зачастую преподносятся как данность невозможность изменения существующего положения ненасильственным путем ввиду априорного недоверия к существующим властным и общественным институтам, их умышленной дискредитации в глазах своих сторонников.

Несомненно, побуждающий мотив устремления к экстремистской идеологии надо искать в самой личности, поскольку если речь идет не о патологической социопатии, то причины данного явления могут быть вполне банальными и в то же время фатальными (например, кризис культурной идентичности, относительная депривация и фрустрация). Однако психологическое объяснение экстремизма должно включать не только индивидуальный, но групповой, межгрупповой и социетальный уровни анализа. При появлении экстремистских настроений в центре внимания должны оказываться такие феномены, как процессы групповой динамики и групповой идеологии, стереотипизации, социального сравнения, этноцентризма, и культурные факторы.

На социетальном уровне социально-психологического анализа предпосылками экстремизма являются факторы, которые связаны с переходным состоянием сообщества: низко-статусное положение группы, отсутствие надежды на ее социально-экономическое благополучие, разрушение традиционной системы ценностей, аномия. Изолированность группы и постоянная угроза преследований усиливают сплоченность, групповое давление, влияние лидера на остальных членов организации, а также способствуют развитию таких феноменов «группового мышления», как групповая поляризация, некорректное принятие решений, стагнация процесса рациональной мыслительной деятельности, размывание ответственности, недооценка последствий, сдвиг к риску, туннельное видение.

Поиск новой позитивной реальности приводит к разрыву прочных социальных связей экстремистов с обществом и усилению акцен-

тированного внутригруппового влияния лидеров радикальных экстремистских групп на своих приверженцев. Объясняется это и необходимостью конспирации, и закреплением особых практик влияния экстремистских «центров» на «периферию». Данные факторы ослабляют адекватное социальное влияние, оказываемое на членов экстремистских групп близкими родственниками и другими значимыми лицами (например, друзьями, старейшинами, религиозными авторитетами).

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сказать, что экстремистские идеи однобоко разделяют мир на «мы» и «они» ввиду сознательного абстрагирования потенциальных экстремистов от выстраивания позитивно-коммуникационных контактов с окружающими людьми, которые априори воспринимаются как «инакомыслящие» и враги. При этом негативные черты отдельных индивидуумов автоматически приписываются членами конкретных экстремистских групп всем представителям окружающей их социальной группы (выделенной по определенному признаку, например конфессиональному, национальному и пр.).

В заданном ракурсе проведенного исследования особенно опасным представляется религиозный экстремизм, обосновывающий конфессиональные различия между людьми как причину неприятия и вражды и даже развязывающий на этой почве террористические войны. Огромное количество радикальных проповедников подчеркивают определенное преимущество последователей того или иного вероисповедания. В последнее время идеологию религиозных экстремистских организаций и основу мировоззрения ее членов чаще всего определяют радикальные течения в исламе, наиболее известным из которых является ваххабизм. Для последнего характерен призыв к джихаду – вооруженной борьбе за веру. В целом идеология ваххабизма реализуется в трех формах: пропагандистской, организационной и практической (осуществление экстремистских и террористических актов), а религиозные постулаты, которых должны придерживаться члены экстремистских религиозных организаций, служат прикрытием для достижения политических и экономических целей.

По нашему мнению, религиозный экстремизм не существует в чистом виде, поскольку социальные и экономические факторы, играющие значительную роль в его становлении, нельзя недооценивать. Эмоциональные потребности,

которые испытывают члены экстремистских организаций, хорошо изучены и в значительной степени используются лидерами данных сообществ при вовлечении в свои ряды новых сторонников. Аналогичным образом экономические потребности общин, этноконфессиональное единство с которыми ощущают религиозные фанатики, также зачастую используются идеологами экстремистских идей. Психология, история, религия и мифология экстремизма не могут быть истолкованы однозначно, поскольку это влияет на социальное признание экстремистских организаций и представляющих их лидеров в рамках конкретного сообщества.

В массовом сознании экстремист воспринимается как мифическая фигура, представляющая для членов отдельных национальных групп и социальных организаций, лишенных гражданских и (или) политических прав, религиозных и (или) этнических привилегий, чуть ли не мессианским существом. Уровни социально-психологической идентификации с таким мифическим экстремистом и желание присоединиться к его «справедливой» борьбе часто исходят из того, в какой степени эти мифические фигуры экстремизма и их политико-социальные сообщения резонируют в отношении отдельных лиц и остального общества.

При этом прочно укоренившийся в обществе миф о том, что террористические группировки исламских фундаменталистов состоят исключительно из ревностных мусульман, не выдерживает никакой критики. Детально исследуя личности «состоявшихся» террористов, исследователи данного вопроса обнаруживают, что только 5 % из них были глубоко увлечены религией, оканчивали медресе и имели духовное образование. Большая часть лиц, причастных к совершению террористических акций, оказывалась по ту сторону закона ввиду вполне обывательских настроений. Так, многие из них, представляя маргинальную часть своего этноконфессионального сообщества, стремились поквитаться с властями собственной страны за ранее испытанные социальные унижения, самоутвердиться в борьбе за декларируемые ценности своей экстремистской группы и «запечатлеться» в истории как истинные народные герои.

Таким образом, религия зачастую является лишь «ширмой», которой апеллируют идеологи радикального экстремизма, чтобы придать ореол святости своей борьбе и эффективно привлекать бесплатный «расходный биоматериал».

При этом тщательно мимикрируется истинная цель данной деструктивной деятельности – через вооруженную активность достичь максимальных экономических благ и политических преференций для представляемых группировками экстремистских элит. Эффективно используя несовершенство человеческих представлений о существующем устройстве государства и гражданского общества, экстремистские лидеры получают возможность безграничного управления подчиненным им человеческим ресурсом, который безжалостно используется ими для достижения эфемерных благ и виртуальных возможностей.

Следует отметить, что человек с экстремистскими взглядами является патологической личностью, обладающей такими характерными чертами, как нарциссическая агрессия, депрессивные состояния, комплекс неполноценности, крайняя экстраверсия, авторитаризм, эгоцентризм. В понимании среднестатистического обывателя это замкнутая в себе личность, годами страдающая от одиночества, но это далеко не так. Проблема вступивших на путь экстремизма заключается не в отсутствии у них друзей, а в том, кто они. И это будет тот самый случай, когда окажется верной поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Так, Джанет Абдуллаева, совершившая суицидальный теракт 29 марта 2010 года, в 16-летнем возрасте познакомилась в социальных сетях с полевым командиром Умалатом Магомедовым и после его уничтожения федеральными войсками взорвала себя на станции метро «Парк Культуры» в Москве. В предсмертной записке, адресованной убитому боевику, девушка написала на арабском языке: «Увидимся на небесах» [8].

Помимо исключительно личной мотивации, вступлению в ряды экстремистов зачастую способствует обостренное чувство социальной справедливости. На данную категорию будущих террористов, склонных к экзистенциальным проявлениям, проповедники радикальных идей воздействуют прессингом информации о той несправедливости, которая совершается в отношении мусульман по всему миру. Оказалось, что это действенный механизм вовлечения сторонников в свои террористические сети. При этом многие приверженцы ислама, заблуждаясь относительно необоснованной враждебности к ним со стороны сограждан-иноверцев и пытаясь выровнять социальные связи, вступают в ряды происламских террористических

группировок, совершенно не задумываясь о противоправных последствиях их деятельности.

Так, 22-летний чеченец Саид Мажаев, рассказывая о том, как он оказался в рядах Исламского государства*, сообщил, что его внимание привлекли призывы отправиться в Сирию на помощь якобы угнетаемым единоверцам-мусульманам, размещаемые в мессенджерах Viber и WhatsApp и различных социальных сетях. При этом лидерами террористов распространялась лживая информация о том, как в данной стране сторонников ислама притесняют по религиозному признаку, женщин насилуют, детей убивают. Мажаев старался игнорировать подобные прокламации, однако со временем они убедили его в необходимости ехать в Сирию на войну с неверными [9].

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что у каждого радикального экстремиста есть своя сугубо личная и отнюдь не глобалистская причина встать на путь внутреннего и внешнего разрушения. За каждой экстремистской акцией стоит искаженная неверными жизненными помыслами структура личности или просто сломанная человеческая судьба. По мнению В.А. Сониной, обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, может быть вызвано не только радикальной идеологией, но и стремлением избавиться от негативной идентичности: одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, чувства унижения за свою этническую группу [10].

Однако если говорить об истоках экстремистских идей и экстремизма в целом, то их необходимо рассматривать комплексно. При этом наиболее часто выделяют группы факторов, которые в комплексе создают экстремальную социальную ситуацию и влияют на начальное формирование и окончательное складывание экстремистских идей в человеческих умах. Для нас научный интерес представляют именно социальные факторы, а потому остановимся на трех основных из них:

1. Критическое падение уровня жизни социальной группы, класса, страты, резкое снижение социального их статуса и, как следствие, ограничение или потеря прав, свобод, привилегий. Данное падение уровня жизни носит долгосрочный характер, а потому антисоциальные настроения формируются и «вызрева-

ют» длительное время, являются отсроченной реакцией на смену социального статуса.

2. Социальная бесперспективность успешной жизнедеятельности членов ущемленной социальной группы. Отсутствие перспективы в данном случае подразумевает невозможность (по экономическим и социальным обстоятельствам) в ближайшем и далеко обозримом будущем улучшить собственное социальное и материальное положение, а также обеспечить стабильность нынешнего состояния и безопасность.

3. Эскалация конфликтов как между членами одной социальной группы, так и ее участниками и представителями других социальных групп. Базисом данных конфликтов, их детерминантами выступают: рекомбинация собственности и доходов внутри группы с повышением уровня трудовой эксплуатации и, как следствие, социально-классовое закрепощение отдельных ее членов [11].

В связи с этим вполне определенно можно утверждать, что различные социальные кризисы, расшатывающие систему общественных отношений, выступают истоками оформления, утверждения и распространения среди отдельных «горячих голов» экстремистских идей. В целом если рассматривать данный аспект с позиции философской науки, то можно согласиться с мнением отечественного эксперта В.Ш. Сабирова и отметить, что экстремистские идеи можно интерпретировать как злонамеренную чрезмерность [12].

Обобщив изученные истоки и причины экстремистских идей, следует констатировать, что они основаны на эпистемологической ошибке – подмене идеи свободы понятием произвола. Кроме того, носитель экстремистских идей не осознает дифференциации между «свободой от» (независимостью) и позитивной «свободой для» (то, о чем говорил Ф. Ницше). Если первая имеет истоком недостаток силы, то вторая происходит из ее избытка. В этом смысле только «избыточная» свобода действительна, а отрицательная свобода – видимость [12].

Таким образом, истоки экстремистских идей можно и необходимо определять и анализировать сквозь призму соотношения добра и зла, т. е. ту ее часть, где полностью отсутствует моральный аспект, происходит осознанный отказ от нравственных постулатов и законов – господствует имморализм. Вместе с тем

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

важно для дальнейших теоретических разработок по данному вопросу задуматься о самом феномене «экстремизм» как крайнем проявлении специфики бытия современного мира – «зле», с которым следует считаться, принимая его в качестве проблемы, требующей перехода к онтологическому уровню анализа.

Литература

1. Данные МВД и ВС: в 2020 году число зарегистрированных «экстремистских» преступлений выросло // Сова: информационно-аналитический центр. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634/> (дата обращения: 09.12.2021).
2. Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2010.
3. Montesquieu. 1977. David Wallace Carrithers (ed.). The Spirit of Laws: A Compendium of the First English Edition. Berkeley, 1977.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
5. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
6. Сеницына В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистское правонарушение: понятие, соотношение, нормативное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2.
7. Киясаханов Х.Ш. Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.
8. Оpoznana террористка, взорвавшаяся на станции метро «Лубянка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/02apr2010/opoznana.html> (дата обращения: 09.12.2021).
9. Гнединская А. Сбежавший от ИГИЛ. Россиянин рассказал о своей жизни у джихадистов // Московский комсомолец. 2015. 8 июня.
10. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М., 2008.
11. Караханов С.С. Краткий курс лекций по противодействию религиозно-политическому экстремизму: учебное пособие. Махачкала, 2017.
12. Экстремизм как цивилизационный вызов / науч. ред. д-р филос. наук, профессор В.Ш. Сабилов. Новосибирск, 2012.

Обобщая проведенный анализ социальных причин и истоков экстремизма и экстремистских идей, можно смело утвердить, что общей причиной последнего выступает системный кризис «социального организма» и обусловленное им обострение социальной борьбы и внутрисоциальных конфликтов.

Bibliography

1. Data of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces: in 2020, the number of registered «extremist» crimes increased // Sova: information and analytical center. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634/> (date of access: 09.12.2021).
2. Pisarenko O.N. The social nature of extremism: author abstract ... Cand. of philosophy. Pyatigorsk, 2010.
3. Montesquieu. 1977. David Wallace Carrithers (ed.). The Spirit of Laws: A Compendium of the First English Edition. Berkeley, 1977.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2007.
5. Senin I.N. Extremism as a form of legal nihilism in modern Russia: theoretical and legal aspect: author abstract ... Cand. of law. Saratov, 2011.
6. Sinitsyna V.A. Extremism, extremist activity, extremist offense: concept, correlation, regulatory regulation // Issues of Russian justice. 2019. № 2.
7. Kilyaskhanov H.Sh. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of political extremism in the conditions of reforming Russian society: author abstract ... Cand. of philosophy. Tver, 2006.
8. The terrorist who exploded at the Lubyanka metro station has been identified [Electronic resource]. URL: <http://www.newsru.com/russia/02apr2010/opoznana.html> (date of access: 09.12.2021).
9. Gnedinskaya A. Escaped from ISIS. The Russian told about his life with the jihadists // Moskovsky Komsomolets. 2015. June 8.
10. Sosnin V.A., Nestik T.A. Modern terrorism: socio-psychological analysis. Moscow, 2008.
11. Karakhanov S.S. A short course of lectures on countering religious and political extremism: a textbook. Makhachkala, 2017.
12. Extremism as a civilizational challenge / scientific ed. Dr. of philosophy, Professor V.Sh. Sabirov. Novosibirsk, 2012.

Гусарова Марина Александровна
Gusarova Marina Alexandrovna

профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор философских наук, доцент.
E-mail: gusarovathebest@mail.ru

Professor, Department of General-Theoretical Legal Disciplines, the North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

ОСОБЕННОСТИ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В ТЕОРИИ П.Г. ВИНОГРАДОВА

Features of synthetic legal understanding in the theory of P.G. Vinogradov

Статья посвящена анализу концепции отечественного правоведа и философа в области права П.Г. Виноградова, представившего оригинальную синтетическую трактовку права как одного из социальных явлений, имеющего нормативно-регулятивный и коммуникативный характер. Автор доказывает, что заслуга названного ученого заключается в обосновании актуальных на сегодняшний день идей о системности права как явления, необходимости обращения к системе источников права во главе с комплексом естественных прав, а также выявлении особой роли правосознания в процессе правообразования.

Ключевые слова: *правопонимание, право, синтетический подход, интегративное правопонимание, правосознание, источники права, обычай.*

The article is devoted to the analysis of the concept of a domestic jurist and philosopher in the field of law P.G. Vinogradov, who presented an original synthetic interpretation of law as one of the social phenomena that has a regulatory and communicative character. The author proves that the merit of the mentioned scientist lies in substantiating the current ideas about the systemic nature of law as a phenomenon, the necessity to turn to a system of law sources headed by a complex of natural rights, as well as identifying the special role of legal consciousness in the process of legal education.

Keywords: *legal understanding, law, synthetic approach, integrative legal understanding, legal consciousness, sources of law, custom.*

Сегодня, когда социально-гуманитарное знание выходит на новые рубежи, осваивая усложняющуюся социальную реальность, особое внимание должно уделяться междисциплинарным исследованиям, объединяющим методологический арсенал различных областей науки, что позволит сфокусироваться на непростых феноменах, которые требуют всестороннего изучения. Благодаря возможностям философско-правового знания, аккумулирующего опыт постижения правовых феноменов, исследование таких вопросов, как природа, сущность, функциональное назначение и особенности взаимодействия различных элементов правовой системы в пространстве и во времени, выходит на новый уровень. Данный факт обуславливает актуальность интегративного подхода к пониманию права как сложного феномена духовной жизни, имеющего как постоянные характеристики – инвариантные, детерминированные особенностями нацио-

нальных культурных элементов, так и релятивистские – изменяющиеся в зависимости от объективно-исторических условий существования того или иного общества и государства. Сегодня, когда открылись возможности междисциплинарного сближения, проблемы, связанные с поиском и обоснованием нового, адекватного современным вызовам типа правопонимания, становятся как никогда актуальными, а ревизия и выявление наиболее ценных идей и положений российской теоретико-правовой науки – своевременными и чрезвычайно необходимыми.

Следует отметить, что в трудах Дж. Холла, Г. Дж. Бермана, Л. Фуллера представлена попытка преодоления недостатков традиционных типов правопонимания. При этом право как сложный и многоаспектный феномен в рамках «синтетического» подхода достаточно глубоко исследован в отечественной правовой науке и философии права конца XIX – первой

четверти XX века (например, в работах Б.А. Кистяковского, П.А. Сорокина, А.С. Яценко и др.). В связи с этим отдельного внимания заслуживает вклад в развитие названного подхода талантливого правоведа, медиевиста, историка и философа в области права П.Г. Виноградова. Мировую известность ученый получил благодаря своей преподавательской деятельности во многих зарубежных университетах и искренней заинтересованности в судьбе своей родины.

К творческому наследию П.Г. Виноградова обращались такие современные авторы, как Б.Б. Аргунов, У.Э. Батлер, Г.Ф. Гараев, В.Г. Графский, С.В. Михайлов, В.А. Томсинов, С.О. Шаляпин и др., в работах которых раскрываются те или иные аспекты его концепции.

Предметом настоящего исследования выступает концепция права как системного явления, детально обоснованная П.Г. Виноградовым посредством синтетического подхода.

Необходимо заметить, что П.Г. Виноградов разрабатывал свою синтетическую концепцию права независимо от таких ученых дореволюционного периода, как П.А. Сорокин, А.С. Яценко, которые также внесли существенный вклад в развитие отечественной и мировой правовой мысли. Изыскания названных ученых о феномене права роднит выбранная ими отправная точка – определение места права среди остальных социальных явлений и раскрытие его родо-видовых признаков. При этом каждый из исследователей завершал данный анализ формулированием собственного авторского определения понятия «право» [1, с. 29–33].

П.Г. Виноградов свои размышления о сущности, природе и системе права начинает с заявления о том, что сформулировать четкое определение права весьма непросто. Указанный факт объясняется существованием множества его дефиниций, которые были даны, исходя из тех или иных исторических условий, его порождающих. Свои выводы ученый основывает на детальном исследовании правового опыта разных стран и правовых систем, поэтому главной его задачей становится создание универсальной дефиниции права, не зависящей от меняющихся историко-правовых реалий. Именно поэтому в своем фундаментальном труде по истории права он пытается

«очистить дорогу для определения, постепенно суживая область исследования, сначала определить класс, к которому принадлежит предмет, а затем обозначить особенности рассматриваемого вида» [2, с. 9]. П.Г. Виноградов право, наряду с моралью, модой, обычаями, относит к социальным явлениям, а саму науку о праве – «к разряду так называемых моральных наук» [2, с. 10]. В качестве атрибутивного свойства ученый особо выделяет нормативно-регулятивный и коммуникативный характер права.

В споре с видными западноевропейскими юристами – позитивистами Дж. Остином и Р. фон Иерингом П.Г. Виноградов выстраивает собственную линию аргументации, опираясь на тот факт, что «если сущностью закона является принуждение, то закон обязателен только для подданных и подчиненных, высшие же лица государства стоят над законом и вне его» [2, с. 23]. В противовес постулату Дж. Остина «закон есть закон» и определению права Р. Иеринга как «совокупности действующих в государстве принудительных норм» П.Г. Виноградов писал, что сила закона всецело зависит от свободного признания обществом норм в качестве законов. Трудно не заметить, что в данном утверждении речь идет о механизме формирования правового сознания (хотя термин «правосознание» в самом исследовании не упоминается) как процессе рефлексии законов в сознании субъекта, их принятия и выработки определенной оценки норм, установленных государством. При этом особый статус имеют нормы международного права, поскольку его санкции носят рекомендательный характер. П.Г. Виноградов категорично заявляет, что формальный (позитивистский) подход к праву, который обосновывался в трудах Дж. Остина, Р. Иеринга, а также работах отечественных ученых, например Г.Ф. Шершеневича и В.Д. Каткова, приводит к двусмысленности понимания права, поскольку, опираясь на него, исследователи превращают право в «сосуд, который можно наполнить любой жидкостью. Жестокая, несправедливая норма является столь же правомерной, как и наиболее справедливый закон» [2, с. 20]. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, позиция П.Г. Виноградова относительно того, что юридическое принуждение нельзя

оценивать как наиболее определяющий признак права, может рассматриваться в качестве идейно-критической предпосылки формирования интегративного подхода к праву, в основе которого лежит синтез значимых его характеристик, предложенных различными типами правопонимания [3, с. 64].

Вместе с тем П.Г. Виноградов, не отрицая значимости государственного аппарата принуждения в системе социального порядка, настаивает на том, что «в каждой системе должно существовать известное равновесие между справедливостью и силой. А из этого следует, что определение права не может быть основано исключительно на понятии государственного принуждения» [3, с. 26].

В споре с известными представителями юснатуралистского подхода ученый представляет ряд аргументов, указывающих на невозможность его использования в чистом виде. Так, например, в содержании категорического императива И. Канта, по мнению П.Г. Виноградова, происходит, во-первых, размывание граней между правовыми и неправовыми явлениями и отсутствует ясность, какие критерии и какие субъекты определяют границы между свободой одного и другого лица – государство, сам индивид либо коллектив. Во-вторых, И. Кантом не был учтен тот факт, что «согласование, достигаемое правом, неизбежно должно состоять в сокращении индивидуальной свободы... свобода, в обычном ее понимании, только открывает возможность деятельности, но еще не указывает направления этой деятельности» [2, с. 27]. Таким образом, определение И. Канта страдает излишней абстрактностью, а следовательно, не дает возможности претворить его в правовой реальности.

П.Г. Виноградов предлагает комплексное, по сути, синтетическое, определение понятия «закон» – «ряд правил относительно распределения и осуществления мощи над лицами и вещами, – правил, которые установлены и исполнение которых вынуждается обществом» [2, с. 36]. Он делает акцент на том, что цель права состоит в подчинении индивида воле организованного общества. Последнее, в свою очередь, уже есть результат согласования воли, интересов, ценностей, идей и т. п. При этом, как справедливо указывает ученый, «в каждом здоровом обществе законы, регулирующие

распределение юридической мощи, должны согласовываться с признанными моральными предписаниями» [2, с. 36–37]. Естественные права, выражающиеся в свободе совести, мысли, веры, защиты физического существования, согласно П.Г. Виноградову, утверждаются в прогрессивных обществах на том же основании, что и личные свободы, т. е. ограничены свободой других лиц. При этом задачей государств является принятие на себя ответственности, обязательств по защите свободы личности и ее физического существования. К последнему ученый относит наше тело, дом, имущество, честь, результаты физического и умственного труда.

Как представляется, сама природа принципа ограничения нашей свободы, о котором пишет в своем труде П.Г. Виноградов, естественным образом вытекает из того факта, что каждый человек в определенной степени ограничен какой-либо социальной группой, общностью, к которой он принадлежит. При этом социальное положение в группе с регламентированными ролями и статусами, соответствующими морально-этическими, религиозными нормами, обычаями и модой уже предполагает выстраивание социальных границ. По этому поводу П.Г. Виноградов справедливо отмечает, что «ни одно человеческое существо не является в этом мире вполне изолированным» [2, с. 40]. Таким образом, понятие свободы воли в социальном измерении априори не может быть безусловным.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что П.Г. Виноградов в унисон с его великими современниками – И.А. Ильиным, П.И. Новгородцевым и др., представителями юснатуралистического подхода к праву, признавал важность и значимость естественного права на жизнь, а также остальные витальные и социальные права в процессе конструирования системы позитивного права. По его мнению, «субъектами прав и обязанностей должны являться лица, т. е. живые человеческие существа. Уже с самого момента зачатия человека закон признает за ними личность и наделяет его известными правами. Существование плода в чреве матери охраняется законом» [2, с. 44].

Особого внимания заслуживает попытка П.Г. Виноградова создать иерархию источников права, основывающуюся на нормах естественного права, над которым надстраивается

законодательство, право, выработанное судьями, и обычай. Особое место, которое ученый отводит естественному праву как собранию норм, основанных на разуме, обусловлено тем фактом, что его нормы «диктуются человеку самой природой и потому обязательны для всех человеческих общежитий» [2, с. 74]. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, П.Г. Виноградов не делал акцент на различении категорий формы и источника права, как Г.Ф. Шершеневич, М.Н. Капустин, Н.М. Коркунов и др., но употреблял понятие источника права в широком смысле [4, с. 72–75]. Следует также добавить, что, говоря о роли естественного права в процессе правообразования в западноевропейских государствах, П.Г. Виноградов подразумевал скорее его влияние в качестве литературного источника, а представителей юснатуралистического подхода античной эпохи и эпохи Возрождения считал идейными вдохновителями законодателей Нового времени.

Что касается такого естественно-правового источника, как обычай, то он, будучи основанным на национальном характере и воззрениях народа, по мнению П.Г. Виноградова, «является внешним выражением скрытых принципов, которые, наверное, в гораздо большей степени совпадают с понятиями о справедливости, свойственными данному обществу, чем искусственные создания государственной власти или научной юриспруденции» [2, с. 92]. Иными словами, в обычае, по сути, выражается правосознание народа с определенными трактовками справедливого и несправедливого. В данном суждении, полагаем, речь идет об инвариантных характеристиках правовой системы, которые не меняются под влиянием объективно-исторических условий и выступают в качестве оснований корпуса правового менталитета. Следует также подчеркнуть, что, хотя термин «правовое сознание» практически не используется П.Г. Виноградовым, ученый неоднократно указывает на важную его роль в системе источников права. Право как феномен, зависящий и от внешних, объективно-исторических, и от внутренних, субъективно-рефлексивных факторов, должно быть гибким изнутри, обладать такими характеристиками, как приспособляемость, адаптивность и при этом возможность противостоять государственным нормам в случае их несправедливости.

Основываясь на примерах из истории и теории римского и английского права, П.Г. Виноградов подчеркивает значимость принципа справедливости как критерия истинности права. Он выделяет три главные функции справедливости: «Во-первых, помощь праву, доставляемая индивидуализацией дела, затем пополнение имеющихся в праве пропусков и, наконец, исправление слишком суровых последствий юридических норм» [2, с. 138]. По мнению ученого, изначально все наиболее значимые нормы, признанные обществом и утвержденные государством с помощью формально-юридических процедур, «имеют за собой двойственное оправдание: они одновременно являются и приказами закона, и положениями разума» [2, с. 145].

Осознавая, что глубокие и основательные реформы и революции в обществе не проводятся только путем изменения правовых идей и доктрин, хотя и вдохновляются ими, П.Г. Виноградов подчеркивает важность реконструкции самих правовых институтов. Таким образом, залогом успеха государства в реформировании социально-правовой реальности, по мнению ученого, выступает комплексное воздействие духовных и материальных средств, иными словами, преобразование правовых доктрин, правового сознания общества и правовых институтов. При этом роль доктрины естественного права в данном процессе, по словам П.Г. Виноградова, состоит в том, «чтобы творить суд над положительным правом во имя справедливости» [2, с. 152].

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что предлагаемая П.Г. Виноградовым трактовка права обладает универсализмом, поскольку подходит ко всем стадиям исторического развития общества. В самом определении находят отражение одновременно три наиболее популярных на рубеже XIX–XX веков подхода – позитивистский, социологический и юснатуралистский. Несомненной заслугой П.Г. Виноградова, по нашему мнению, является следующее:

- выстраивание системы источников права, во главе которой находится комплекс естественных прав, подчиненных идее справедливости, коренящейся в народном сознании;
- определение феномена права как совокупности формальных норм, получивших

общественное признание, призванных ограничивать свободную деятельность и субъективные права лиц в правовом пространстве, предоставляя и гарантируя тем самым известную свободу (регламентированную по объему и направлению);

– обоснование необходимости комплексно-государственного воздействия как на духовные факторы, так и на институциональные образования в процессе глубокого реформирования правовой реальности;

– уставление роли правового сознания, которое, реализуясь в общественном мнении, влияет на процесс правообразования в широком смысле.

Данные положения подтверждают, что учение о праве П.Г. Виноградова является одним из первых логически стройных и непротиворечивых синтетических концепций права, успешно преодолевших онтологическую и гносеологическую односторонность естественно-правового и позитивистского подходов. Но самое важное достижение ученого, на наш взгляд, заключается в обосновании системности права, взаимодополняемости его источников и основных способов реализации в правовом пространстве, что позволяет говорить об актуальности рассмотренной синтетической концепции на современном этапе развития.

Литература

1. Гусарова М.А. К вопросу об истоках интегративного правопонимания в трудах П.А. Сорокина, А.С. Ященко, П.Г. Виноградова // Теория и практика общественного развития. 2019. № 8(138).

2. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. 2-е изд. М., 2015.

3. Гараева Г.Ф. Особенности обоснования интегративного подхода к праву в трудах П.Г. Виноградова // Общества: политика, экономика, право. 2018. № 11(64).

4. Аргунов Б.Б. Концепция источников и форм права П.Г. Виноградова: критика формально-догматического подхода // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 3(118).

Bibliography

1. Gusarova M.A. To the question of the origins of integrative legal understanding in the works of P.A. Sorokina, A.S. Yashchenko, P.G. Vinogradova // Theory and practice of social development. 2019. № 8(138).

2. Vinogradov P.G. Essays on the theory of law. 2nd ed. Moscow, 2015.

3. Garaeva G.F. Features of the substantiation of an integrative approach to law in the works of P.G. Vinogradova // Societies: politics, economics, law. 2018. № 11(64).

4. Argunov B.B. The concept of sources and forms of law P.G. Vinogradova: criticism of the formal dogmatic approach // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2020. № 3(118).

Батиев Левон Владимирович
Batiev Levon Vladimirovich

заведующий лабораторией политологии и права Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону),
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: batiev@ssc-ras.ru

Head of the Laboratory of Political Science and Law, the Southern Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences (Rostov-on-Don), PhD in Law, Associate Professor.

ПРАВО КАК ПРЕДМЕТ ТЕОЛОГИИ В ТРАКТАТЕ
Ф. СУАРЕСА DE LEGIBUS AC DEO LEGISLATORE*

Law as a subject of theology in the treatise of F. Suarez
DE LEGIBUS AC DEO LEGISLATORE

В статье на материалах трактата Ф. Суареса «О законах и Боге-законодателе» рассматривается обоснованность включения в предмет теологии проблематики права (закона). Отмечается, что Ф. Суарес приводит ряд аргументов, которые, по его мнению, доказывают, что выдающееся положение богословия обуславливает обязательное включение права в его предмет. Главный богословский аргумент – Бог не только творец, но и высший законодатель, юриспруденция – приложение к моральной философии, поэтому она должна быть присоединена к философии или подчинена ей. Задача теологии – забота о чистой совести людей в этой жизни, а она основывается на соблюдении законов. Следовательно, изучение закона также относится к сфере компетенции теолога. Делается вывод о том, что теология не ограничивается каноническими законами, она принимает во внимание сам естественный (божественный, вечный) закон, который богословие рассматривает как стандарт человеческих действий по отношению к совести, и тем самым теология показывает, в какой степени законы способствуют достижению вечной жизни.

Ключевые слова: схоластика, теология, Бог, нравственность, право, закон.

An article on the materials of F. Suarez's treatise «On Laws and the Legislator God» examines the validity of including law (law) issues in the subject of theology. It is noted that F. Suarez gives a number of arguments that, in his opinion, prove that the outstanding position of theology makes it mandatory to include law in its subject. The main theological argument is that God is not only the creator, but also the supreme legislator. Jurisprudence is an appendix to moral philosophy, therefore, it must be attached to or subordinate to philosophy. The aim of theology is to care for the pure conscience of people in this life, and it is based on compliance with the laws. Therefore, the study of the law also falls within the competence of the theologian. It is concluded that theology is not limited to canonical laws, it takes into account the natural (divine, eternal) law itself, theology considers the law as a standard of human action in relation to conscience, and thus theology shows the extent to which laws contribute to the achievement of eternal life.

Keywords: scholasticism, theology, God, morality, right, law.

Российская правовая наука практически полностью обошла своим вниманием труды второй схоластики [1] (поздней, или постсредневековой, схоластики [2], неосхоластики [1] или даже «схоластики барокко» [3; 4]), к числу которых относится и трактат выдающегося испанского богослова Франсиско Суареса De legibus ac Deo legislatore in decem libros («О законах и о Боге-законодателе в десяти книгах», Коимбра, 1612 г.). Между тем трактат называли энциклопедией схоластической философии [5, с. 868; 6], «высшим достижением иезуитского учения о праве и законе» [7, с. 352], в кото-

ром «все мнения всех докторов найдены, собраны, обобщены, сопоставлены и объединены вместе таким образом, что всякий, кто его прочитал, знает всю мораль, все право (естественное и позитивное, каноническое и гражданское) и политику, известные до тех пор в Средние века [8, с. 153; 9, с. 13; 10, с. 28]. Как пишет современный российский историк философии Д.В. Шмонин, «учения Витории, Сото, Молины и Суареса легли в основу новоевропейских философско-правовых теорий (Гроций, Пуфендорф) и во многом повлияли на формирование системы либерально-демократических

* Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

ценностей современной цивилизации» [11]. Более того, в западной (преимущественно католической) научной литературе трактат Ф. Суареса и сегодня называют источником вдохновения для современной философии права [12, с. 548]. В этом смысле исследование взглядов великого схоласта имеет не только историческое значение, но и может быть полезно в современных поисках адекватного правопонимания.

Термин «теология» имеет не менее чем двухтысячелетнюю историю и уже поэтому не является однозначным при рассмотрении его как в историческом, так и в догматическом ключе. В связи с этим считаем необходимым пояснить, что в настоящем исследовании указанный термин используется в том смысле, который в него вкладывала средневековая схоластика. Фома Аквинский, автор фундаментального трактата «Сумма теологии», включавшего в себя все основные проблемы теологического правопонимания, понятию «теология» предпочитал синонимическое словосочетание «священное учение» (*sacra doctrina*) [13].

К началу XVII века, очевидно, назрела проблема создания новой философии права [1, с. 66]. Ответом схоластики на вызовы времени стало учение Ф. Суареса. И первая задача, которую посчитал необходимым решить исследователь, – обоснование включения в предмет теологии («священной науки») вопросов права.

Ф. Суарес специально подчеркивает в предисловии к трактату *De legibus*, что никого не должно смущать обращение профессионального теолога к обсуждению законов, «ибо выдающееся положение богословия, проистекающее из самого выдающегося предмета его изучения, исключает все основания для удивления» [14, с. 11]. По мнению автора, трактат о законах органично входит в состав теологии, которая без него не будет полной. По этому же поводу Франсиско Витория писал: «Должность теолога настолько обширна, что никакие аргументы, никакие споры, что бы то ни было, не кажутся чуждыми его профессии» [15, с. 10].

Главный исходный довод Ф. Суареса основан на самой сути теологического мировоззрения. В рамках такого видения мира Бог выступает не только творцом, но и конечной целью, к которой стремятся все разумные существа и в которой состоит их единственное счастье [14, с. 11]. Ф. Суарес полагает, что «священное учение» имеет в виду эту конечную цель и указывает путь к ее достижению, т. к. Бог представляет собой не только цель, которую стараются добиться все разумные существа, но и причину (в аристотелевском понимании) ее

достижения. Он направляет свои создания, ведет их к себе, сдерживает увещеваниями, чтобы они не сбились с праведного пути, возвращает обратно заблудших, побуждая законами и поддерживая с помощью благодати.

Путь к спасению человека лежит в его свободных действиях и нравственной порядочности, которая, в свою очередь, в значительной степени зависит от закона как правила человеческого поведения. Это означает, что изучение законов становится разделом теологии. «Когда священная наука рассматривает закон, эта наука, несомненно, не рассматривает ни один другой объект, кроме самого Бога как законодателя» [18, с. 12].

Как в таком случае быть с человеческими законами? Исходя из того что богословие – это сверхъестественная наука, видимо, следует запретить обращаться к тем вопросам, которые имеют своим источником естественную природу и никоим образом над ней не возвышаются. Если же это неверно, то закономерно возникает вопрос о том, могут ли натурфилософы или даже профессора римского права изучать божественные законы.

Поставленный им же самим вопрос Ф. Суарес считает малозначительным и заявляет: «Ввиду того факта, что в теологии следует смотреть на Бога как на законодателя, и поскольку Бог является вселенским законодателем, либо через посредника, либо через непосредственное действие его собственной добродетели (используя терминологию философов), даже самая священная наука по необходимости должна иметь дело со всеми законами» [14, с. 13].

Итак, власть всех законов в конечном счете должна быть приписана Богу. Если закон божественен, то он исходит непосредственно от Бога, а «если он человеческий, то этот закон определенно установлен человеком, действующим как слуга и наместник Бога» [14, с. 12].

Рассмотрим еще один аргумент, который показывает корреляцию Ф. Суаресом в едином предмете теологии права (закона) и нравственности. Ученый полагает, что задача теологии – «заботиться о совести людей в этой жизни» [14]. Чистота совести основывается на соблюдении законов, так же как извращение совести – на их нарушении, ибо любой закон является «правилом, ведущим к вечному спасению, если его соблюдают... и к потере этого спасения, если он нарушается... Следовательно, изучение закона как обязательного для совести будет также относиться к сфере компетенции теолога» [14, с. 13].

Ф. Суарес отмечает, что философы-моралисты рассматривали многие вопросы, связанные

с правом, приводя в пример Платона, Цицерона, Аристотеля, Сенеку, Плутарха и др. Однако все они «почти полностью ограничивались теми человеческими законами, которые помогают сохранять в содружестве или государстве справедливость и мир; и самое большее они в некоторой степени касались естественного права в той мере, в какой оно может быть известно человеческому разуму и служить ориентиром для нравственной безупречности приобретенных добродетелей» [14, с. 14]. Римская юриспруденция следовала в этом же направлении, считая необходимым выводить право из философских принципов. Это означает, что юриспруденция есть не что иное, как приложение или расширение моральной философии по отношению к праву. Поэтому она должна быть присоединена к философии или ей подчинена [14, с. 14]. Имея в виду соответствующую установку и ее реализацию в трактате *De legibus*, Б.Н. Чичерин справедливо отметил, что у Ф. Суареса юридическая область поглощается нравственной, а последняя подчиняется религиозной [7, с. 356].

Ф. Суарес отмечает также ограниченность философского познания права с точки зрения теологии: трактовка законов философами не выходит за рамки их естественной цели; она не касается ее на всех этапах, а только на тех, которые необходимы для сохранения внешнего мира и справедливости в содружестве [14, с. 14]. Канонические законы, однако, относятся к сверхъестественному порядку и поэтому находятся за пределами философского понимания. В то же время в самом каноническом праве Ф. Суарес различает две цели, которые оно преследует, и, соответственно, две сферы регулирования. Первая заключается «в установлении во всем церковном государстве должного политического порядка, сохранении в этом состоянии мира и справедливости и в разумном регулировании всего, что относится к церковному суду». Вторая – «в установлении правильного и разумного порядка во всем, что касается поклонения Богу, спасения душ, чистоты веры и нравственного поведения» [14, с. 14].

При этом Ф. Суарес различает простую интерпретацию канонического права и собственно теологию. Толкователи канонического права изучают и объясняют священные каноны с точки зрения высшей цели. Но теология охватывает все эти функции на более высоком уровне, принимая во внимание сам естественный закон как подчиненный сверхъестественному порядку, определяя в соответствии с пра-

вилами более высокого порядка добродетельность и правильность гражданских законов, их соразмерность принципам веры, обязательствам совести. Предметом теологии являются священные каноны и папские указы, поскольку они обязывают совесть и указывают путь к вечному спасению [14, с. 14–15]. Применительно ко всем этим системам права богословие проводит исследование первоисточников и конечных целей, оно спрашивает, как упомянутые системы происходят от самого Бога, исходя от него к людям либо естественным, либо сверхъестественным путем. Наконец, богословие ясно показывает, каким образом все законы являются стандартами человеческих действий по отношению к совести и в какой степени они способствуют заслугам или недостаткам для вечной жизни [14, с. 15]. Поэтому общее мнение богословов состоит в том, что изучение «права имеет отношение к рассмотрению священной науки в той мере, в какой это касается как сущностной природы закона в целом, так и его разделения по всем основным принципам на различные виды» [14, с. 16].

Итак, включение права (закона) в предмет теологии обосновано следующими доводами:

– это выдающееся положение богословия, проистекающее из самого исключительного предмета его изучения. В силу обширности теологии никакие аргументы, споры и вообще что бы то ни было не кажутся чуждыми ее предмету;

– правильное определение первоисточника закона. Именно Бог является истинным законодателем. И «когда священная наука рассматривает закон, эта наука, несомненно, не рассматривает ни один другой объект, кроме самого Бога как законодателя» [14];

– человеческие законы – это те же божественные законы, но доведенные до людей через посредников. Человеческий закон может быть установлен только «человеком, действующим как слуга и наместник Бога» [14];

– юриспруденция есть не что иное, как приложение или расширение моральной философии по отношению к праву. Поэтому она должна быть присоединена к философии или ей подчинена. Задача теологии – «заботиться о совести людей в этой жизни» [18]. Чистота совести основывается на соблюдении законов, «следовательно, изучение закона как обязательного для совести будет также относиться к сфере компетенции теолога» [14];

– каноническое право включает в себя организацию церковной и духовной жизни че-

ловека. Теология не ограничивается каноническими законами, она принимает во внимание сам естественный (божественный, вечный) закон;

– богословие рассматривает закон как стандарт человеческих действий по отношению к совести, и тем самым теология показывает, в какой степени законы способствуют достижению вечной жизни.

В соответствии с указанным пониманием Ф. Суарес в десяти книгах своего трактата *De legibus* рассматривает следующие темы:

I. О природе закона в целом. Его причины и следствия.

II. О вечном и естественном законе и праве народов.

III. О позитивном человеческом законе (здесь описывается позитивный человеческий закон, рассматриваемый сам по себе, рассказывается о гражданских законах и о том, как и когда они обязательны).

IV. О позитивном каноническом праве.

V. Разнообразие человеческих законов.

VI. Толкование, изменение и прекращение человеческих законов.

VII. Неписанный закон.

VIII. Благоприятный человеческий закон или привилегия.

IX. Древний позитивный божественный закон (Ветхий Завет).

X. О Новом божественном законе (Новый Завет).

Первые две из десяти книг наиболее близки к философско-теологической проблематике. Они посвящены вопросам, непосредственно связанным с описанием, истолкованием и оценкой места и роли Бога (его разума и воли) в формировании и действии вечного и естественного права (закона).

Ф. Суарес, следуя почти во всем за Ф. Аквинским, акцентирует внимание на тех моментах, которые приобрели к началу XVII века особое звучание. В первую очередь необходимо было уточнить определение понятия закона (права). И Суарес специально подчеркивает, что закон – это моральная, а не физическая реальность, это моральные правила, которые относятся к человеку, а не природе. Далее он приходит к выводу о том, что именно закон делает то или иное действие добрым или злым либо, другими словами, что источником моральности является божественный по своему происхождению закон. Тем самым исключается возможность рассуждать о праве и нравственности вне божественной регламентации и о моральной философии вне богословия.

В классификации законов Ф. Суарес сохраняет известное еще Аквинату и другим теологам разделение [16, с. 193–208], но при этом максимально сближает две категории – вечный и естественный законы. И это не случайно. Выделение естественного права (закона) породило «лишний» вопрос о том, кто является его источником естественного закона – Бог или сама сотворенная им природа (из которой его может вывести человеческий разум).

Признание природы и/или разума, открывающего ее указания, источником естественного закона фактически вело, во-первых, к деизму, отрицанию непосредственного вмешательства Бога в дела творения. По этому пути пошли многие философы Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.). Во-вторых, положения, выводимые из природы с помощью разума, не могли считаться законом в собственном смысле слова. Закон указующий (*lex indicativa*), или индикативное суждение разума, строго говоря, не считался законом. У него должен быть автор, законодатель. Но и воля сама по себе не может определять содержание закона, в противном случае это приведет к бессодержательной воле или произволу законодателя. Так, немногим позднее Т. Гоббс, основываясь на идеях деизма и номинализма, утверждал, что «законы природы... не являются законами в той мере, в какой они исходят от природы» [17, с. 318–319], это всего лишь «заклочки или теоремы, относительно того, что ведет к сохранению и защите людей» [18, с. 123]. Законы природы «требуют “лишь желания” исполнять законы» [17, с. 317]. Суверен оказывался реальным законодателем.

Ф. Суарес, сблизив вечный и естественный законы, обесценил спор об их источнике. Кроме того, нерешенным остался вопрос о том, что именно является непосредственным источником вечного и естественного законов – разум или воля Бога. Аргументы сторон сводились к следующему: поскольку суждения разума не имеют обязательной силы, то они не могут быть источником закона, который по определению должен обладать принудительной силой. Ф. Суарес пытался разрешить дилемму, сохраняя оба источника закона – разум и волю.

Вечный закон, согласно Ф. Суаресу, – это свободный указ воли Бога, имеющий своим содержанием божественный разум. Он определяет порядок, который все части Вселенной должны соблюдать в отношении общего блага, а интеллектуальные существа – касательно

своих свободных действий. Ипостасью вечно-го закона является естественный закон, из ко-

торого далее выводится временный человеческий закон.

Литература

1. Аверинцев С., Шмалий В. Богословие // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3.
2. Батиев Л.В. Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени. М., 2014.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2.
4. Гоббс Т. Основ философии. Часть 3: О гражданине // Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 1.
5. Дживелегов А.К. Франциск Суарец // Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 31.
6. Католическая Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=1288> (дата обращения: 18.10.2021).
7. Савинов Р.В. Постсредневековая схоластика как вариант философской парадигмы Нового времени // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3.
8. Чичерин Б.Н. История политических учений. СПб., 2006. Т. 1.
9. Шмонин Д.В. Вторая схоластика: XVI – начало XVII в.: Культурный контекст, метафизические основания, место в истории мысли: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2003.
10. Шмонин Д.В. Введение в философию контрреформации: иезуиты и вторая схоластика // Verbum. 1999. № 3.
11. Giacon Carlo. La Segunda Escolastica. Siglos XVI–XVII // FABRO, Cornelio y otros: Storia della filosofia. Coletti. 2 ed. Roma, 1959. Vol. 2.
12. Janet Paul. Historia de la ciencia Politica. Madrid, 1910.
13. Lanseros Mateo. La autoridad civil en Francisco Suarez. Madrid, 1949.
14. Novotne Daniel D. In defense of baroque scholasticism // Studia Neoaristotelica. 2009. № 2.
15. Pereira Jose. Suarez: between scholasticism and modernity. Milwaukee, 2007.
16. Prieto I. Carrillo. Cuestiones juridico-politicas en Francisco Suarez. Mexico, 1986.
17. Rommen H. La teoria del estado y de la comunidad internacional en Francisco Suarez/ transl. from German by Valentin Garcia Yebra. Madrid, 1951.
18. Suarez F. A Treatise on Laws and God the Lawgiver // Natural law and enlightenment classics/ ed. K. Haakonssen. Indianapolis, 2014.

Bibliography

1. Averintsev S., Shmaliy V. Theology // Great Russian Encyclopedia. Moscow, 2005. Vol. 3.
2. Batiev L.V. The evolution of legal thinking from antiquity to modern times. Moscow, 2014.
3. Hobbes T. Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state // Works: in 2 vols. Moscow, 1991. Vol. 2.
4. Hobbes T. Fundamentals of Philosophy. Part 3: About the citizen // Works: in 2 vols. Moscow, 1991. Vol. 1.
5. Dzhivelegov A.K. Francis of Suarets // Encyclopedic Dictionary. St. Petersburg, 1901. Vol. 31.
6. Catholic Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=1288> (date of access: 18.10.2021).
7. Savinov R.V. Post-medieval scholasticism as a variant of the philosophical paradigm of modern times // Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2011. Vol. 12. Iss. 3.
8. Chicherin B.N. History of political doctrines. St. Petersburg, 2006. Vol. 1.
9. Shmonin D.V. Second scholasticism: XVI – early XVII centuries: Cultural context, metaphysical foundations, place in the history of thought: author. abstract ... Dr. of Philosophy. St. Petersburg, 2003.
10. Shmonin D.V. Introduction to the Philosophy of the Counter-Reformation: The Jesuits and the Second Scholasticism // Verbum. 1999. № 3.
11. Giacon Carlo. La Segunda Escolastica. Siglos XVI – XVII // FABRO, Cornelio y otros: Storia della filosofia. Coletti. 2nd ed. Roma, 1959. Vol. 2.
12. Janet Paul Historia de la ciencia Politica. Madrid, 1910.
13. Lanseros Mateo. La autoridad civil en Francisco Suarez. Madrid, 1949.
14. Novotne Daniel D. In defense of baroque scholasticism // Studia Neo-aristotelica. 2009. № 2.
15. Pereira Jose. Suarez: between scholasticism and modernity. Milwaukee, 2007.
16. Prieto I. Carrillo. Cuestiones juridico-politicas en Francisco Suarez. Mexico, 1986.
17. Rommen H. La teoria del estado y de la comunidad internacional en Francisco Suarez/ transl. from German by Valentin Garcia Yebra. Madrid, 1951.
18. Suarez F. A Treatise on Laws and God the Lawgiver // Natural law and enlightenment classics/ ed. K. Haakonssen. Indianapolis, 2014.

Сильченко Николай Владимирович
Silchenko Nikolay Vladimirovich

профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: silch1954@mail.ru

Professor, Department of Theory and History of State and Law, the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor.

О СФЕРЕ ДЕЙСТВИЯ, СУЩНОСТНЫХ НАЧАЛАХ И РАЗВИТИИ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

On the scope, essential principles and development of law in the digital age

Предлагается «объемный» взгляд на сферу действия права, в основе которого находится концепт одновременного влияния социальных регуляторов на весь спектр социальных связей с их доминированием в отдельных социальных локациях. Отмечается, что практически все перемены в современном праве обусловлены трансформациями, которые происходят в сегментах общественных отношений, где доминируют эквивалентные начала. Цифровое право, полагает автор, сохраняет характерные признаки, присущие классическому праву, и рассматривается в качестве очередного этапа развития в период перехода к информационному обществу и оцифровки всех сторон жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: сфера действия права, эквивалентность права, свобода и справедливость в праве, развитие права, цифровизация содержания и формы права.

A «voluminous» view of the scope of law which is based on the concept of the simultaneous influence of social regulators on the entire spectrum of social ties with their dominance in individual social locations is proposed. It is noted that almost all changes in modern law are due to transformations that occur in segments of social relations, where equivalent principles dominate. Digital law, the author believes, retains the characteristic features inherent in classical law, and is considered as another stage of development during the transition to the information society and the digitization of all aspects of human life.

Keywords: scope of law, equivalence of law, freedom and justice in law, development of law, digitalization of content and forms of law.

Введение. Российская Федерация и Республика Беларусь, находясь на таком этапе развития, когда в условиях глобализации и региональной интеграции, максимально используя достижения развернувшейся в передовых странах Запада четвертой промышленной революции [1] и прежде всего новейшие информационно-коммуникационные технологии, должны совершить эволюционный переход к информационному обществу, осуществив при этом цифровизацию практически всех сторон жизнедеятельности человека [2].

Известно, что вопрос о сфере действия права актуализируется именно на переломных этапах развития общества, когда требуется определиться с возможностями данного социального регулятора в решении возникающих перед обществом проблем. В то же время под воздействием происходящих в социуме перемен трансформируется и само право.

Известно, что сфера действия права и происходящие в нем преобразования раскрываются в рамках той или иной парадигмы, задаваемой понятием права. В данном исследовании предлагаем исходить из того, что право является одним из универсальных видов социального регулирования, истоки и движущие силы которого скрываются в эквивалентных, т. е. соразмерных, по своей природе общественных отношениях, а также общественных отношениях, в содержании которых преобладают идентичные начала. Эквивалентность, в первую очередь присущая товарным отношениям, проникла и в другие пласты социальных связей, обусловленные воздействием товарного производства и соответствующих ему способов обмена, потребления и распределения.

Необходимость обновления понятия сферы действия права. Сегодня трудно определить сферы и виды отношений, свободных от

эквивалентной составляющей. Вместе с тем, кроме права, в современном обществе действуют и другие универсальные социальные регуляторы – власть (политика), мораль и религия, в связи с чем возникает вопрос о разграничении сфер их действия.

Распространено мнение о том, что у каждого универсального вида социального регулирования есть своя сфера действия – определенная группа общественных отношений. При таком подходе все социальные отношения условно располагаются на одной плоскости, которая затем разделяется на отдельные сектора – отношения, регулируемые правом, моралью, властью (политикой), религией и т. д. Затем происходит сравнение общественных отношений и достаточно четкое разграничение предметов регулирования входящих в состав отдельных социальных регуляторов правил поведения. Продолжением такого «линейного» взгляда на определение области действия социальных регуляторов, но уже в правовой сфере, является деление позитивного права на отрасли и другие структурные части. Однако поскольку такое видение сфер социального регулирования используется достаточно давно, а существенного прироста знаний о взаимодействии разных социальных регуляторов в последнее время не наблюдается, то следует поменять ракурсы исследования.

В современных условиях необходим иной, «объемный» взгляд на соотношение отдельных видов социального регулирования, согласно которому они *одновременно* воздействуют на весь спектр социальных связей, но при этом каждый из универсальных социальных регуляторов оказывает *доминирующее влияние* на определенные стороны (элементы) общественных отношений, испытывая при этом «давление» со стороны других социальных регуляторов. Одни социальные регуляторы компенсируют изъяны и недостатки других, а в случае необходимости могут временно восполнять действие отсутствующих. Например, в смутные времена, когда происходит коренная ломка правовой системы, сложившиеся в обществе нравы и политические правила поведения могут временно замещать отсутствие позитивного права.

Таким образом, универсальные социальные регуляторы не локализируются в какой-то одной конкретной сфере бытия общества, но

распредоточиваются во всем социальном пространстве и действуют в определенных сочетаниях в определенных сферах и видах общественных отношений. В зависимости от степени концентрации эквивалентных начал на тех или иных участках социального пространства можно выделять право жесткое, когда оно преобладает в определенном сегменте общественных отношений, и право мягкое, когда эквивалентные начала не являются ведущей составляющей социального регулирования. Справедливо говорить об усилении моральной составляющей либо политизации в отдельных локациях социального пространства. Однако независимо от степени концентрации эквивалентности и соотношения социальных регуляторов на тех или иных участках социального пространства эквивалентная (соразмерная) сторона социальных связей остается «отчиной» права, асимметричная (властная) – политики (власти), этическая (безвозмездная) – морали и т. д.

Социальные регуляторы ранжируются по значимости оказываемого воздействия, а одно и то же отношение измеряется в соответствии с критериями, присущими разным социальным регуляторам. Правовые отношения, в особенности та их часть, которая складывается на основании закона, оцениваются и взвешиваются на политических весах [3], в свою очередь, политическим отношениям обычно дается моральная оценка.

Сущностные начала, содержание и форма права. Практически все перемены в современном праве в конечном счете обусловлены трансформациями, которые происходят в том сегменте общественных отношений, где доминирует эквивалентность, а из трех самых важных характеристик права (свобода, справедливость и эквивалентность), чаще всего рассматриваемых в качестве стержневых, сущностных его начал, первенство, на наш взгляд, принадлежит эквивалентности.

Объем обеспечиваемой правом свободы и характер устанавливаемой справедливости обуславливаются и измеряются системой эквивалентов, которые формируются на определенном этапе развития экономических отношений. Римская империя, развив до совершенства товарное производство на основе использования рабского труда во всех сферах жизни и разработав систему правовых эквивалентов,

которыми были пронизаны обмен, производство, распределение и потребление [4, с. 262], создала самую совершенную на тот момент правовую систему. И, наоборот, общества, которые пытались построить экономическую систему без использования минимальных эквивалентных начал, опираясь на простое принуждение, всегда деградировали, их экономическая система по причине своей неэффективности неизбежно терпела крах. Понятно, что право, равно как и свобода, в таких обществах отсутствовало, а законодательство представляло собой систему исходящих от государственной власти и основанных на определенном мировоззрении или произвольно установленных политических принципов, норм и индивидуальных правил поведения. Примером может служить режим «красных кхмеров» в Камбодже.

Справедливость в праве является закономерным следствием неуклонного осуществления эквивалентности в общественных отношениях, что, безусловно, приводит к социальному расслоению и неравенству. Но социальное неравенство, являющееся закономерным следствием утвердившихся в обществе и закрепленных в системе правил поведения представлений о соразмерностях в эквивалентных по своему содержанию общественных отношениях, с позиции права вполне справедливо. Следовательно, справедливость права выступает его производным свойством, что, впрочем, не умаляет значимости данной его характеристики. Безусловно, на содержание эквивалентности общественных отношений в ходе обмена, производства, распределения и потребления влияют многие факторы [5], в первую очередь такие универсальные социальные регуляторы, как мораль и религия, под воздействием которых социальное неравенство может сглаживаться или возрастать в зависимости от направленности их действия [6]. Впрочем, среди многих факторов, оказывающих влияние на содержание эквивалентности, государственная власть занимает особое место. Посредством законодательства она в состоянии вносить существенные коррективы в складывающиеся соразмерности в эквивалентных общественных отношениях и даже на некоторое время упразднить или заменять их искусственно созданными суррогатными правилами поведения. Но под объективным правом понимается не-

обходимая, закономерно присущая достигнутому уровню развития производства, распределения, обмена и потребления форма экономических отношений [7, с. 116]. Именно поэтому государство не в состоянии отменить данную форму бытия экономических отношений, и она постоянно воспроизводится. Законодатель, как верно отмечал К. Маркс, похож на естествоиспытателя, он не делает законов, не изобретает их, он призван открыть закономерности бытия данной формы [8, с. 122].

Социальный регулятор, призванный навести порядок в эквивалентных по своей природе общественных отношениях, не может не содержать в себе соответствующих инструментов, посредством которых они закрепляются, защищаются и развиваются. Такими инструментами являются принципы и нормы права, а также индивидуальные правила поведения, составляющие субстратную часть содержания права [9]. Принципы права, нормы права, индивидуальные правила поведения вместе со связями между ними образуют содержание права, структура которого в научной юридической литературе обычно обозначается понятием «внутренняя форма права» [10, с. 186]. Содержание права имеет также соответствующие внешние формы выражения и закрепления, часть из которых носит официальный характер, т. е. они признаются обществом и государством в качестве общеобязательных «хранилищ» действующего права и обозначаются понятием «источники позитивного права».

Таким образом, объективное право – это форма, в которой развиваются экономические отношения производства, распределения, обмена и потребления, но в то же время она представляет собой систему правил поведения, которые вырабатываются участниками экономических отношений с целью их охраны и развития на эквивалентных началах.

Объективное право имеет сложившиеся в ходе длительной эволюции внешние формы своего бытия, а весь объем объективного права равен количеству внешних форм его выражения и закрепления, но далеко не все они приобретают официальный характер и становятся источниками права. Следовательно, не все объективное право охраняется и защищается его официальным представителем – государством. Часть объективного права, не нашедшая своего выражения и закрепления в

официальных средствах, называется *фактическим правом*, поддерживается и защищается обществом и его гражданскими структурами.

Право в цифровую эпоху. Значительные перемены в праве происходят в условиях глобализации, региональной интеграции [11]. Оцифровка права и широкое использование информационно-коммуникационных технологий в данной сфере приводят к трансформации существующих и появлению новых отраслей законодательства [12] и, соответственно, изменению системы и структуры права [13]. Если в будущем ожидается появление правил поведения, призванных урегулировать целую гамму новых виртуальных отношений, у которых нет аналогов в привычном для нас мире [14, с. 192], то уже сейчас в праве происходят перемены, связанные с геометрическим увеличением технических регламентов и стандартов в правовой системе. Технические правила поведения являются составной частью права, без которой оно немыслимо [15]. Следует говорить о своеобразном «удвоении» его содержания, когда «классические» принципы, нормы права и индивидуальные правила поведения не могут действовать без дополняющих технических регуляторов.

Разработчики программного продукта одновременно создают и правила пользования им в виртуальном пространстве, устанавливая ответственность и фактически являются субъектами образования права. Но ни оцифровка правовых отношений, ни внедрение в сферу правотворчества и реализации права самых совершенных информационно-коммуникационных технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта, не изменяют природы права. Корректируются правила закрепления, охраны и восстановления нарушенных эквивалентных начал, т. е. содержание права, но неизменным остается стержневое, сущностное качество права – его эквивалентность. Следовательно, в праве происходят перемены, которые не раз случались в его истории. После «проникновения» эквивалентных начал в новые пласты общественных отношений в очередной раз произойдут изменения в содержании и сфере его действия.

В современном праве наряду с устными и письменными средствами его выражения и закрепления все шире используются цифровые [16]. Подобно тому как устное право

на определенном этапе развития было дополнено правом письменным, сегодня устные и письменные средства внешнего бытия права обогащаются средствами цифровыми. Но здесь следует учитывать одну особенность. Устное право было именно «дополнено» письменным. В связи с тем что текст устной речи и текст письменной речи при всей схожести являются разными видами текстов [17], письмо в полной мере не смогло заменить устную речь [18]. Сейчас мы находимся на таком этапе развития внешней формы права, когда происходит *постепенное* замещение устных и письменных средств выражения и закрепление права цифровыми. Однако пока не вполне ясно, сможет ли цифра полностью вытеснить устное и письменное право.

Укажем на весьма любопытную особенность. Несмотря на то что во многих странах мира единственным официальным источником опубликования действующего позитивного права признаются тексты на электронных носителях, нормативные правовые акты по-прежнему принимаются в письменной форме. При этом в ряде государств письменные тексты хранятся в эталонных базах данных правовой информации наряду с электронными копиями.

В связи с этим возникает ряд вопросов: если источник права принимается в письменной форме, а единственным официальным способом его опубликования является размещение электронной копии документа на официальном интернет-портале, то что приобретает юридическую значимость – письменный оригинал источника права или его копия? Если же после официального опубликования юридическую обязательность вместе с электронной копией приобретает и оригинальный письменный текст, то почему письменной копии «отказывается в праве» быть средством официального опубликования письменного источника права?

Цифровые средства выражения и закрепления права, также как и устная речь и письмо, имеют универсальный характер, могут служить инструментами для закрепления и выражения всех традиционных и нетрадиционных видов источников национального, наднационального и международного права.

Итак, цифровое право можно считать очередным этапом развития содержания и формы права. Однако следует согласиться с тем,

что «...оно все же имеет характерные признаки, присущие классическому праву» [19, с. 115]. С помощью цифры достигается высокий уровень формализации субстратных элементов содержания права и структурных связей между ними. Вместе с тем происходящие в праве перемены не упраздняют существующий набор субстратных элементов его содержания и характерных системных связей между ними. Следовательно, вызывающий много толков «алгоритм», который становится законом бытия права и в принципе может довести до автоматизма процессы создания и реализации права [20], работает в сложившейся структуре права. Развитие же содержания права, как это было и прежде, происходит под воздействием изменений в регулируемых правом общественных отношениях и в результате волевых усилий общества и государства.

В заключение отметим, что в современном обществе с помощью цифровых сервисов и технологий может быть обеспечено строгое и

неуклонное соблюдение сложившихся естественным образом или установленных властными структурами эквивалентных начал как в экономических отношениях, так и в других сферах бытия социума. Вместе тем в литературе справедливо обращается внимание на то, что с помощью тех же самых сервисов и технологий может быть установлен тотальный контроль за частной жизнью граждан. В этом случае возникает проблема предоставления соответствующих гарантий защиты от обработки персональных данных без согласия лица, а также поднимается вопрос о праве граждан на проживание в среде, свободной от цифры [21, с. 10, 11, 28]. Обсуждение данных вопросов требует отдельного исследования, но, как представляется, в демократическом государстве можно успешно решить проблему соблюдения эквивалентных начал в общественных отношениях и обеспечить личную свободу граждан, гарантировать их конституционные права и свободы.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.
2. Зорькин В.Д. PROVIDENTIA или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6.
3. Баранов П.П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1.
4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 3-х т. Т. 3: Современное правопонимание. М., 2007.
5. Поленина С.В. Взаимосвязь правовой политики и культуры и ее отражение в законодательстве. М., 2016.
6. Богданов Е.В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско-правовой сфере с позиции социальной справедливости // Журнал российского права. 2018. № 3.
7. Сырых В.М. Материалистическая философия публичного права. М., 2016.
8. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр. соч. 2 изд. М., 1957. Т. 1.

Bibliography

1. Shvab K. The fourth industrial revolution. Moscow, 2016.
2. Zorkin V.D. PROVIDENTIA or the law of the future in the era of digitalization // State and law. 2020. № 6.
3. Baranov P.P. Improving the modern regulatory policy of Russia: general theoretical and practical problems // North Caucasian legal bulletin. 2020. № 1.
4. Syryh V.M. The logical foundations of the general theory of law: in 3 vols. Vol. 3: Modern legal thinking. Moscow, 2007.
5. Polenina S.V. The relationship between legal policy and culture and its reflection in legislation. Moscow, 2016.
6. Bogdanov E.V. The problem of leveling (smoothing) the actual inequality in the civil law sphere from the standpoint of social justice // Journal of Russian Law. 2018. № 3.
7. Syryh V.M. Materialistic Philosophy of Public Law. Moscow, 2016.
8. Marks K., Engels F. To the criticism of Hegel's philosophy of law // Collection works. 2 ed. Moscow, 1957. Vol. 1.
9. Ershov V.V. Fundamental general theoretical and civil law principles of law. Moscow, 2010.

9. Ершов В.В. Основопологающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М., 2010.
10. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014.
11. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / В.В. Балытников и др.; под ред. проф. С.В. Полениной, Е.В. Скурко. М., 2006.
12. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.
13. Отрасли права и законодательства Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017.
14. Правовое пространство и человек / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М., 2012.
15. Березина Е.А. Предмет правового регулирования: философские основания // Философия права. 2019. № 3.
16. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9.
17. Лепешко А.Б. В поисках методологических оснований права: коммуникативный подход. М., 2019.
18. Темнов Е.И. *Iurisprudentia eloquena*. Звучащая юриспруденция. М., 2006.
19. Солдаткина О.Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12.
20. Петров А.А. Алгоритмизация преодоления сложных коллизий норм права // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2.
21. Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / отв. ред. А.И. Овчинников, А.Г. Кравченко. М., 2021.
10. Azmi D.M. The legal system and its structure: methodological approaches and solutions. Moscow, 2014.
11. The legal system of Russia in the context of globalization and regional integration: theory and practice / V.V. Balytnikov, etc.; ed. by S.V. Poleninoy, E.V. Skurko. Moscow, 2006.
12. Habrieva T.Ya. Law in digital reality // Journal of Russian Law. 2018. № 1.
13. Branches of law and legislation of the Russian Federation: theoretical, intersectoral, sectoral and historical and legal aspects / ed. by R.L. Hachaturova. Moscow, 2017.
14. Legal space and people / N.V. Vlasova, S.A. Grachova, M.A. Mescheryakova, other; executive ed. Yu.A. Tihomirov, E.V. Pulyeva, N.I. Hludneva. Moscow, 2012.
15. Berezina E.A. The subject of legal regulation: philosophical foundations // Philosophy of law. 2019. № 3.
16. Sannikova L.V., Haritonova Yu.S. Transformation of law in the digital age: a look into the future // State and law. 2019. № 9.
17. Lepeshko A.B. In search of methodological foundations of law: a communicative approach. Moscow, 2019.
18. Temnov E.I. *Iurisprudentia eloquena*. Sounding jurisprudence. Moscow, 2006.
19. Soldatkina O.L. Digital Law: Features of the Digital Environment and Subjects // State and Law. 2019. № 12.
20. Petrov A.A. Algorithmization of overcoming complex conflicts of law norms // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2021. № 2.
21. Legal policy of the Russian state in the digital economy and digital technological order / executive editor A.I. Ovchinnikov, A.G. Kravchenko. Moscow, 2021.

Овчинникова Олеся Дмитриевна
Ovchinnikova Olesya Dmitrievna

доцент кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: olesya901@mail.ru

Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Шаганян Анна Михайловна
Shaganyan Annetta Mikhailovna

доцент кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: sha-anneta@mail.ru

Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

**ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ**

Legal mentality and legal awareness: concept, essence and correlation of categories

В статье рассматриваются понятие, сущность и содержание таких правовых категорий, как «юридический менталитет» и «правовое сознание», предпринимается попытка выявить их соотношение. Исследуются разнообразные подходы к правосознанию и юридическому менталитету, на основании чего формулируется вывод об их уникальности.

Ключевые слова: менталитет, юридический менталитет, правовое сознание, правосознание, мышление, соборность, мировоззрение.

The article deals with the concept, essence and content of such legal categories as «legal mentality» and «legal consciousness», an attempt is made to identify their relationship. Various approaches to legal consciousness and legal mentality are studied, on the basis of which a conclusion is formed about their uniqueness.

Keywords: mentality, legal mentality, legal consciousness, sense of justice, thinking, conciliarity, outlook.

На современном этапе развития правовой науки теоретическая база изучения юридического менталитета и правосознания различных социальных общностей и групп значительно увеличивается, постепенно растет и число исследований, посвященных данной проблеме, поскольку сегодня происходит не только активное развитие права и проникновение его во все сферы жизнедеятельности общества, но и повышение роли правосознания.

Юридический менталитет представляет собой сложный правовой феномен, являющийся фундаментальным в теории правосознания. Это можно объяснить тем, что именно данное научное явление позволяет рассмотреть правосознание как социальной группы в целом, так и индивида в отдельности, а также способствует глубинному познанию структур юридической психологии.

В русском языке термин «менталитет» встречался довольно редко и обозначал «ум, мышление; благоразумие, рассудительность; образ мыслей; сознание, совесть; мнение, взгляд» [1, с. 365]. В российской правовой системе понятие «правовой менталитет», или «юридический менталитет», появилось в 90-х годах прошлого столетия. Сегодня юридический менталитет находит свое отражение в таких отраслях отечественной науки, как юриспруденция и политология.

А.И. Коваленко, который одним из первых начал использовать понятие «правовой менталитет», определял его как «устойчивое мировоззрение той или иной социальной группы, класса, нации, народа и иной общности на государство и право, способ их существования и функционирования» [3, с. 20]. Кроме того, исследователь считает, что юридический

менталитет представляет собой особый взгляд индивида или группы на политическую систему, в которой они находятся и которую считают идеальной для нормальной жизнедеятельности [3, с. 24]. Подобная интерпретация исследуемого термина была одной из самых первых и весьма удачных в отечественной правовой науке.

По мнению А.Ю. Мордовцева, «правовой менталитет является совокупностью правовых представлений, устойчивых форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности, определяют специфику правового поведения индивида и социальных групп» [4]. Среди прочего ученый замечает, что правовой менталитет является совокупностью элементов именно мышления, поскольку менталитет – это все-таки компонент сознания индивида, именно оно заставляет человека следовать принятым установкам и привычкам [4]. Таким образом, ученые считают правовой менталитет структурным элементом сознания.

В современной юридической науке существует мнение о том, что правовой менталитет является совокупностью юридической деятельности и мышления, в частности подобной позиции придерживается Р.М. Овчиев [5, с. 41]. Однако такой подход получил критику со стороны Д.В. Меняйло, поскольку, по его мнению, правовой менталитет является исключительно частью духовного мира человека и общества, а следовательно, выражаться посредством правового действия или поведения не представляется возможным. «Правовым менталитетом являются исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оценочных и реагирований на объекты государственной-правовой действительности» [6, с. 87].

Учитывая вышеизложенное, под юридическим менталитетом следует понимать совокупность правовых структурных элементов, коллективных бессознательных умонастроений и представлений, распространенных в обществе правил, образов и стилей правового мышления, которые в различных социумах имеют своеобразное содержание, сочетаются многими разнообразными способами, но постоянно опираются на подсознание и являются осно-

вой своеобразного взгляда на правовую реальность, а также уникального правового поведения индивида и различных социальных групп.

В юридической литературе тема правового менталитета достаточно актуальна, поскольку в современных реалиях без учета данной категории изучение герменевтических основ права не может быть целостным и полным. Несмотря на актуальность данной темы, о ее слабом развитии свидетельствует неопределенность соотношения правосознания и правового менталитета. Правосознание как научная категория находит свое отражение в работах многих правоведов. Например, С.С. Алексеев пишет, что «правосознание есть совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни» [7]. Именно чувственное отношение человека к праву и есть значимая составляющая правосознания, поскольку оно является определенным элементом сознания человека, существует на идеальном уровне, а также зависит от мировоззрения индивида или устоявшегося в обществе взгляда на мир. Зачастую правосознание очень тесно переплетается с моральными взглядами. Так, люди дают оценку праву и различным правовым явлениям, исходя из собственных представлений о таких категориях морали, «совесть», «честь», «добро», «справедливость» и т. д.

Теоретико-методологические основы правосознания всегда находились под пристальным вниманием российских правоведов. Так, в науке правосознание раскрывается посредством «общественного сознания, содержащего субъективное отношение индивида к правовой действительности, и проявляет себя в форме социально значимых действий и поступков человека» [8]. Большинство ученых придерживаются мнения о том, что правосознание оказывает огромное влияние на поведение человека, на его функционирование в обществе, содержит в себе представление индивида о правовой системе, в которой он существует, формирует у него отношение к праву в целом, что определяет в дальнейшем его юридически значимые поступки.

Следует признать справедливость мнения В.Н. Корнева, утверждающего, что объектом правосознания выступает не объективная действительность, а взгляды, идеи, представления, суждения о государственно-правовых явлениях. «Правосознание – это теоретическое и эмоционально-ценностное восприятие и

осознание господствующих в обществе идей о существующем или желаемом государстве, праве и правосудии, выраженное в совокупности знаний, чувств, переживаний, определяемых политическими интересами и ценностями» [9].

Из множества определений понятия правосознания в научной литературе выделяют основные его характеристики, которые являются составляющими элементами данной дефиниции. Так, по мнению И.Ю. Лимаренко, правосознание обладает следующими особыми свойствами: «1) является сферой общественного сознания; 2) отражает правовую действительность; 3) включает совокупность знаний, теорий, взглядов, идей, представлений, убеждений, установок, ценностных ориентаций, оценок, настроений, эмоций, переживаний, чувств, привычек; 4) определяет отношение субъекта к действующему праву; 5) регулирует поведение в юридически значимых ситуациях; 6) формирует представления о желаемом праве и в дальнейшем находит конкретное выражение в нормах права» [10].

На основании вышеизложенного правосознание следует понимать как корреляцию разума и чувств, отражающих правовые реалии, с представлениями, правовыми идеями, ценностными ориентирами конкретного индивида к праву, что является определяющим его деяний в юридически значимых отношениях.

Категории «правовой менталитет» и «правосознание» начали изучаться российскими учеными сравнительно недавно, поэтому для лучшего понимания их сущности целесообразно соотнести их и обозначить, являются ли они самостоятельными относительно друг друга или все-таки одно из них выступает структурным элементом другого.

На сегодняшний день соотношение правового менталитета и правосознания представлено четырьмя подходами: правовой менталитет является частью правосознания; данные понятия тождественны; правовой менталитет шире правосознания; правовой менталитет выходит за пределы правового сознания.

Согласно первому подходу правовой менталитет является той частью общественного сознания, на уровне которого человеческая мысль становится частью эмоций и норм поведения. В результате происходит процесс, который способствует затуханию специфических основ правового менталитета, а явление переходит к групповому правосознанию. В структуре элементов правосознания правовой менталитет является его

глубинным уровнем и выступает в роли основы привычного образа юридической действительности [9]. Правосознание и правовой менталитет представляют собой неразрывное единство, определяя друг друга. Так, правовой менталитет является интуитивным неизменяемым элементом правосознания, который способствует преемственности в процессе эволюции общества, не подвергаясь влиянию со стороны различных социальных потрясений и катастроф. Однако данная позиция весьма противоречива, поэтому подвергается критике.

С точки зрения сторонников второго подхода, правовой менталитет выступает «характеризующим элементом различных типов сознания, его психологических и социальных сторон мышления, свойственных разным индивидам одной и той же этнической общности в отношении права» [13]. Правовой менталитет, как и правосознание, является взглядом индивида на правовую действительность, оба понятия подразумевают оценку человеком или группой правовой системы, действующей в обществе, отношение к праву и уверенность в том, что данная система соответствует его внутренним убеждениям.

Правоведы, которые придерживаются точки зрения о том, что правовой менталитет является более широким понятием, чем правосознание, раздвигают его границы и выводят за пределы правосознания, поскольку в него включаются не только исторически сложившиеся формы мышления, но и шаблоны поведения, которые не являются составляющей частью правосознания человека. «Данная правовая категория представляет собой совокупность однообразных для общества реакций на повседневные правовые явления в виде эмоций и чувств, находящихся на бессознательном уровне» [11]. Правовой менталитет «включает в себя, прежде всего, некие структуры национального характера, действующие, не проходя через сознание, спонтанно» [12]. С данной позиции правовой менталитет выступает основой сознательного и бессознательного. Однако представленная позиция также подвергается критике, поскольку если все-таки признать, что правовой менталитет есть бессознательное явление, то придется отвергнуть наличие в нем правового мышления, а оно, являясь наиболее усовершенствованным элементом правового менталитета, накапливает весь прошлый опыт, сохраняя его, совершенствуя и исключая ошибки [11].

Сторонники четвертого подхода утверждают, что правовой менталитет существует вне правосознания, выступая структурным феноменом общественного сознания. Правовой менталитет включает в себя глубинные формы мышления и поступков людей, являющиеся отличительной чертой той или иной общности. Кроме того, правовой менталитет содержит скрытую предрасположенность действовать и принимать окружающую действительность в соответствии с исторически сложившимися в обществе духовно-культурными установками. И.А. Шаповалов, В.Н. Синюков, А.Ю. Мордовцев указывают на то, что правовой менталитет не может входить в структуру правосознания, поскольку он является своеобразной формой мышления, способностью воспринимать существующую действительность и находится в структуре общественного сознания в качестве фундамента идеологических составляющих правового сознания [11].

Проанализировав все вышеприведенные точки зрения и мнения ученых, можно сделать вывод, что правовой менталитет представляет собой одно из многофункциональных правовых явлений, относящихся к духовной сфере человечества, и лежит в основе современных правовых явлений. Кроме того, правовой менталитет находится в тесной взаимосвязи с правосознанием, выступая для последнего принципом (основой) его развития и выражения, в то время как правосознание наряду с правовым мышлением и т. п. являются средствами для его функционирования.

В России правовой менталитет и правосознание представляют собой сложные структурные и многоуровневые явления. В данных категориях объединяются различные культурные, исторические, психологические образы, стандарты правового мышления и поведения, духовная консервативность бессознательного и сознательного слоев, свойственные им психологические реакции на нестандартные, нетипичные ситуации. Российский правовой менталитет и правосознание выражают внутренние механизмы, структурные элементы отечественного сознания, которые складывались на протяжении всего исторического развития российского общества.

Формирование отечественного правового менталитета и правосознания обуславливается географическим положением государства. Так, Л.А. Чикин указывает на то, что одной из особенностей эволюции российского правового

сознания является влияние как восточных, так и западных правовых ценностей. По своей сущности Россия является и не Востоком, и не Западом, но одновременно с этим она принимала все окружающие ее культуры. В таком взаимодействии отечественное общественное сознание усваивало инородные нормы, перерабатывая их на основе интересов и целей, стоящих перед российским обществом, тем самым создавая новый, неповторимый правовой менталитет, который и лежит в основе самобытного российского правосознания.

Правоведы сходятся во мнении о том, что главными отличительными чертами российского правового менталитета и правосознания являются его общность или соборность, нравственность, религиозность, справедливость и патернализм, т. е. властная трактовка права. В совокупности все перечисленные элементы способствовали появлению уникального российского правового менталитета и правового сознания.

Право русским народом понимается не просто как способ построения общественных отношений и их строгого регулирования, но и элемент духовной жизни людей, тесно связанный с моральными традициями и убеждениями российского общества. Специфика отечественного правового менталитета и правосознания предполагает ее учет в процессе построения правовой системы государства. По мнению В.Н. Синюкова, органы власти при издании нормативных правовых актов должны следовать не принятым во многих демократических странах юридическим принципам регулирования общественных отношений, а интересам русского народа, его нравственным установкам и идеям. В отечественном законодательстве существуют проблемы, связанные с учетом исторически сложившегося правового менталитета и правосознания народа, именно поэтому русским людям свойственно в некоторой степени отрицательное отношение к праву и законам.

Таким образом, российский правовой менталитет и правосознание следует оценивать как феноменальные правовые явления, не имеющие аналогов в мире. Формируясь под постоянным воздействием западной и восточной культур, правосознание трансформировалось и обрело значительный набор своеобразных характеристик. В юридической литературе отмечается, что отечественному правовому менталитету и правосознанию свойственен

высокий уровень нравственности и моральности, а также указывается на то, что отражение данных категорий в сознании русского народа нельзя представить без религиозности и общности, сопровождающих российское общество с начала его зарождения и на всем протяжении исторического развития. Однако уче-

ные также обращают внимание на то, что на сегодняшний день в России получили новый импульс тенденции, связанные с формированием правового нигилизма, поэтому сейчас данный вопрос для современного Российского государства является достаточно острым.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1994.
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-pravovogo-mentaliteta/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Коваленко А.И. Краткий словарь-справочник по теории государства и права. М., 1994.
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mentalitet-kak-osnovanie-issledovaniya-natsionalnogo-prava-i-publichno-vlastnoy-organizatsii-v-xxi-veke/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
5. Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
6. Меняйло Д.В. Правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompromissnoe-pravosoznanie-i-pravovaya-kultura-kak-neobhodimye-elementy-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opravosoznani-i-ego-deformatsii/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
9. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36828-problemy-teorii-pravosoznaniya-sovremennoj-otechestvennoj-yurisprudencii> (дата обращения: 12.11.2021).
10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennye-priznaki-pravosoznaniya/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-pravovoy-mentalitet/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mentalitet-kak-sotsiokulturnyy-faktor-reformirovaniya-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).
13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-prava-pod-uglom-natsionalnogo-pravovogo-mentaliteta/viewer> (дата обращения: 12.11.2021).

Bibliography

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1994.
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-pravovogo-mentaliteta/viewer> (date of access: 12.11.2021).
3. Kovalenko A.I. A short dictionary-reference book on the theory of state and law. Moscow, 1994.
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mentalitet-kak-osnovanie-issledovaniya-natsionalnogo-prava-i-publichno-vlastnoy-organizatsii-v-xxi-veke/viewer> (date of access: 12.11.2021).
5. Ovchiev R.M. Legal culture and Russian legal mentality: author. abstract ... Cand. of Law. Rostov-on-Don, 2006.
6. Menyailo D.V. Legal mentality: author. abstract ... Cand. of Law. Volgograd, 2003.
7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompromissnoe-pravosoznanie-i-pravovaya-kultura-kak-neobhodimye-elementy-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva/viewer> (date of access: 12.11.2021).
8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opravosoznani-i-ego-deformatsii/viewer> (date of access: 12.11.2021).
9. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36828-problemy-teorii-pravosoznaniya-sovremennoj-otechestvennoj-yurisprudencii> (date of access: 12.11.2021).
10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennye-priznaki-pravosoznaniya/viewer> (date of access: 12.11.2021).
11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-pravovoy-mentalitet/viewer> (date of access: 12.11.2021).
12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mentalitet-kak-sotsiokulturnyy-faktor-reformirovaniya-sovremennoy-rossii/viewer> (date of access: 12.11.2021).
13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-prava-pod-uglom-natsionalnogo-pravovogo-mentaliteta/viewer> (date of access: 12.11.2021).

Ладенков Никита Евгеньевич
Ladenkov Nikita Evgenievich

аспирант Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург).
E-mail: sping92@mail.ru

Postgraduate, the North-Western Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg).

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ПРАВО

The impact of technological revolutions on law

В статье рассматривается зависимость динамики права от развития технологий и экономики. Проводится анализ качественных изменений в праве во взаимосвязи с технологическими революциями. Отмечается экономический и технологический детерминизм права. Особое внимание уделяется цифровой революции как фактору, определяющему дальнейшее развитие права.

Ключевые слова: технологическая революция, динамика права, цифровая революция, промышленная революция, технологический детерминизм, экономический детерминизм.

The article considers the dependence of the dynamics of law on the development of technology and the economy. The analysis of qualitative changes in law in relation to technological revolutions is carried out. The economic and technological determinism of law is noted. Special attention is paid to the digital revolution as a factor determining the further development of law.

Keywords: technological revolution, dynamics of law, digital revolution, industrial revolution, technological determinism, economic determinism.

Технический прогресс всегда сопровождал развитие человечества. И сегодня человек продолжает совершенствовать различные орудия и средства производства. При этом развитие технологий приводит к трансформации социальных взаимосвязей и экономической сферы жизни общества.

В экономической литературе неоднократно отмечалась зависимость развития экономики от внедряемых в производство технологий. С появлением более сложных орудий труда увеличивалось количество производственных связей, что, в свою очередь, обычно требовало привлечения большего числа людей в процесс производства, распределения, обмена и потребления того или иного конечного блага. Среди перечисленных видов деятельности ключевое значение остается за производством. Как отмечал К. Маркс, «...производство есть исходный пункт... Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства. Обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент... интенсивность обмена, его распространение, также как и его

форма, определяются развитием и организацией производства» [1, с. 725].

Формы осуществления производства, распределения и обмена предопределяются уровнем технологического развития, который порождает соответствующие экономические отношения. Они выстраивают вокруг себя определенную социальную, или экономическую, структуру. Данная структура означает в первую очередь соотношение распределения труда, средств производства и полученных продуктов в обществе [2, с. 7]. Сложившиеся отношения закрепляются посредством правовых норм прежде всего гражданского и трудового права. Однако затрагиваются не только нормы, но и системообразующие связи, определяющие логику и структуру всего права. Соответственно, выстраивается экономический детерминизм в праве. К. Маркс отмечал: «Экономическая структура общества есть реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [3, с. 7].

Одним из основных направлений экономической науки, изучающих соотношение права

и экономики, является Law and Economics. Представителями данного подхода экономика рассматривается как совокупность индивидуальных взаимодействий в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Но, в отличие от подхода, предложенного К. Марксом, здесь обмен и потребление имеют доминирующее значение. Право же, с одной стороны, соответствует экономическому укладу, охраняя его, с другой – выступает в качестве альтернативы рыночным механизмам в части распределения редких ресурсов. Таким образом, в соответствии с данным подходом право призвано обеспечивать интересы экономики и зависит от нее прежде всего в части повышения экономической эффективности. При этом оно само встраивается в экономическую структуру, порождая издержки на самоподдержание и обеспечение собственной эффективности через финансирование государственных органов.

Вместе с тем большинство исследователей приходят к выводу, что экономика доминирует над правом, которое призвано урегулировать реально складывающиеся в обществе отношения. Если исходить из логики И. Бентама, право всегда следует за собственностью, поскольку у них общая судьба. Пожалуй, с этим вполне можно согласиться. «Меновая» теория права Е.Б. Пашуканиса не сильно отличается от исторического материализма, который связывает формирование права с производством и обменом товарами [4]. Однако стоит обратить внимание на то, что попытки ввести правовое регулирование, в корне отличающееся от сложившихся социальных или экономических практик, приводят к полному провалу права.

При этом сфера производства и обмена детерминирована уровнем технологического развития. При накоплении и внедрении достаточного количества технологий, не имевших аналогов в прошлом, перестраивается экономическая система, что приводит к изменению системы права. К. Маркс отмечал: «При этом с изменением экономической основы... происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении такого переворота необходимо отличать материальный... переворот в экономических условиях производства – от юридических, политических, религиозных, художественных или философских

форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [3, с. 7]. Таким образом, право не только детерминировано экономикой, но и опосредовано технологиями.

Развитие технологий уже и ранее в значительной степени изменяло право. Так, право из привилегии преобразовалось в меру равенства, из меры свободы – в упорядоченность процесса. Такие изменения были обусловлены технологическим прогрессом, отражающимся на привычном укладе жизни людей. К этому приводили все технологические революции, начиная с эпохи металлов в Древнем мире и заканчивая открытием электричества, созданием киберпространства в Новое и Новейшее время [5, с. 10].

Конечно, не любой скачок в развитии технологий, а как следствие, и изменение экономической основы можно назвать технологической революцией. Последняя предполагает качественное изменение, выражающееся в появлении принципиально новых инструментов. В таких ситуациях право также претерпевает значительные изменения. Но в зависимости от динамики права внедрение новых технологий в экономическую сферу может замедляться либо ускоряться. Как показывает историческая практика, право в основном выступает в качестве «тормоза» при появлении ранее неизвестных технологий и ускоряет развитие, если данные технологии уже были интегрированы в производство других государств.

В качестве первого технологического скачка можно выделить неолитическую революцию, произошедшую в 12–14 тыс. лет до н.э., когда человек перешел от охоты и собирательства к оседлому образу жизни с производящим хозяйством. Это обусловило появление ранних цивилизаций и протогосударств. Параллельно с последними начало формироваться и право. Появление простейших сельскохозяйственных технологий изначально не увеличило получаемый продукт, но сконцентрировало большое количество людей в отдельных местностях, что вызвало усложнение структуры общественных отношений. Образовавшемуся обществу потребовались аппарат управления и новый тип социальных норм для координации совместной деятельности и перераспределения ресурсов.

Развитие сельскохозяйственных технологий позволило производить еще больше продуктов питания, что заметно усилило рост

городов и концентрацию в них населения. Это привело к появлению первых государств – Междуречья и Египетского царства, главной функцией которых стало обеспечение населения продуктами питания. Однако, как отмечает А.В. Корнев, «власть заботилась и о прочном социальном порядке. Одно из значений египетского слова “маат” – правосудие. Без функции правосудия невозможно себе представить египетского государства. Правосудие, по всей видимости, не было кодифицированным в виде статутов и прецедентов, а выражалось в праведности суда в отношении к личностям и казусам. Правитель, отправлявший правосудие, должен был осуществлять его с учетом нужд, лежавших, по существу, вне прямых задач правосудия. На государстве, таким образом, лежала ответственность за проявление инициативы, направленной на удовлетворение национальных нужд» [4].

Дальнейшее развитие технологий привело к утрате эффективности использования рабского труда и постепенному отказу от него. Интересно заметить, что при освоении Нового света потребность в рабском труде снова возросла. Вероятно, это связано с тем, что производственные процессы на осваиваемых землях значительно уступали в своей технологичности существовавшим в Европе. Римское право рассматривало состояние рабства как нечто естественное, согласно же современным представлениям о праве рабство есть нечто противоречащее самим его основам. Причины такого изменения парадигмы связаны не с правом, а с иными сферами общественной жизни, в том числе экономикой. Прежде всего рабовладение стало экономически нецелесообразным [6, с. 167]. Однако такое изменение произошло не к концу существования Римской империи, а только в XIX–XX веках. Тем не менее такие тенденции начали зарождаться, постепенно изменяя представления о правосубъектности, соотношении объекта и субъекта права. Однако ни в Античности, ни в Средневековье технические революции не произошли, как и не появились технологии, принципиально меняющие быт людей. Это позволяет римскому праву, конечно же, с изменениями действовать уже много веков. Отметим, что при распаде Римской империи теоретические аспекты ее права были частично забыты, но впоследствии оно регенерировало свою теоретическую

базу в европейских университетах Позднего средневековья и Раннего Нового времени.

Затем в Западной Европе последовательно произошли четыре революции: религиозная – изменила представление о Боге, его роли и отношении между людьми; научная – дала новый способ познания, позволивший создавать машины и фабрики; промышленная – коренным образом изменила процессы производства и распределения материальных благ; буржуазная – сформировала, по сути, современное общество, способствовала появлению нового человека, по своей культуре и самосознанию резко отличающегося от человека Средневековья. Возникла новая цивилизация – современный Запад [7].

В контексте данного исследования нас больше всего интересуют промышленные революции, т. к. именно они обуславливают изменения технологий производства.

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. В качестве ее основного технологического достижения, но не единственного, можно выделить переход к механическому производству, который стал возможным благодаря появлению парового двигателя, что привело не только к увеличению производственных мощностей, но и созданию новых средств транспортировки грузов и людей. Это позволило не только задействовать меньшее количество трудовых ресурсов непосредственно в процессе производства, но и расширить рынки сбыта. Данные технологические изменения стали одной из причин, как указывалось выше, буржуазных революций, которые выступили катализатором качественных изменений в праве. Усложнившийся экономический уклад потребовал новой, более разработанной законодательной техники. Поэтому в данный период времени начало складываться право в привычных для нас формах. Наиболее ярким примером выступают кодексы Наполеона.

В конце XIX века произошла вторая промышленная революция, связанная с широким применением электроэнергии. Такое важное технологическое достижение позволило перейти к конвейерному производству, обеспечившему массовость создаваемой продукции. Как справедливо высказался величайший промышленник XX века Генри Форд, «назначение машины заключается в том, чтобы избавить

человека от тяжелых работ и освободить его энергию для усовершенствования его интеллектуальных и духовных сил и для завоевания в области мысли и высшего творчества. Машина – символ власти человека над обстановкой» [8]. Вторая промышленная революция привнесла в право значительные изменения как структурного, так и содержательного характера. Стали появляться новые самостоятельные отрасли права, модифицирующие предметы и методы уже существующих. Расширился перечень прав человека и гражданина, получил развитие принцип равенства.

Третью промышленную революцию обычно связывают с появлением во второй половине XX века ЭВМ, отмечая, что персональные компьютеры и Интернет являются плодами данной революции. Ее можно назвать не столько промышленной, сколько цифровой. Некоторые исследователи отмечают, что уже началась четвертая промышленная революция, которая опирается на технологические достижения предыдущей. Ее основными чертами являются «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающие машины [4]. Однако, на наш взгляд, заявления о четвертой революции несколько преждевременны. Перечисленные выше технологии являются результатом развития, пусть и очень существенным, технологий, появившихся в 1960-е годы.

Несмотря на термин «технологическая революция», происходящие социальные изменения не столь стремительны. Зачастую требуется накопления определенной экономической базы, создающей общественные противоречия для глобальных изменений в структуре общества и права. В современном мире уже наблюдаются такие противоречия. Со времен великих социальных революций XVII, XVIII и XX веков категории права в известной мере утратили новаторский регулятивный потенциал. Многие из них скомпрометированы последующей социальной практикой. Само понятие «правовой» неуклонно формализуется [5, с. 17].

Появление цифровых технологий не только улучшило орудия труда, но и создало новую среду для взаимодействий между субъектами. В рамках этой новой среды традиционные инструменты правового регулирования оказываются не столь эффективными. Однако

технический прогресс бросает вызов праву не только в цифровой сфере. Достижения естественных наук также дают основания усомниться в актуальности толкования многих правовых концепций, казавшихся нерушимыми на протяжении веков, что приводит к переосмыслению права как на обыденном уровне, так и в профессиональном правосознании.

Некоторые ученые рассматривают такой прогресс несколько шире, отмечая, что он может стереть существующие границы между науками, социальным и естественным.

Современная технологическая (цифровая) революция уже привела систему права к состоянию, в котором оно не способно развиваться без существенных структурных изменений. Основное отличие от предыдущих технических революций заключается в том, что до сих пор юридическое мышление основывалось на собственном методе идентификации права, включающем элементы воли, интереса, цели, запрета и дозволения [5, с. 11]. Но современные цифровые технологии требуют учета методологии технических процессов, их возможностей и закономерностей, не зависящих от воли человека. Это делает необходимой корреляцию технических и социальных норм и требует пересмотра роли права в системе социальных норм.

Однако, как отмечалось выше, процесс перестройки общества всегда немного отстает от развития технологий. Право же при внедрении новых технологий в повседневную жизнь обычно отстает и от общества. Зачастую это связано с инертностью законодательного механизма. Образ нового права уже зарождается в академическом сообществе и бизнес-среде. Некоторые государства, в том числе и Россия, также пытаются внести соответствующие изменения в законодательство с большим или меньшим успехом.

Главное отличие последней технологической (цифровой) революции заключается в том, что она создает новую среду, в рамках которой между собой взаимодействуют не только люди, но и нечеловеческие сущности, на основе технологий искусственного интеллекта. Современные законы, основанные на римском праве, не подходят для регулирования отношений в этой среде ввиду отличий в ее природе, что обуславливает несколько иной характер регулирования. Однако сущностно данное регулирование по-прежнему выражается в применении норм,

затрагивающих наиболее важные общественные отношения путем предоставления взаимно корреспондирующих прав и обязанностей. Следовательно, такая трансформация не приводит к «раздвоению» права, а детерминирует усложнение его внутренней структуры. Видимо, стоит вести речь не о появлении «нового права», а о зарождении цифровой подсистемы. Соответствующая подсистема не укладывается в традиционное отраслевое деление, тем самым расширяя систему права.

Специфика цифровой подсистемы заключается в том, что она является регулятором в совершенно иной среде, которая на данный момент не слишком распространена. Поэтому подсистема выступает скорее в качестве гипотетической модели, чем наблюдаемого явления. Отдельно отметим, что даже не предполагается, что данная подсистема полностью вытеснит классическое право. Однако может возникнуть ситуация конкуренции регулирования без законодательного вмешательства, направленного на четкое распределение сфер. Идея заключается в том, что цифровая подсистема будет выступать в качестве относительно самостоятельного элемента всей

системы права. Естественно, будет возможно взаимопроникновение норм между структурными элементами, при этом их реализация предполагает использование совершенно разных механизмов.

Можно сказать, что классическое право будет направлено на регулирование классических правоотношений на основе базовых принципов. Цифровая подсистема будет иметь более прикладной характер. Классическая часть системы права, как и прежде, может базироваться на актах государственного правотворчества. Однако сложно представить себе акт, детально регулирующий взаимоотношения в цифровой среде. Таким образом, цифровую подсистему едва ли можно закрепить в законодательстве. Там, вероятно, будут использоваться обычай, иные источники, в том числе еще не систематизированные.

В заключение отметим, что последняя технологическая (цифровая) революция, вероятно, окажет наиболее значительное влияние на развитие права ввиду появления как новой среды взаимодействия, так и нетипичных квазисубъектов на основе искусственного интеллекта.

Литература

1. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Собр. соч. 2 изд. М., 1958. Т. 12.
2. Бирюков С.В. О влиянии экономики на право (теоретические подходы) // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2018. № 1(54).
3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. 2 изд. М., 1959. Т. 13.
4. Корнев А.В. Технологические революции и право // История государства и права. 2019. № 5.
5. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9(154).
6. Ладенков Н.Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1(96).
7. Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1961. Т. 21.
8. Форд Г. Моя жизнь: настольная книга предпринимателя / Г. Форд. М., 2014.

Bibliography

1. Marx K. Introduction (from economic manuscripts of 1857–1858) // Collected works. 2nd ed. Moscow, 1958. Vol. 12.
2. Biryukov S.V. On the influence of economics on law (theoretical approaches) // Bulletin of Moscow State University. Series: Law. 2018. № 1(54).
3. Marx K., Engels F. On the Critique of Political Economy // Collected works. 2nd ed. Moscow, 1959. Vol. 13.
4. Kornev A.V. Technological revolutions and law // History of the state and law. 2019. № 5.
5. Sinyukov V.N. Digital law and problems of stage-by-stage transformation of the Russian legal system // Lex Russica. 2019. № 9(154).
6. Ladenkov N.E. Transformation of the legal system under the influence of digitalization: causes and trends // Philosophy of Law. 2021. № 1(96).
7. Marx K. Collected / K. Marx, F. Engels. 2nd ed. Moscow, 1961. Vol. 21.
8. Ford G. My Life: the entrepreneur's handbook / G. Ford. Moscow, 2014.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, доцент.
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

**ЕДИНСТВО РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ИСТОРИИ**

Unity of russians and ukrainians in the context of historical challenges

В статье в контексте современных вызовов истории рассматривается основное содержание и концептуальные выводы статьи Президента Российской Федерации В.В. Путина. Анализируются исторические основания в пользу главного тезиса В.В. Путина о русских и украинцах как едином народе и их современное значение для противодействия политическому проекту «анти-Россия».

Ключевые слова: В.В. Путин, единый народ, русские, украинцы, исторический ареал, вызовы истории, православная вера, общий язык, культурные традиции, политическая элита Украины, проект «анти-Россия».

The article in the context of modern challenges to history considers the main content and conceptual conclusions of the article of the President of the Russian Federation V.V. Putin. Historical grounds are analyzed in favor of V.V. Putin's main thesis about Russians and Ukrainians as a single people and their modern significance to counter the anti-Russia political project.

Keywords: V.V. Putin, united people, Russians, Ukrainians, historical area, challenges of history, Orthodox faith, common language, cultural traditions, political elite of Ukraine, anti-Russia project.

Современная историческая ситуация формирует, используя терминологию А. Тойнби, новые «вызовы», касающиеся не только настоящего и будущего отдельных народов и государств, но и всего мира, придавая любым значимым локальным действиям глобальную проблематику. События прошлого также выступают в новом качестве, высвечивается «работа» самой истории, в результате которой отчетливее виден генезис современных проблем и конфликтов. Вместе с тем для массового сознания внешняя «обертка» событий зачастую скрывает их подлинный масштаб и исторические основания, и потому им воспринимается, в частности, лишь сиюминутная политическая конъюнктура или потребности момента. Подобное сознание находится во многом в плену эмоционально-психологических ассоциаций и образов, настойчиво внедряемых в информационную среду (СМИ, интернет-ресурсы и др.) в доступном для обывателя формате. Между тем «работа» истории в полной мере открывается только в соотношении с работой разума, на уровне самосознания, для выражения которого требуются усилия на-

учного и политического сообществ, в том числе их выдающихся представителей, а наиболее адекватным жанром будет именно традиционная научная статья.

В этом плане поистине знаковым событием является статья Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», опубликованная 12 июля 2021 года. Идеи и оценки, высказанные в обстоятельной статье, касаются, вопреки некоторым популярным и эмоционально-поверхностным суждениям, не только сегодняшней геополитической ситуации на Юге и Востоке Украины, но и составляют направления осмысления прошлого, настоящего и будущего России.

При всей научной проработанности затрагиваемых в ней сложных исторических и современных вопросов (что признал даже Президент Украины В.А. Зеленский) адресатами статьи В.В. Путина являются как российские граждане (в том числе жители Крыма), так и украинцы (статья переведена и опубликована на украинском языке), население ДНР и ЛНР и даже враждебные политики западных

государств (или «спонсоры») политического руководства Украины, по выражению российского Президента).

Тема и концептуальное содержание статьи Президента Российской Федерации не являются чем-то принципиально новым для его убеждений, хотя и представляются в современной ситуации особенно актуальными. По словам В.В. Путина, они выражают его убеждения, высказанные неоднократно и в различных обстоятельствах. Действительно, можно сослаться на целый ряд его публичных выступлений и интервью российским и зарубежным СМИ на протяжении последних двух десятилетий, где звучит один и тот же основной тезис о том, что русские и украинцы (а также белорусы) являются одним целым, одним народом, имеющим общую историческую судьбу, духовное и культурное родство, несмотря на различные культурные и политические трансформации и случающиеся исторические недоразумения и конфликты. При этом в обсуждаемой статье этот тезис получает свое развернутое объяснение и подробную аргументацию.

Поводом для данной статьи послужило то обстоятельство, что в последние годы между Россией и Украиной возникло разделение внутри «одного исторического и духовного пространства» [1], которое президентом нашей страны оценивается как «общая беда» и «трагедия», произошедшие вследствие совершенных в прошлом как собственных ошибок, так и разрушительного и именно целенаправленного внешнего воздействия со стороны недружественно настроенных стран. «Сверхзадачей» этих государств является разделение на части единого народа и столкновение их между собой. Следует продолжить, используя терминологию А. Тойнби, что такая «сверхзадача» может быть достигнута посредством цивилизационного (социально-политического и ценностно-культурного) давления и ущемления (у А. Тойнби «давление» и «ущемление» являются «стимулами» «вызова»), и лишь достойный, творческий «ответ» общества в лице его элиты способен противостоять данной опасности и даже привести к новому витку развития. Современные обстоятельства цивилизационного «вызова» заключены в политических и социальных потрясениях на Украине, вылившихся в продолжающийся вооруженный конфликт на Юге-Востоке этого государства, обо-

стрение отношений между западными странами и Россией и целый ряд других разрушительных последствий, однако предпосылки данного «вызова» следует искать в более раннем периоде истории. В концептуальном выражении речь в статье идет о понимании положительного, творческого значения единого культурно-исторического пространства, или исторического ареала, где формировался единый русский народ, который не должен использоваться внешними силами для реализации деструктивного политического (антицивилизационного) проекта «анти-Россия».

Большая часть статьи Президента России В.В. Путина посвящена аргументу в пользу основного заявленного тезиса «от истории». В этом плане статья призвана продемонстрировать наличие глубочайших исторических и духовных связей между русскими, украинцами и белорусами, что актуально в современной ситуации забвения частью общества истории, сокращения исторической памяти народа на постсоветском пространстве, а также мощного деструктивного воздействия на общественное сознание за счет фальсификации важных исторических событий.

По убеждению Президента России, со времени Древней Руси – государства, объединявшего многие славянские народы, русских, украинцев и белорусов роднили между собой, помимо общего политического пространства, общий язык, культурные традиции, экономические связи и единая православная вера. И по каждому основанию «родства» президент приводит аргументы, доказывая его историческую жизнеспособность. По сути, он раскрывает важнейшую свою идею, которая в другом его выступлении звучала следующим образом: у России с Украиной «одна днепровская, киевская купель, у нас, безусловно, общие исторические корни и общие судьбы, у нас общая религия, общая вера, у нас очень схожая культура, языки, традиции и менталитет» [2]. Указанные основания в общем соответствуют выделенным и отстаиваемым в русской социально-политической мысли еще славянофилами (И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым и др.) в XIX веке, которые, как известно, рассматривали духовно-историческую целостность России именно как религиозно-духовную (на основе русского православия, единой Русской православной церкви), а также языковую,

культурную и социально-экономическую. При этом Президент России рассматривает данные основания в более сложном историческом контексте и в свете новых «вызовов» времени.

Принципиальным дополнением в статье (по сравнению с взглядами славянофилов) стала формулировка концепта «единый народ» (русские, украинцы, белорусы) в критическом противопоставлении существовавшей в период Советского государства идеологии «братские народы». Последняя вкупе с идеей раннего большевизма о «праве народов на самоопределение вплоть до отделения» и искусственном приписывании («нарезкой») территорий (в том числе и для Украинской ССР) на практике привела к тому, что с распадом Советского Союза и отделением союзных республик возникли тяжелые межэтнические конфликты и территориальные претензии, а Россия (бывшая РСФСР) фактически была территориально ограблена. Президент В.В. Путин прямо высказывает обвинение политическим вождям Советского государства: «Большевики относились к русскому народу как к неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов» [1]. Вообще отстаивание Президентом России идеологии «единый народ» взамен советской идеологии некоторыми политологами оценивается как своего рода «коперниканский переворот» [3], поскольку олицетворяет собой возврат к акцентуации духовных корней единого русского народа.

В ходе подробного исторического очерка о формировании единого народа глава Российского государства отстаивает представление о том, что общие основания идентичности русских и украинцев всегда превалировали над моментами исторических расхождений и противостояний. Трудно, практически невозможно оспорить общее происхождение и существование единого народа в период до монголо-татарского нашествия, единство веры и языка, общность самого народного самосознания. Но и дальнейшая история русской государственности не позволяет согласиться с представлениями (упомянутыми в статье президента), в частности, украинского историка М. Грушевского, который создал концепцию особого происхождения украинцев вне непосредственной связи с великороссами. По его мнению, южная Русь после татар «ушла» в направлении союза с Польшей и Литвой, в то время как на

северо-востоке появилась Московия, а позднее и Россия имперского периода. Однако, по убеждению директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова, в развитии данных представлений положена неверная посылка, поскольку и в XV, XVI, XVII веках сохранялась «фундаментальная общность» православной веры и языка [4], поэтому, даже находясь под властью Польши, жители Украины осознавали себя именно русскими и православными людьми. Между тем из концепции М. Грушевского «исходит не только современная украинская историография, но и общественное мнение политических верхов» [4].

Как отмечает Президент России, даже тогда, когда «южные и западные русские земли в основном вошли в состав Великого Княжества Литовского, которое... в исторических документах называлось Великим Княжеством Литовским и Русским» [1], в различных областях Древней Руси продолжали общаться на одном языке и сохранялась единая православная вера, в том числе и единое церковное управление (вплоть до середины XV века). Впоследствии же центром воссоединения, продолжившим традицию древнерусской государственности, стала Москва. При этом на Западе Руси возникло сильное влияние европейских стран, что выразилось в постепенном вытеснении православия и усилении влияния католической церкви и польской католической знати, латинизации и «ополячивании» населения. Однако как ответ на эти процессы в XVI–XVII веках формировались освободительные движения православного населения Поднепровья. В 1654 году, как известно, произошло присоединение Украины к России, явившееся, как отмечает В.В. Путин, следствием свободного волеизъявления народа, который осознавал себя русским православным народом, т. е. народом, единым с людьми, жившими на Северо-Востоке Руси. Сам факт ухода под власть московского царя в XVIII веке (благодаря выбору гетмана Богдана Хмельницкого) выражал стремление сохранить прежде всего собственную православную идентичность. Жители Украины лишь воссоединились с основной частью русского православного народа. При этом та часть Украины, которая осталась под влиянием Речи Посполитой, испытывала социальное и религиозное угнетение, в то время как земли Левобережья, взятые под защиту родного им государства, активно

развивались. Дальнейшая интеграция западнорусских земель в государственное пространство России была не столько следствием политических усилий, сколько проявлением творческой силы общих культурных и религиозных традиций. Большое значение имела и языковая близость. Хотя при этом существовали и особенности культурных обычаев, но они носили характер региональных и не претендовали на роль фактора конфронтации с общими историческими и духовными корнями.

Как подчеркивает Президент нашей страны, невозможно разделить и противопоставить общее достояние литературы, культуры, искусства, созданное как на русском, так и на украинском языках. Указанные общие моменты родства не противоречили мирному и благополучному сосуществованию в юго-западных землях Российской империи представителей различных национальностей и религиозных верований, которые при нахождении под общей государственной юрисдикцией не испытывали притеснений и сохраняли свои традиции.

В другом своем выступлении Президент нашей страны подчеркивал, что «в России, на которую пытались в свое время навесить ярлык “тюрьмы народов”, за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство... Эта поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность. Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» [5].

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ... сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов... Современное Российское государство объединяет основанный

на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру» [6].

Президент нашей страны признает, что общая история единого народа была далека от идеала. Об этом свидетельствуют и попытки, осуществляемые частью польской элиты и малороссийской интеллигенции, в различное время провести идею отделения от русского украинского народа. Однако эти попытки не имели под собой достаточных исторических, культурных, духовных оснований и были лишь политическим средством для европейских стран настраивания в своих корыстных целях различных частей единого народа друг против друга. Так, «с конца XIX века австро-венгерские власти подхватили эту тему – в противовес как польскому национальному движению, так и москвофильским настроениям в Галиции» [1]. Дальнейшие политические потрясения начала XX века, связанные с революциями 1917 года, вызвали к жизни деструктивные националистические тенденции на Украине, которые быстро сменились ее попаданием под внешнее управление (а также тайной сдачей в обмен на военную поддержку части земель Польше), ставшее роковым для правящего в 1918 году в Киеве режима, что вызывает аналогии с современными политическими решениями на Украине (начиная с 2014 года). «На примере УНР видно, – пишет Президент Российской Федерации, – насколько неустойчивыми были разного рода квазигосударственные образования, возникавшие на пространстве бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны и смуты. Националисты стремились к созданию своих отдельных государств, лидеры Белого движения выступали за неделимую Россию» [1].

По мнению В.В. Путина, в советский период истории государства проявились не только объединяющие государственнические (Украина и Белоруссия сделались республиками в составе СССР), но и разрушительные тенденции. «Именно советская национальная политика – вместо большой русской нации, триединого

народа, состоявшего из великороссов, малороссов и белорусов, – закрепила на государственном уровне положение о трех отдельных славянских народах: русском, украинском и белорусском» [1]. Как видно, в этом суждении присутствует серьезный упрек советской власти за реализуемые ею приоритеты национальной политики. Эти особенности политики выразились, в частности, в том, что «в 1954 году в состав СССР была передана Крымская область РСФСР – с грубым нарушением действовавших на тот момент правовых норм» [1].

Далее Президент нашей страны делает важный вывод. По его убеждению, «современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи. Мы знаем и помним, что в значительной степени она создавалась за счет исторической России» [1]. Произвольная, «волюнтаристская», без учета мнения населения перекладка границ и территорий, социальные эксперименты над населением, ошибки в национальной политике – все это привело к тому, что «Россия фактически была ограблена» [1] за счет отторжения от нее исторических территорий. Все это делалось во имя неких идеалов мировой революции, которая отменит национальные государства, или произошло в результате конъюнктурных просчетов. Между тем в 1991 году жители на всем постсоветском пространстве оказались искусственно разделены и лишены общей исторической Родины, оторваны от нее.

Говоря о постсоветском периоде истории, В.В. Путин подчеркивает, что Россия оказывала и оказывает значительную экономическую поддержку Украине, что усиливает потенциал обеих стран и отвечает историческим традициям их глубокой экономической кооперации. Серьезной была и поддержка в обеспечении политической безопасности, в решении социальных и экологических задач. Вместе с тем современные волюнтаристские решения властей Украины привели эту страну к глубокому кризису. Однако культурные, духовные, эмоциональные связи между многими людьми России и Украины все еще остаются достаточно сильными. А обвинения России в том, что она является страной-агрессором, противоречат сохраняющимся связям и общности народа. Отрицание общего исторического прошлого выглядит искусственным, мифологизированным. Совершенно ошибочной представляется поддержка властями Украины

националистических движений. Очевидным выступает слабость государственных институтов и коррумпированность. Со стороны внешних сил – недружественных западных государств продолжается втягивание Украины в геополитическую игру для создания при помощи нее барьера между Россией и Европой, некоего плацдарма в противостоянии с Россией. «Заказчики этого проекта, – пишет президент нашей страны, – взяли за основу еще старые наработки польско-австрийских идеологов создания “антимосковской Руси”» [1]. В итоге все основания или факторы, объединяющие русских и украинцев в единый народ, – общий язык, образование, церковное единство – попали под удар новой украинской политики. В Раду внесен законопроект о «коренных народах», согласно которому таковыми признаются лишь те, кто составляет этническое меньшинство и не имеет собственного государственного образования за пределами Украины. Политические власти Украины искусственно вмешиваются в церковную жизнь, проводя не только смену церковной юрисдикции Украинской православной церкви (подчинение Константинопольскому патриархату), но и прямо применяя репрессии и рейдерские захваты в отношении священства, лояльного Московскому патриархату. Проект «анти-Россия» связан с откровенно антигуманными ценностями, такими как героизация нацизма и т.п., что не приведет, по мнению В.В. Путина, ни к становлению сильной суверенной Украины, ни к развитию украинского общества. Фактически, по убеждению Президента Российской Федерации, в современной Украине идет процесс «принудительной смены идентичности», сопровождаемый обретением «не просто полной зависимости», но и «прямого внешнего управления» украинской властью и страной западными государствами. При этом формирование «этнически чистого украинского государства, агрессивно настроенного к России» [1], несет высокий уровень опасности для нашего государства и сравним с угрозами применения оружия массового поражения.

Сознание украинской элиты – своего рода маятник, являющийся на протяжении некоторых периодов истории (в том числе на современном этапе), псевдовыбор – колебание между ценностями и путями развития Востока (в лице России) и Запада (в лице соседних западноев-

ропейских государств), а на деле – попытку подменить или заретушировать общий цивилизационный путь развития единого народа за счет принимаемых политических и социально-экономических конъюнктурных решений и лозунгов. Ключевая проблема, о которой в связи с этим говорит Президент Российской Федерации, состоит в том, что на современном этапе истории между украинцами и политической элитой Украины возник глубочайший разрыв. Именно неспособность украинской властной элиты ответить на цивилизационные «вызовы» может ввергнуть Украину в кризис в различных областях жизни, а стратегически угрожает не только политическим отторжением от России, но и культурной и социально-политической ассимиляцией Западом огромной общности, являющейся частью единого русского народа.

Иной вариант развития – это «Русская Реконкиста» (собираение Русских земель), но она по-настоящему возможна только вследствие свободного отклика народа, который вместе с тем не получает возможности заявить о своем единстве с Россией, годами находясь под русофобским информационным давлением и воспитанием в духе забвения общего исторического прошлого и единых ценностей. И все же только в единстве с Россией возможно не только процветание Украины, но и родственное культурное и духовное развитие и экономическое благополучие.

Статья Президента России носит характер не только научно-исторической аргументации заявленного основного тезиса, но и очевидно исторического предупреждения о возможных тяжелых негативных последствиях политических и социально-экономических конъюнктурных решений, принимаемых правящей элитой Украины. Выводы статьи выходят за рамки исторического «спора славян между собою» (А.С. Пушкин), которого не в силах понять западные (и прозападные) политики, не учитывающие общие духовно-исторические корни России и Украины. На наш взгляд, вы-

воды статьи являются фактически тезисами о целостности восточно-христианской (православной) цивилизации, отстаивающей в контексте «вызовов» истории собственные, консервативные ценности и перспективу развития. Заявленная позиция направлена не на обоснование новых вооруженных противостояний, а на межцивилизационный диалог в ситуации многополярного мира, в котором Россия выступает в качестве самобытного и сильного геополитического субъекта, способного дать ответ на вызовы цивилизационной идентичности, частью которой являются и жители Украины. И следует признать свершившимся тот факт, что жители Крыма и Донбасса присоединились к историческому ответу России, отвергнув западный проект «анти-Россия».

К сожалению, прозвучавший в статье, по сути, призыв к дискуссии украинских ученых и политиков пока остается практически без полноценного ответа (несмотря на обещание такого ответа в скором будущем со стороны Президента Украины), если не считать высказываемых в массовом социально-информационном пространстве кратких эмоциональных сентенций – подозрений в политической ангажированности содержания статьи. Можно отметить и наличие отдельных исторических комментариев некоторых украинских ученых (таких, например, как Александр Палий), имеющих вместе с тем мало общего с обстоятельными историческими исследованиями. В качестве исключения можно указать на высказывания депутата Верховной Рады Украины Евгения Шевченко, который не только оценил статью В.В. Путина как «сильную» и «смысловую», но и отметил ее актуальную проблематику, состоящую в том, что Украина на современном этапе развития должна возратить себе «субъектность» [7], освободившись от идеологической и политической диктатуры Запада, вообще изменить свой политический курс, отказавшись от «антирусской идеологии», в противном случае ее ожидает «разрыв» на части Западом.

Литература

1. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 23.01.2022).

Bibliography

1. Putin V.V. About the historical unity of Russians and Ukrainians [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (date of access: 23.01.2022).

2. Текст интервью В.В. Путина Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс 3 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19143> (дата обращения: 23.01.2022).

3. Тюренокв М.А. Многое скрыто между строк: что на самом деле написал Путин [Электронный ресурс]. URL: https://rusdozor.ru/2021/07/13/mnogoe-skryto-mezhdu-strok-chto-na-samom-dele-napisal-putin_1088462 (дата обращения: 23.01.2022).

4. Директор Института российской истории РАН Юрий Петров: Мы готовы к дискуссии с украинскими коллегами (Комментарий к статье Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев»), опубликованной 12 июля на сайте российского Президента) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/08/01/kommentarij-k-state-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html> (дата обращения: 23.01.2022).

5. Путин В.В. Выступление на Заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сент. 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 23.01.2022).

6. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/documents/1644521?items=1&page=3> (дата обращения: 23.01.2022).

7. Депутат Рады назвал статью Путина «сильной» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/07/13/n_16237904.shtml (дата обращения: 23.01.2022).

2. The text of Vladimir Putin's interview with Channel One and the Associated Press on September 3, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19143> (date of access: 23.01.2022).

3. Tyurenkov M.A. Much is hidden between the lines: what Putin actually wrote [Electronic resource]. URL: https://rusdozor.ru/2021/07/13/mnogoe-skryto-mezhdu-strok-chto-na-samom-dele-napisal-putin_1088462 (date of access: 23.01.2022).

4. Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Yuri Petrov: We are ready for a discussion with our Ukrainian colleagues (Comment to Vladimir Putin's article «On the Historical Unity of Russians and Ukrainians», published on July 12 on the website of the Russian President) [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2021/08/01/kommentarij-k-state-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html> (date of access: 23.01.2022).

5. Putin V.V. Speech at the Meeting of the international discussion club «Valdai» 19.09.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (date of access: 23.01.2022).

6. On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 // Official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/documents/1644521?items=1&page=3> (date of access: 23.01.2022).

7. The deputy of the Rada called Putin's article «strong» [Electronic resource]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/07/13/n_16237904.shtml (date of access: 23.01.2022).

Соколовский Константин Геннадьевич
Sokolovsky Konstantin Gennadyevich

профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Гуманитарно-технической академии (Казахстан),
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com

Professor, Department of Comprehensive Disciplines, the Humanitarian and Technical Academy (Kazakhstan),
PhD in Law, Associate Professor.

**СВОБОДА СОВЕСТИ И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ:
ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ**

Freedom of conscience and freedom of religion: approaches to understanding

Статья посвящена анализу соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», фактически отождествляемых в законодательстве постсоветских стран. На основании анализа действующего законодательства о свободе совести, а также значимых научных публикаций 2016–2021 годов представителей научного и экспертного сообщества по данному вопросу автор приходит к выводу, что понятие «свобода совести» шире термина «свобода вероисповедания». При этом показано, что сущность первой дефиниции базируется на понимании свободы как философской категории и связано с мировоззренческими убеждениями индивида, в то время как свобода вероисповедания строится вокруг вопросов, возникающих вследствие принадлежности гражданина к определенной религии.

Ключевые слова: религия, свобода совести, свобода вероисповедания, религиозные убеждения, государственно-конфессиональные отношения, государство и религия, религиозные объединения.

The article is devoted to the analysis of the relationship between the concepts of «freedom of conscience» and «freedom of religion», actually identified in the legislation of post-Soviet countries. Based on an analysis of the current legislation on freedom of conscience, as well as significant scientific publications of 2016–2021, representatives of the scientific and expert community on this issue, the author concludes that the concept of «freedom of conscience» is broader than the term «freedom of religion». It is shown that the essential definition of the first definition is based on the understanding of freedom as a philosophical category and is associated with the worldview of the individual, while freedom of religion is built around issues arising from the citizen's belonging to a certain religion.

Keywords: religion, freedom of conscience, freedom of religion, religious beliefs, state-confessional relations, state and religion, religious associations.

Свобода совести и свобода вероисповедания входят в число наиболее важных прав и свобод человека, зафиксированных как в международном, так и в большинстве национальных законодательств. При этом в нормативных правовых актах они рассматриваются как вместе, так и отдельно (свобода религии, свобода совести и вероисповедания и т. д.). В законодательстве большинства постсоветских стран, в частности в российском и казахстанском, эти свободы не дифференцируются. Сказанное, например, следует из ст. 28 Конституции РФ [1], а также ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2], где используется единая конструкция «свобода совести и вероисповедания» при отсутствии ее

четкого определения. Аналогичную позицию, которая встречает понимание у местного юридического сообщества, занимает и казахстанский законодатель. Так, видный казахстанский эксперт Р.А. Подопригора объединяет данные понятия в своем фундаментальном Комментарии к закону Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [3]. Не разделяет их и известный юрист А. Серикхан [4], а также другие исследователи.

Тем не менее понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» обладают различным содержанием и, соответственно, отличаются самостоятельностью, о чем свидетельствует перечень правомочий, составляющих совокупную категорию «свобода совести и вероисповедания».

Данная свобода, как отмечают А.О. Кузнецов и О.А. Яловой, охватывает индивидуальное или совместное исповедание любой веры, индифферентное отношение к любой религии, совершение богослужений и религиозных обрядов, свободный выбор религиозных убеждений и их изменение, создание религиозных объединений и т. д. [5, с. 261–262]. Этот далеко не полный перечень уже позволяет нам сделать вывод о том, что в рассматриваемое совокупное понятие входит как религиозная, так и нерелигиозная, основанная на индифферентности к религии или отрицании ее составляющие.

Во многом поэтому в правовой науке вопрос о соотношении понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» на протяжении последних десятилетий является дискуссионным. Новый импульс полемика получила в последние годы, когда в действующее законодательство были внесены изменения, коснувшиеся свободы совести и вероисповедания как объектов уголовно-правовой охраны. Далее попытаемся проанализировать наиболее значимые публикации представителей научного и экспертного сообщества, изданные за последние пять лет, выделив основные подходы к данной проблеме. Это позволит сделать вывод о том, как именно соотносятся рассматриваемые понятия, что их объединяет и в чем они различны.

Прежде чем начать характеризовать основные подходы, существующие в правовой науке, к проблеме соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», уточним, что мы сознательно употребляем здесь термин «соотношение», поскольку широко распространенная формулировка «разграничение» не отражает все представленные в науке точки зрения.

Так, например, никак не разграничивает, но фактически отождествляет рассматриваемые понятия О.А. Миронова, которая в своем исследовании, посвященном анализу теоретико-правового аспекта свободы совести, употребляет в качестве синонимов такие термины, как «свобода религии», «свобода совести», «свобода вероисповедания» [6, с. 133–139]. Аналогичную точку зрения можно встретить в работах Э.О. Тойлыбекова [7, с. 212], О.А. Нестерчук [8, с. 21] и др. Однако данный подход – отождествление понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», как показывают результаты проведенного контент-анализа, мало распространен и характерен преимущественно для авторов, которые стараются ориентироваться на позицию законодателя (ранее отмечалось, что российский законодатель рассматриваемые понятия отождествляет).

Чаще встречается второй подход к пониманию соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», в рамках которого рассматриваемые феномены не отождествляются, а разграничение данных понятий осуществляется исследователями с различной степенью детализации. В то время как одна часть авторов предлагает только дефиницию «свободы совести», вычлняя при этом понятие «свобода вероисповедания», другая формулирует оба указанных понятия, делая выводы об их соотношении.

В связи с этим характерно мнение М.А. Булавиной, которая не только полагает «свободу совести» самостоятельной категорией, но и одновременно декларирует вторичность по отношению к ней «свободы вероисповедания». Автор определяет «свободу совести» в широком смысле как способность личности осуществлять внутренний самоконтроль, а в узком – как право гражданина самостоятельно решать любые вопросы касательно религии, своего отношения к ней и т. д. Автор делает вывод о том, что «свобода совести» и «свобода вероисповедания» соотносятся как часть и целое, поскольку свобода вероисповедания ограничена пределами действия в силу своей направленности на веру [9, с. 105–107].

Схожей точки зрения придерживается И.Н. Лебединец, понимающий свободу совести как возможность выражать отношение к религии, причем отношение любое, включая отрицание [10, с. 169]. О свободе вероисповедания автор не упоминает, однако из предложенной им дефиниции понятия «свобода совести» следует, что рассматриваемая категория включает в себя и ту часть свободы совести, которая касается положительного отношения к религии, ее исповеданию. Акцент на указанной особенности делают также И.Г. Козьмов, рассматривающий свободу совести как право свободного выбора религиозных или, напротив, антирелигиозных взглядов и убеждений [11, с. 163], и М.С. Тепсуев, утверждающий, что свобода совести включает в себя в целом все многообразие форм мировоззрения, в том числе и свободу вероисповедания [12, с. 1].

Рассматривая свободу совести как объект уголовно-правовой охраны, Н.В. Казанцева и Е.В. Червонных также утверждают, что она есть именно возможность свободного выбора человеком реализации поведения, основанного на религиозных и других мировоззренческих чувствах. Очевидно, что при столь широком понимании категории «свобода совести» свободу вероисповедания они включают в ее состав [13, с. 86]. Следовательно, несмотря на то что ни в одной из приведенных точек

зрения не содержится собственно определение понятия «свобода вероисповедания», ход рассуждений авторов все же позволяет сделать вывод о соотношении рассматриваемых свобод как целого и части, общего и частного.

Интересно, что Е.А. Жданова, стремясь окончательно разделить эти два понятия, дабы они воспринимались исключительно как самостоятельные, предлагает вообще отказаться от формулировки «свобода совести», заменив ее, в том числе на законодательном уровне, категорией «свобода мировоззрения» [14, с. 106]. Заметим, что данная точка зрения критикуется в литературе на основании того, что «понятия “мировоззрение”, “совесть”, “свобода мировоззрения”, “свобода совести” имеют сходство, но тем не менее их содержание не совпадает» [15, с. 101].

В.Г. Кокорев и И.А. Зайцев также под свободой совести понимают право человека придерживаться любых взглядов, как религиозных, так и атеистических, гуманистических и т. д., а под свободой вероисповедания – право свободно выбирать религию, отправлять религиозные обряды и т. д. [16, с. 79]. Аналогично разграничивает понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» И.В. Осин, убедительно показывающий, что свобода совести основана на убеждениях, которые могут быть не только религиозными [17, с. 26]. «Свобода совести – более широкое понятие, чем свобода вероисповедания», – утверждает видный кыргызстанский правовед З.К. Курманов [18, с. 39].

Приведенные точки зрения представляются верными, за исключением попыток определять свободу через право, поскольку права и свободы – все же различные категории. Думается, более верным здесь было бы формулировать свободу через *возможность* придерживаться любых взглядов. Не случайно, например, через философские категории трактует рассматриваемые свободы А.М. Рудаков, полагающий, что свобода совести представляет собой личную позицию гражданина в контексте этических категорий, включая и веру, а свобода вероисповедания есть свободный выбор общественных отношений, усугубляющих такие категории [19, с. 90].

О.В. Челнокова схожим образом рассматривает свободу вероисповедания как индивидуальное право каждого свободно и самостоятельно выбирать и исповедовать любую религию, участвовать в религиозных обрядах и т. д., в то время как свобода совести, по ее мнению, является более широким понятием, которое можно определить как право человека выбирать мировоззренческие убеждения и следовать им в своей жизни [20, с. 77]. Спорным здесь представляется определение категории «свобода»

через понятие «право», однако в целом данная точка зрения, думается, верно отражает соотношение рассматриваемых свобод.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что проделанная работа позволяет суммировать доминирующие взгляды относительно общих и особенных черт рассматриваемых свобод. Безусловно, единым знаменателем свободы совести и свободы вероисповедания является охват ими возможностей гражданина, связанных с миропониманием, принятием конкретного мировоззрения, в том числе веры, и следованием ему в своей жизни. Еще одна черта сходства – это принадлежность их к первому и второму поколениям прав человека, являющихся общепризнанными нормами международного права (*jus cogens*), которые не могут быть ограничены государством, не могут стать предметом вмешательства государственных органов в их реализацию и отправление, иначе как в целях очерчивания правовых границ их реализации, направленных в широком смысле на обеспечение правопорядка.

В свою очередь, ключевое различие между свободой совести и свободой вероисповедания кроется в разном составе субъектов, что напрямую вытекает из обозначенного выше содержания данных категорий. Свобода совести принадлежит каждому гражданину, в то время как свобода вероисповедания и все составляющие ее правомочия – только верующему гражданину или, иными словами, лицу, исповедующему какую-либо религию. Как представляется, именно в этом кроется существенной проблемы законодательства и правоприменительной практики: в условиях отождествления рассматриваемых свобод свобода совести фактически сводится к свободе вероисповедания, в связи с чем законодательство о свободе совести понимается как исключительно религиозное [21, с. 62].

На наш взгляд, нельзя не согласиться с Е.М. Мирошниковой в том, что свобода совести в законодательстве и правоприменительной практике должна охватывать и *свободу от религии* [22, с. 238]. Исходя из этого и учитывая, что понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» обозначают фундаментальные правовые категории, затрагивающие регулирование нравственно-конфессиональных отношений, полагаем целесообразным внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты. Они, как представляется, должны заключаться в трансформации понятийно-категориального аппарата по пути разграничения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» и определения содержания названных правовых категорий как самостоятельных.

1. Конституция Российской Федерации. М., 2021.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
3. Подопригора Р.А. О свободе вероисповедания и религиозных объединениях: комментарий к закону Республики Казахстан. 4-е изд., перераб. и доп. Астана, 2007.
4. Серикхан А. Как меняется законодательство о религии в Казахстане? [Электронный ресурс] // «Информбюро»: информационно-аналитический портал. URL: <https://informburo.kz/special/kak-menyaetsya-zakonodatelstvo-o-religii-v-kazahstane-razgovor-s-yuristom-.html> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Кузнецов А.О., Яловой О.А. К вопросу об уголовно-правовой охране свободы совести и свободы вероисповедания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2(835).
6. Миронова О.А. Свобода совести и вероисповедания: теоретико-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 3(69). № 3.
7. Тойлыбеков Э.О. Свобода совести и ее правовые основы в Казахстане и России // Наука и современность – 2017: материалы LI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017.
8. Нестерчук О.А., Романова Д.Ю. Свобода совести и вероисповедания как проблемное поле религиозного и политического процессов // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 11(113).
9. Булавина М.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. № 3(24).
10. Лебединец И.Н. Свобода совести – абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10(83).
11. Козьмов И.Г., Мордовин П.С., Мордовина А.А. Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-3.

1. Constitution of the Russian Federation. Moscow, 2021.
2. On Freedom of Conscience and on Religious Associations: fed. law d.d. September 26, 1997 № 125-FL (as amended on April 30, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465.
3. Podoprighora R.A. On freedom of religion and religious associations: Commentary on the law of the Republic of Kazakhstan. Astana, 2007.
4. Serikkhan A. How is the legislation on religion changing in Kazakhstan? URL: <https://informburo.kz/special/kak-menyaetsya-zakonodatelstvo-o-religii-v-kazahstane-razgovor-s-yuristom-.html> (date of access: 02.03.2022).
5. Kuznetsov A.O., Yalovoy O.A. On the issue of criminal law protection of freedom of conscience and freedom of religion // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2020. № 2(835).
6. Mironova O.A. Freedom of conscience and religion: theoretical and legal aspect // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 3(69). № 3.
7. Toylybekov E.O. Freedom of conscience and its legal foundations in Kazakhstan and Russia // Science and Modernity – 2017: materials of the LI International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2017.
8. Nesterchuk O.A., Romanova D.Yu. Freedom of conscience and religion as a problematic field of religious and political processes // Ethnosocium and interethnic culture. 2017. № 11(113).
9. Bulavina M.A. Freedom of conscience and freedom of religion: constitutional and legal aspect // Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2019. № 3(24).
10. Lebedinets I.N. Freedom of conscience is the absolute right of every individual (how freedom of conscience is replaced by the freedom to manipulate consciousness) // Actual problems of Russian law. 2017. № 10(83).
11. Kozmov I.G., Mordovin P.S., Mordovina A.A. Freedom of conscience and religion as an object of criminal law protection // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 5-3.
12. Tepsuev M.S. Normative-legal basis of freedom of conscience and religion // Social and humanitarian knowledge. 2017. № 12.

12. Тепсуев М.С. Нормативно-правовая основа свободы совести и вероисповедания // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 12.
13. Казанцева Н.В., Червоных Е.В. Проблемы определения и соотношения понятий «свобода совести» и (или) «свобода вероисповедания» в качестве объекта уголовно-правовой охраны // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 20–2.
14. Жданова Е.А. «Свобода совести» и «свобода вероисповедания»: понятие и содержание // Современные социально-экономические процессы. Пенза, 2017.
15. Скиданова А.Е., Кошелев Е.В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74).
16. Кокорев В.Г., Зайцев И.А. Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 7.
17. Осин И.В. Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23.
18. Курманов З.К. Свобода совести и вероисповедания в Кыргызстане: угроза безопасности? // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. 2012. № 1.
19. Рудаков А.М. Политическое, историческое и юридическое значения порядка перечисления терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 4(22).
20. Челнокова О.В. Юридическая природа и содержание права осужденных на свободу совести и вероисповедания // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 1.
21. Скороходов С.С. Свобода совести и свобода вероисповедания: доктринальные и формальные грани // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7(110).
22. Мирошникова Е.М. Свобода от религии в контексте свободы совести // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 3.
13. Kazantseva N.V., Chervonnykh E.V. Problems of definition and correlation of the concepts of «freedom of conscience» and (or) «freedom of religion» as an object of criminal law protection // Fundamental and applied research in the modern world. 2017. № 20-2.
14. Zhdanova E.A. «Freedom of conscience» and «freedom of religion»: concept and content// Modern socio-economic processes. Penza, 2017.
15. Skidanova A.E., Koshelev E.V. The problem of the relationship between the legal categories «freedom of conscience» and «freedom of religion» in the Russian Federation // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. № 3(74).
16. Kokorev V.G., Zaitsev I.A. The right to freedom of conscience and religion and the conditions for its restriction under domestic legislation // Socio-economic phenomena and processes. 2016. № 7.
17. Osin I.V. Freedom of conscience as a subjective right // Constitutional and municipal law. 2008. № 23.
18. Kurmanov Z.K. Freedom of conscience and religion in Kyrgyzstan: a threat to security? // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. 2012. № 1.
19. Rudakov A.M. Political, historical and legal meaning of the order of enumeration of the terms «freedom of conscience» and «freedom of religion» // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2019. № 4 (22).
20. Chelnokova O.V. The legal nature and content of the right of convicts to freedom of conscience and religion // Bulletin of the Russian Legal Academy. 2017. № 1.
21. Skorokhodov S.S. Freedom of conscience and freedom of religion: doctrinal and formal boundaries // Science and education: management and economy; entrepreneurship; law and governance. 2019. № 7(110).
22. Miroshnikova E.M. Freedom from religion in the context of freedom of conscience // Bulletin of the Leningrad State University. 2017. № 3.

Артамонов Алексей Николаевич
Artamonov Alexey Nikolaevich

заместитель начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области,
кандидат юридических наук.
E-mail: artamonov_mj@mail.ru

Deputy Head of the Main Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov Region,
PhD in Law.

Касьянов Сергей Николаевич
Kasyanov Sergey Nikolaevich

заместитель начальника отдела координации деятельности территориальных органов Минюста России,
подведомственных федеральных служб, федеральных бюджетных учреждений и организационно-
документационного обеспечения и контроля Главного управления Минюста России по Ростовской области.
Тел.: +7 863 210-67-59.

Deputy Head of the Department for Coordination of Activities of Territorial Bodies of the Ministry of Justice
of the Russian Federation, Subordinate Federal Services, Federal Budgetary Institutions and Organizational
and Documentation Support and Control of the Main Directorate of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for the Rostov Region.

**ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
ГРАЖДАН, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Legal and social issues of re-socialization of citizens released from prison

В статье на основе анализа проблем ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и результатов их обсуждения на коллегиальных мероприятиях, проводимых территориальными органами Минюста России, делается вывод о целесообразности приобщения к работе по уменьшению их негативного проявления представителей общественности, в частности казачьего сообщества. Обосновывается необходимость проведения мониторинга регионального законодательства в сфере социальной адаптации граждан, освобожденных из мест лишения свободы, формулируются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: ресоциализация, институты гражданского общества, освобождение из мест лишения свободы, социальная адаптация осужденных.

The article, based on an analysis of the problems of the resocialization of persons released from places of deprivation of liberty and the results of their discussion at collegial events held by the territorial bodies of the Ministry of Justice of Russia, concludes that it is advisable to involve representatives of the public, in particular the Cossack community, in the work to reduce their negative manifestation. The need to monitor regional legislation in the field of social adaptation of citizens released from places of deprivation of liberty is justified, proposals are made to improve it.

Keywords: resocialization, institutions of civil society, release from places of deprivation of liberty, social adaptation of convicts.

Одной из важнейших задач современной уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является социальная адаптация осужденных, предполагающая целенаправленный процесс возвращения или приобретения ими способности к существованию в обществе при соблюдении правовых норм и правил человеческого общежития.

Сегодня территориальными управлениями ФСИН России и Минюста России уделяется пристальное внимание вопросам участия ин-

ституты гражданского общества в работе исправительных учреждений, связанной с социальной защитой и реабилитацией освобождающихся осужденных. Так, начиная с 2018 года на территории Ростовской области на постоянной основе проводятся встречи (1 круглый стол, 2 конференции – в 2018 и 2019 годах) с представителями социально ориентированных некоммерческих организаций, служащими различных конфессий и сотрудниками компетентных органов исполнительной власти Рос-

товской области, принимающих участие (планирующих участие) в ресоциализации осужденных, освобождающихся из исправительных учреждений ГУФСИН России по Ростовской области.

Прежде чем приступить к изучению заявленной в статье проблемы, представляется необходимым познакомиться с некоторыми исходными данными, в том числе статистическими. Так, по состоянию на 1 января 2021 года на территории Южного федерального округа действовало 71 учреждение уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), в которых содержалось свыше 44 тыс. человек (осужденных – более 35 тыс., подозреваемых, обвиняемых – более 8 тыс., женщин – около 3 тыс., несовершеннолетних – около 200), что составляло 9,2 % от общероссийского количества лиц, находившихся под стражей, и осужденных, отбывавших наказание в местах лишения свободы.

Одной из важнейших задач уголовно-исполнительной системы России является исправление осужденных. Согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации исправление – это формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, т. е. подготовка к возвращению в общество. Для подавляющего большинства лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, эта процедура неизбежна.

В соответствии со ст. 180 УИК РФ за шесть месяцев до истечения срока наказания в виде лишения свободы администрацией учреждений УИС проводится комплекс мер по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных. По состоянию на конец 2020 года в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России содержалось свыше 3 тыс. осужденных, которым до истечения срока наказания оставалось не более шести месяцев (в 2019 году – свыше 4 тыс.).

В Южном федеральном округе во всех исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России для решения вопроса о трудоустройстве лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, заключены соглашения о сотрудничестве с районными отделами службы занятости населения, социальной

защиты, региональными отделениями Пенсионного фонда Российской Федерации. Организованы справочно-консультационные пункты, в которых осужденные могут получить разъяснения о порядке трудового и бытового устройства после освобождения, законодательстве в сфере охраны труда и социального обеспечения, а также сведения о возможности профессионального обучения и переподготовки. Кроме того, в исправительных учреждениях регулярно проводятся ярмарки вакансий с привлечением мобильных центров занятости, консультации по преодолению психологических трудностей, связанных с адаптивным периодом жизни на свободе.

В ряде учреждений территориальных органов ФСИН России (в Республике Адыгея, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях) установлены сенсорные терминалы, в которых можно получить актуальную информацию о ситуации на рынке труда и вакансиях в городах и районах субъектов Российской Федерации

Следует отметить, что институты гражданского общества непосредственно участвуют в реализации средств исправления осужденных, предусмотренных, в частности, в ст. 9 УИК РФ, а также тесно взаимодействуют с самими заключенными, а не только с представителями учреждений и органов, исполняющих наказание.

Анализ практики привлечения общественности к оказанию социальной помощи осужденным и воспитательной работе с ними свидетельствует об использовании различных ее форм и методов в субъектах Российской Федерации, расположенных в Южном федеральном округе.

Следует особо отметить роль религиозных объединений в процессе ресоциализации осужденных, которые помогают им произвести переоценку ценностей и осознать значение человеческой жизни, воспитать толерантность и любовь к ближнему. Соблюдение религиозных канонов дисциплинирует заключенных и формирует правопослушный образ жизни. В целом религиозность способствует отходу от криминального образа мыслей, нравственному преображению лиц, оказавшихся в местах лишения свободы.

В учреждениях территориальных органов ФСИН России действуют 29 храмов и 7

православных часовен, оборудованы молитвенные комнаты, имеются предметы культа и религиозная литература.

Во всех субъектах Южного федерального округа налажено тесное взаимодействие между Русской православной церковью (далее – РПЦ) и органами УИС. За всеми пенитенциарными учреждениями закреплены священнослужители, которые проводят религиозные обряды и таинства, осуществляют духовную работу с осужденными. В учреждениях УИС накоплен значительный опыт реализации осужденными своего права на свободу совести и свободу вероисповедания.

Такое же взаимодействие налажено с региональными духовными управлениями мусульман. В учреждениях оборудовано 8 мечетей и 1 буддийский храм.

Вместе с тем священнослужители различных религиозных конфессий осуществляют не только проповедническую работу, но и активно участвуют в деятельности общественных и попечительских советов целого ряда исправительных учреждений и территориальных органов ФСИН России, основной целью которых является привлечения широких слоев общественности к задачам и проблемам учреждений УИС. В состав советов также входят представители государственных, общественных и некоммерческих организаций.

По инициативе общественных советов в местах лишения свободы проводятся традиционные спортивные мероприятия по мини-футболу, легкоатлетические и шахматные спартакиады среди осужденных. А различные некоммерческие организации активно участвуют в социальной и психологической реабилитации осужденных.

Отметим, что рассмотрение взаимодействия институтов гражданского общества и учреждений УИС будет не полным без изучения статистических сведений о количестве осужденных, освобожденных из мест лишения свободы по основаниям, предусмотренным в ст. 172 УИК РФ. Так, анализ динамики статистических данных о количестве осужденных, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, показал их сокращение в 2020 году в сравнении с 2019 годом на 1 997 человек, или 8,3 %. В 2020 году значительную часть (75,2 %) лиц,

освобожденных из мест лишения свободы, от их общего числа, составляли осужденные, которые освобождены в связи с отбытием срока наказания, назначенного по приговору суда (в 2019 году – 73 %).

В 2020 году в связи с болезнью или инвалидностью освобождены от отбывания наказания 0,5 % от общего числа лиц, освобожденных от отбывания наказания (в 2019 году – 0,9 %).

Если за осужденными, в отношении которых районными (городскими) судами принято решение об условно-досрочном освобождении, а также освобожденными из мест лишения свободы в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания осуществляется контроль компетентными органами, то поведение отдельной категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания осуществляется контроль компетентными органами, то поведение отдельной категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания вызывает необходимость профилактического надзора или сопровождения. Так, в 2020 году в соответствии со ст. 173.1 УИК РФ административный надзор устанавливался за 11,7 % осужденных, освобожденных из мест лишения свободы (в 2019 году – за 9,3 %).

Изучение практики оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, показало, что предусмотренная ст. 181 УИК РФ совокупность мер социально-экономического характера, направленная на интеграцию бывших осужденных в современное общество, с различной интенсивностью применяется территориальными органами ФСИН России. Так, в субъектах Южного федерального округа разработаны и приняты нормативные правовые акты, соответствующие целевые программы, в которых предусмотрен ряд мероприятий по социально-бытовому и трудовому устройству освободившихся осужденных.

Более подробный анализ нормативного регулирования общественных отношений в сфере ресоциализации граждан в Южном федеральном округе, освобождаемых из мест лишения свободы, будет проведен территориальными органами Минюста России, которыми будет дана оценка в том числе полноты и качества принятых нормативных документов и реализованных региональных полномочий, определены вопросы, требующие урегулирования или корректировки.

На сегодняшний день по информации территориальных органов Минюста России, во исполнение представленных федеральным законодательством полномочий на территории Южного федерального округа действует 73 нормативных правовых акта, регулирующих общественные отношения в сфере ресоциализации и социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Следует обратить внимание на то, подходы к решению задач по профилактике повторной преступности, ресоциализации и реинтеграции в общество осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы в субъектах Южного федерального округа, разнятся и требуют совершенствования.

В 2020 году территориальные органы ФСИН России в рамках реализации государственной политики в области социального обслуживания направили в региональные учреждения социального обслуживания материалы в отношении 1 034 осужденных (в 2019 году – 942), освобожденных из мест лишения свободы. По результатам проверки установлено, что 101 человек не имел жилья и находился в трудной жизненной ситуации. Таких граждан помещают в центры социального обслуживания, действующие во

всех регионах страны, имеющие различную наполняемость и сроки пребывания в них.

Полагаем, что наиболее полноценной ресоциализации граждан, освобождающихся из мест лишения свободы, и минимизации оснований рецидива преступных проявлений будет способствовать привлечение к этой работе представителей казачества. На наш взгляд, у них есть для этого все возможности и инфраструктура: их структурные подразделения представлены не только в каждом субъекте Южного федерального округа, но и в большинстве муниципальных образований (более 1 тыс. объединений общей численностью свыше 90 тыс. человек); их участниками являются специалисты в разных профессиональных сферах, в том числе юристы, педагоги, психологи, которые могли бы оказывать консультационное сопровождение данной категории российских граждан. Не будем забывать, что, являясь элементом гражданского общества, современное возрождающееся казачество выполняет и государственные функции, в том числе правоохранительную, а от успехов в обсуждаемом вопросе выигрывает любое общество и государство, а значит, каждый из нас должен быть в этом заинтересован.

Вакуленко Наталья Алексеевна
Vakulenko Natalya Alekseevna

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: foroposha@mail.ru

Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Actual processes of determination of criminalization of modern Russian society

В статье анализируются наиболее репрезентативные факторы криминализации современного российского общества, позволяющие в обобщенном виде представить структуру преступности в России, раскрывающую качественное своеобразие, тенденции и закономерности существования и развития преступности отдельных видов. Актуализируется значимость показателей преступности и факторов, ее детерминирующих, при осуществлении деятельности по предупреждению преступлений.

Ключевые слова: детерминация, криминализация, показатели преступности, состояние преступности, динамика, удельный вес, тенденции, криминогенная активность, меры профилактики, информативные характеристики.

The article analyzes the most representative factors of criminalization of modern Russian society, which make it possible to summarize the structure of crime in Russia, revealing the qualitative peculiarity, trends and patterns of the existence and development of crime of certain types. The importance of crime indicators and determinants in crime prevention activities is being updated.

Keywords: determination, criminalization, crime indicators, crime status, dynamics, specific gravity, trends, criminogenic activity, prevention measures, informative characteristics.

Рост криминальных отношений обусловил возникновение понятия «криминализация», активно распространившегося на сегодняшний день в бытовой и научной областях функционирования языка. В современной России криминализация в общественных отношениях стала одной из острейших проблем, которая общегосударственным негативным фактором подрывает авторитет власти и разрушает основы государственности.

Термин «криминализация» имеет уголовно-правовой генезис и определяется как:

1) закрепление в законе признаков новых составов преступлений, перевод деяния в уголовно наказуемое;

2) процесс выявления общественно опасных форм поведения, «признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними, фиксации их в качестве преступных и уголовно наказуемых» [1, с. 73].

В криминологическом поле данный термин используется в качестве социально-регрессивного эволюционного процесса, организуюмо-

го криминальными образованиями, который реализуется противоправными средствами и создает глобальные и национальные угрозы.

Причины криминализации современного российского общества – это социально-психологические факторы, которые в тесном взаимодействии со сложившимися в определенной обстановке обстоятельствами порождают преступность.

Условия криминализации современного российского общества – это совокупность явлений общественной жизни, которые напрямую не вызывают совершение российскими и иностранными гражданами и иными лицами преступлений, но облегчают механизмы действия причин.

Причины и условия, порождая следствие, всегда функционируют совместно, и в зависимости от конкретной ситуации одно и то же обстоятельство может выступать как в качестве причины криминализации, так и в качестве ее условия, поэтому представляется возможным объединить оба определения в единое понятие «детерминанты криминализации».

Чтобы осмыслить многообразие причин и условий криминализации современного российского общества, следует их классифицировать и рассматривать их сущность на разных уровнях:

1. Индивидуальный (внутренний) уровень. Здесь имеется в виду непосредственно личность преступника: совокупность его биологических, социально-психологических и эмоционально-волевых свойств, личностных качеств, степень их интенсивности. Ранее окружение ребенка и подростка, особенности воспитания и процесса социализации и т. д.

Движут человеческими противоправными поступками не столько бессознательные процессы, случай или обстоятельства, сколько эгоизм, идущий вразрез с интересами других субъектов и объектами этого мира. И если индивид по каким-либо причинам не может реализовать себя и направить свою социальную активность в полезное обществу русло, то он направляет ее в «никуда». Своими пассивными (бродяжничество, маргинальный образ жизни, наркомания, алкоголизм) или активными (непосредственное совершение преступления) действиями индивид сознательно или неосознанно вовлекается в криминальную сферу, становится ее частью.

Как отмечает Н.А. Стручков, «непосредственные причины следует искать в сфере сознания, т. к. все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через его голову, превратиться в побуждения его воли» [2, с. 7]. Это значит, что преступность берет свое начало в природе человека как социально-биологического существа, а плохие условия жизни людей являются лишь катализатором, ускоряющим проявление правонарушающего, «криминального начала» в сознании и жизни индивидуума. Согласно данному подходу представляется, что преступное поведение формируется в сознании, а может, и гораздо глубже.

2. Социологический (внешний) уровень. Здесь на первый план выступает современное российское общество в целом, все его сферы. Ведущую роль в детерминации криминальных процессов данного подхода ученые отводят экономике страны, потому что она определяет характер и состояние преступности. В результате усиления социальных и экономических противоречий обостряется проблема зна-

чительного неравенства между богатыми и бедными слоями населения, прекращают работать промышленные предприятия и сельскохозяйственные объединения, растет безработица, происходит значительное сокращение государством своих социальных обязательств. Следствием этого является бедность и нищета – одна из наиболее острых проблем в России.

Кроме того, сегодня стоит обращать внимание на такие заглавные факторы, как кризис системы борьбы с преступностью, недостаточное и неэффективное материальное обеспечение деятельности правоохранительных органов. Интенсивный рост сопутствующих факторов криминализации: алкоголизация населения, наркотизация, проституция, бродяжничество и многое другое.

Духовный и правовой нигилизм, выражающиеся в пренебрежении как к общественным правилам поведения, правилам безопасности на транспорте и производстве, так и уголовно-правовым нормам, утрате доверия к коррумпированным органам государственной власти и иным властным и негосударственным структурам.

Стоит отметить, что криминализация российского общества – процесс эволюционный. Это значит, что российская преступность преодолевала путь от элементарного к сложному. Однако следует отметить, что данная эволюция имеет регрессивный характер, ведь прогрессируют только способы и методы совершения преступления, что не меняет сущность данных деяний.

От начала зарождения российской государственности и в течение довольно продолжительного периода отечественной истории преступность развивалась типичными для всей цивилизации путями и носила в достаточной степени примитивный характер. На рубеже XVII–XVIII вв. в России стихийно формируются преступные артели, группы и сообщества, члены которых были связаны общей криминальной идеей, регулирующей определенный порядок внутренних взаимоотношений. С развитием науки, техники и права российская преступность не только увеличивает количество «промыслов», но и становится «профессиональной». Прибыльным преступлением считалось конокрадство, часто встречающимся преступником был вор-карманник, а самым уважаемым – взломщик.

Конец XIX и начало XX в. характеризуются еще большим укреплением криминальных элементов: преступный мир в России приобрел черты мощной иерархизированной организации со своими специфическими нормами поведения.

Общество стремительно развивается. Криминализация России на современном этапе развития социума характеризуется использованием передовых технологий коммуникаций и компьютеризации. Теперь преступный мир переходит в виртуальное, нефизическое пространство. Так, в 2018 г. количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в Российской Федерации составило 174 674, в 2019 г. – 294 409, в 2020 г. – 510 396 [3], что свидетельствует о резком увеличении данных преступных деяний. «В целом на деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по-прежнему приходится одно из четырех регистрируемых в текущем году преступлений (+73,4 %, 510,4 тыс.). За последние пять лет число таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз, а удельный вес в структуре преступности возрос с 1,8 до 25 %. Большинство киберпреступлений совершается с использованием сети Интернет (300,3 тыс.) или при помощи средств мобильной связи (218,7 тыс.)» [3].

В начале XXI в. в криминальный оборот вводится новое понятие «киберпреступность», которое представляет собой незаконные действия, осуществляемые злоумышленниками, использующими информационные технологии для преступных целей. Из таких составов преобладают мошенничества (51,9 %), кражи (18,7 %), деяния в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (10,8 %). Крайне латентными становятся посягательства в сфере псевдо-онлайн-торговли с применением безналичного расчета, телефонное мошенничество с использованием личных данных пользователей банковских услуг. Появляются новые виды вредоносного программного обеспечения, расширяется сфера криминальных интересов хакерских групп, и усиливается их организованность и специализация, усложняются преступные программные схемы.

Кроме того, используя компьютерные и телекоммуникационные технологии, кибертеррористы активно распространяют экстремистские настроения в массы, оказывают значительное влияние на общественное мнение населения страны с целью дискредитации законной власти. Через зашифрованные каналы связи Facebook и Telegram организуют националистические и антисоциальные политические силы, а через иные аккаунты и социальные сети размещают фото и видео, наносящие сильное психологическое воздействие на моральное состояние пользователей.

Деформация духовно-нравственных аспектов человеческой жизни в большей степени отражается на криминализации нашего общества.

Как справедливо отмечает В.Н. Фадеев, «профессиональное и моральное кредо криминологии – духовно-нравственное начало противостояния злу, обману и насилию» [4]. Наше общество на сегодняшний день добилось значительного материально-технического прогресса, однако духовно-нравственное состояние от него отстает. Об этом говорят общественные деятели, духовные лидеры, специалисты-эксперты, обычные граждане.

По мере внутреннего разобщения, ослабления коллективистских начал развиваются индивидуализм и безразличие, происходит обесценивание человеческой жизни. В современном мире эгоизм прикрывается так называемыми демократическими ценностями и рассматривается как нормальное выражение незыблемых прав и свобод человека и гражданина. На самом же деле индивид является частью общества, получая от него все необходимые ресурсы, и поэтому, ощущая себя его частью, должен уважать его правила и нормы. На фоне отсутствия внятной и разделяемой народом государственной идеологии образовавшийся духовный вакуум заполнился материальными ценностями наживы и культом потребления.

Значительное влияние на такое положение вещей оказывают СМИ. Насыщенность массовой информации насилием все больше и больше способствует увеличению жестокости, хладнокровия, меркантильности в повседневной жизни. Вследствие этого криминальное поведение становится в какой-то мере нормой, а не явным отклонением от правил общественной жизни.

Криминология массовых коммуникаций систематизирует знания о сущности, закономерностях преступности в сфере оборота массовой информации, возможностях предупредительного воздействия на нее и применения массово-коммуникативных методов функционирования системы противодействия преступности. Исследование корреляционных связей между криминализацией и средствами массовой информации – относительно новое научное направление.

Анализ содержания современных медиа дает возможность выделить ключевые факторы, оказывающие потенциальное криминогенное воздействие. Сцены насилия, жестокость, агрессивность, пропаганда криминальной культуры транслируются в печатной, видео-, кино и иной продукции, а также в сети Интернет.

Идет активная пропаганда онлайн-сообществами в социальных сетях сексуальной свободы, в том числе педофилии, что предопределяет тенденцию роста числа противоправных деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Возможно, в связи с этим в 2019 г. в России по ст. 135 УК РФ зарегистрировано 2 036 преступлений, а в 2020 г. – уже 2 192, т. е. произошло увеличение числа развратных действий на 7,7 % [3].

Доступ к СМИ в России имеется повсеместно, в связи с чем сеть Интернет, пресса, телевидение, киноиндустрия, радио, компьютерные и видеоигры являются мощным инструментом манипуляции общественным мнением. При помощи управляемого потока мнений и информации легко переключить интерес аудитории с острейших глобальных проблем криминализации общества на локальные, казуальные случаи, которые могут вызвать у публики наибольший интерес.

Известный немецкий социолог Н. Луман сказал: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится к знанию не только общества и истории, но и природы. Вместе с тем о самих массмедиа мы слышали такого, что не можем доверять этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [5]. С данным

мнением сложно не согласиться, т. к. сегодня роль информации невозможно переоценить.

Однако в сознании людей закрепляются ложные идеалы и нормы поведения криминального мира. Преступность воспринимается большинством как обыденное явление действительности. В новостной ленте убийства «криминальных авторитетов» или «авторитетных бизнесменов» являются политическими новостями, и это сильное искажение нашего правосознания. Почему о бандитах говорят цивилизованными словами и величают авторитетами? Почему убийство преступника транслируется на федеральных каналах и является событием в области политики, а не в области региональной криминальной хроники? Почему понятия «политика» и «криминал», «вор» и «закон» отождествляются? По причине или вследствие чего в обществе преобладают пессимистичные настроения относительно возможности реализации государством закрепленных демократических принципов и норм права, способности государственного программирования противодействия криминальным процессам? Ослабевает доверие граждан к органам государственной власти, в том числе и правоохранительным.

Общественная нравственность является способом организации жизнедеятельности людей и имеет серьезную значимость в регуляции общественного поведения. Поэтому криминальная культура создает реальную опасность для охраняемых общественных отношений, в первую очередь в сфере права. В силу особого исторического развития нашего Отечества распространению традиций преступного мира способствуют и сами представители преступной среды, т. к. вся мощь профессиональных преступников содержится в их особых взаимоотношениях друг с другом, сплоченности, своеобразной организации, знании воровских обычаев, норм и правил поведения уголовной среды. На криминализацию социума косвенно способна влиять и ситуация, которая складывается в местах лишения свободы. Криминальная субкультура является фактором, детерминирующим совершение новых преступлений как во время, так и после отбывания наказания.

Наше общество претерпевает негативные последствия криминальной субкультуры подростковой и молодежной среды. Значительную популярность приобретают неформальные

объединения несовершеннолетних, такие как «колумбайн-сообщества» (скулшутинг), АУЕ. В социальных сетях и видеохостингах группы данной направленности набирают колоссальное число подписчиков. На АУЕ подписаны уже десятки тысяч молодых людей из разных регионов страны. Механизм криминализации происходит путем установления «смотрящими», которые подчиняются отбывающему наказание в местах лишения свободы, определенных «воровских» порядков среди подростков и молодых людей.

Группы смерти («Море китов», «Млечный путь», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «f57», «f58»), действующие в сети Интернет, подталкивают подростков к суицидальным проявлениям и совершению преступлений. Это подтверждает негативное влияние на процессы виктимизации несовершеннолетних.

Растет популярность музыкального направления хип-хоп культуры. Рэп, заимствованный из западной культуры представителей рабочего класса и маргиналов негроидного населения США и набирающий все большие обороты на просторах России, пропагандирует жестокость, насилие, употребление запрещенных веществ, грубость, невежество по отношению к женщинам и культ материализма.

В текстах известных среди молодежи российских рэп-исполнителей указывается на привлекательность запрещенных веществ. «У меня есть крэк, мет, фен, героин, кокаин, лизергин, куш, анаша и смоук». Строчка из песни хип-хоп-исполнителя Yung Trappa похожа на чистосердечное признание, и не без оснований, исполнитель уже отбывает наказание за незаконное хранение, употребление и сбыт наркотических средств. По данным Росстата, за 2015–2018 гг. из 100 тыс. детей в возрасте до четырнадцати лет в среднем 14 пациентам ежегодно устанавливается диагноз «наркомания» впервые и 22 пациента состоят на учете в лечебно-профилактических учреждениях [6, с. 215]. У несовершеннолетних 15–17 лет эти показатели составляют уже 260 и 557 человек соответственно.

Криминологи выделяют некоторое число факторов, которые затрудняют социализацию личности и удовлетворение потребностей, формируют преступную мотивацию. Внушительное распространение среди наших сограждан нравственного и правового нигилизма

относится к факторам, детерминирующим совершение правонарушений и преступлений.

Материальное благополучие находится на вершине жизненных ценностей россиян, что рассматривается как нормальное явление в условиях капитализации. Однако в ситуации, когда в обществе отсутствуют эффективные механизмы для реализации материального благополучия, происходят правонарушения и преступления.

Тяжелые жизненные условия являются неоспоримым фундаментом для криминализации российского населения. Нищета порождает преступность, которая затрагивает все слои общества. Специфика преступности, совершенной бедными, заключается в первую очередь в ограниченном спектре преступных деяний. В основной массе это преступления, совершаемые против собственности, жизни и здоровья населения, общественной нравственности, против общественной безопасности и общественного порядка и в сфере экономической деятельности.

Криминальная напряженность определена также и увеличением алкоголизации населения. Алкоголизация России, являясь детерминантом преступности, сегодня стала злободневной проблемой, оказывающей прямое влияние на криминализацию общества. Проанализировав официальные показатели общего состояния преступности данного вида с 2010 по 2019 г., можем констатировать, что в период с 2010 по 2016 г. был устойчивый тренд ее возрастания с 237 823 до 440 154 (+85,1 %), на что, безусловно, оказывали свое воздействие социально-экономические и политические преобразования в нашем государстве. Однако с 2017 г. официальная статистика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, демонстрирует уверенный тренд снижения: с 378 013 в 2017 г. до 323 528 в 2019 г. [3]. При этом показатель удельного веса является достаточно стабильным и составляет 30 %, значит, треть преступлений совершается лицами в состоянии алкогольного опьянения.

В связи с этим предупреждение преступлений, совершенных в состоянии опьянения, – одна из приоритетных задач социальной политики Российской Федерации.

В современной России криминализация экономики является большой проблемой,

подрывающей безопасность страны. «В 2020 г. на уровне 2019 г. остался массив преступлений экономической направленности (+0,5 %, 105,5 тыс.). В структуре преступности их удельный вес (5,2 %) стабилен последние 3 года. Среди регионов тенденции по выявлению указанных преступлений разнонаправленные. Каждое четвертое преступление экономической направленности совершено в крупном и особо крупном размере (-2,1 %, 29,8 тыс.). В целом материальный ущерб от преступлений обозначенной категории на этапе предварительного расследования оценен в 339,5 млрд руб.» [3].

Данная статистика свидетельствует об ухудшении криминальной обстановки в указанной сфере. Рост налоговой и экономической преступности, коррупции, организованной преступности, увеличение «беловоротничкового» криминала – все это приобретает признаки системной опасности развития страны. Преступность данной направленности определяется высоким уровнем латентности и перманентным совершенствованием методов противоправных посягательств.

Это характеризуется уменьшением доли «традиционных» имущественных злоупотреблений в виде краж и грабежей и увеличением доли преступных посягательств в области финансов, хозяйственной деятельности предприятий и организаций, в сфере высоких технологий, киберпреступности и т. д.

Как и прежде, в значительной мере на тенденции в состоянии преступности оказывают влияние деяния против собственности, на них приходится более половины всех выявленных преступлений. По итогам 2020 г. «среди них наибольшие темпы прироста отмечаются у различного рода мошенничеств (+30,5 %, 335,6 тыс.). В результате в структуре преступности их доля увеличилась с 12,7 до 16,4 %» [3].

«Наиболее распространены мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, на них приходится около 70 % всех хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием (+73,4 %, 237,1 тыс.). При совершении 25,8 тыс. (+42,4 %) мошенничеств использовались электронные средства платежа» [3].

Для организованных преступных групп или преступных сообществ на первом плане остается незаконная деятельность в области

оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также в обширной структуре экономической деятельности.

Деятельность современных организованных преступных сообществ характеризуется: высокой латентностью; вовлечением в преступную деятельность квалифицированных специалистов в области безопасности и конспирации; связью с экстремистскими и террористическими единицами; стремлением преступных сообществ внедриться во властные структуры, в первую очередь в деятельность финансовых институтов; широким применением передовых достижений науки и техники, формированием криминального «холдинга»; диверсификацией преступности; увеличением сферы преступной деятельности, в том числе включением в нелегальный экономический оборот редких и исчезающих видов дикой фауны и флоры, а также иными злоупотреблениями в системе экологии (незаконный вылов водных биологических ресурсов, вырубка лесных насаждений, незаконный сброс или захоронение радиоактивных отходов и т. д.). Происходит слияние экономической и общеуголовной преступности.

Теневая экономика также является элементом, подрывающим государственное устройство и угрожающим национальной безопасности РФ. Она начала расти еще в 90-е гг. прошлого столетия в силу потери способности государства к управлению, и на данный момент около 30 % отечественной экономики находится в неформальном секторе. Объем теневой экономики тесным образом связан с количеством рабочих мест, уровнем коррупции и преступности.

В силу ряда причин в нашей стране уровень безработицы довольно высок, промышленность неразвита, что неизбежно отражается на доле ВВП в теневой экономике. Согласно статистическим данным, в 2020 г. на 2 699 (54,7 %) [3] выросло число безработных лиц, совершивших преступления. Обделенные законной работой граждане вовлекаются в нелегальную деятельность, приносящую им доход. Физические и юридические лица не в полном объеме платят налоги, что ведет к росту налоговых правонарушений. Одна из причин – выплата зарплаты в «конвертах» без отражения данных в налоговом и бухгалтерском учете, без уплаты необходимых

налогов и социальных взносов. В результате чего бюджетные средства недополучает социальная сфера (здравоохранение, образование, культура).

Около 25 млн работающих в России получают часть зарплаты неофициально, работодатели не платят за это налоги, а также не отчисляют в пенсионный фонд деньги. На какие средства будут жить эти люди, когда достигнут пенсионного возраста? Государство должно решить данную проблему путем внесения изменений в налоговое и трудовое законодательство, чтобы исключить возможность выплат «серых» зарплат. Необходимо минимальный размер заработной платы выровнять с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения, что повлияет на увеличение объема уплаты налогов. Правительство РФ несет ответственность за создание условий, при которых имеется возможность не платить все налоги.

Именно Правительство РФ ответственно за тех граждан, которые добросовестно работают, а достигнув пенсионного возраста, будут вести нищенское существование. Правительство РФ должно принять все меры по пресечению экономической криминализации российского общества.

Фиктивная экономика предполагает использование коррупционных механизмов. Она напрямую связана со взяточничеством, мошенничеством, созданием фиктивных льгот и выплат. Коррупция – это сложное социальное явление, имеющее комплексный, системный характер и тесную взаимосвязь с различными процессами, происходящими в конкретном государстве.

«Последние три года в стране регистрируется от 30,5 до 31 тыс. преступлений коррупционной направленности (2018 г. – 30 495, 2019 г. – 30 991, 2020 г. – 30 813). В их структуре на факты взяточничества приходится менее половины выявленных преступлений (14,5 тыс.), относительно прошлогоднего значения их число возросло на 4,9 %. Каждый третий факт является мелким взяточничеством (-2,5 %, 5,3 тыс.). В тройку регионов с наибольшим числом последних вошли республики Башкортостан (186) и Дагестан (185), а также Ставропольский край (175)» [3].

Данные тенденции развития выявленных коррупционных преступлений могут быть

связаны с реализацией мер в рамках решения задачи борьбы с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой, предусмотренной Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. [7], повышением уголовной ответственности в сфере злоупотребления государственными и муниципальными закупками.

«Сегодня коррупция характеризуется значительной латентностью как результат расширенного практического использования криптовалют в коррупционных схемах и легализации преступных доходов» [8, с. 90].

В России коррупционные тенденции разрушают основы нормального функционирования государства, искажают политическую и экономическую сферы жизни государства, подрывают авторитет страны и плановое развитие, сокращают доходы бюджетов.

В начале XXI в. произошло множество общественных трансформаций. К их числу относятся многочисленные глобальные метаморфозы политических институтов, отношений собственности и власти, тотальное изменение системы социальной стратификации, смена элит, маргинализация некоторых слоев населения.

Рассуждая о криминализации нашего общества, следует сказать, что «относительно 2019 г. в 2020 г. число зарегистрированных преступлений в России увеличилось на 1 % и перешагнуло отметку в 2 млн (2 044 221). За более продолжительный период в России отмечается снижение общего количества выявленных преступлений. К примеру, за последние 5 лет их массив сократился на 13,1 %, за 10 лет – на 22,2 %» [3]. Однако количественное снижение официально зарегистрированной части преступности – совсем не показатель снижения угроз национальной безопасности в современной России. В качественных эквивалентах преступность продолжает ухудшаться.

Более того, анализ поступательного движения криминализации российского общества показал, что в ходе эволюционного развития преступность в России, имея серьезную организованность, внутренние материально-технические и людские ресурсы, а также внешние связи, достигнув крупных масштабов, приобрела устойчивый характер и стала предметом пристального внимания правоохранительных органов.

Литература

1. Митюкова Ю.А. К проблеме криминализации и декриминализации уголовного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4(79).
2. URL: <http://www.be5.biz/pravo/k003/index.htm> (дата обращения: 23.12.2021).
3. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 25.12.2021).
4. Фадеев В.Н. Криминологический взгляд в далекое прошлое, настоящее и будущее России // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1.
5. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen, 1996.
6. Российский статистический ежегодник Федеральной службы государственной статистики: статистический сборник. М., 2018.
7. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 06.01.2022).
8. Лясколо А.Н. Криптовалюта как предмет и средство преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. М., 2019.

Bibliography

1. Mityukova Yu.A. To the problem of criminalization and decriminalization of criminal legislation // Man: crime and punishment. 2012. № 4(79).
2. URL: <http://www.be5.biz/pravo/k003/index.htm> (date of access: 23.12.2021).
3. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (date of access: 06.01.2022).
4. Fadeev V.N. Criminological view of the distant past, present and future of Russia // Russian criminological view. 2010. № 1.
5. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen, 1996.
6. Russian statistical yearbook of the Federal State Statistics Service: statistical collection. Moscow, 2018.
7. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of access: 25.12.2021).
8. Lyaskalo A.N. Cryptocurrency as a subject and means of crime // Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2019.

Шанько Виктор Викторович
Shanko Viktor Viktorovich

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук.
E-mail: v.shanko@mail.ru

Head of the Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Pedagogics.

**СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19:
ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ**

Domestic violence during the COVID-19 pandemic: causes and problems

В статье исследуются проблемные вопросы актуализации семейно-бытового насилия во время пандемии коронавирусной инфекции. Указываются материалы официальной отчетности в данной области. Рассматривается типология насильственных преступников, определяются детерминанты совершения семейно-бытового насилия. Предлагаются рекомендации по снижению уровня насильственной преступности в семейно-бытовых отношениях.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, агрессор, жертва, законопроект, правоохранительные органы, пандемия, изоляция, детерминанты, неправительственные организации, статистические данные.

The problematic issues of actualization of domestic violence during the coronavirus pandemic are investigated. The materials of official reporting in this area are indicated. The typology of violent criminals is considered, the determinants of the commission of domestic violence are determined. Recommendations are offered to reduce the level of violent crime in family and household relations.

Keywords: domestic violence, aggressor, victim, bill, law enforcement agencies, pandemic, isolation, determinants, non-governmental organizations, statistical data.

С 2020 года проблема семейно-бытового насилия в Российской Федерации является наиболее острой. В период применения ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением COVID-19, был зафиксирован рост случаев домашнего насилия. Под домашним насилием понимают систематически повторяющиеся акты физического, психического, сексуального или экономического насилия по отношению к близким людям, которые совершаются против их воли с целью обретения власти и контроля над ними. При этом базовой составляющей домашнего насилия выступают межличностные конфликты, которые перерастают в действия, носящие уголовно наказуемый характер.

По данным Ресурсного центра «АННА», 2021 год стал рекордным по количеству поступивших звонков – 58 180. От физического насилия пострадали 72,3 % позвонивших женщин. Большинство подверглись насилию со стороны мужа и/ли партнера (76,4 %) и бывше-

го мужа (10,6 %). У более чем половины обратившихся женщин есть один или двое детей (58,8 %), каждая десятая (11,8 %) – многодетная мать. Возраст женщин: от 30 до 40 лет – 45,7 %, от 20 до 30 – 30,1 %, от 40 до 50 – 15,1 %. Практически каждая пятая обратившаяся была беременна или находилась в декретном отпуске по уходу за детьми. Длительность насилия составляет менее трех лет у 40,4 % обратившихся женщин, от трех до 10 лет – у 36,5 %. О полученных телесных повреждениях, связанных с домашним насилием, сообщили 42,9 % женщин. Каждая пятая (19,13 %) вынуждена в результате насилия обратиться за медицинской помощью. Большинство (71 %) позвонивших женщин никогда не обращались за помощью в правоохранительные органы. Из тех, кто обращался, 94 % не удовлетворены той помощью, которая была им оказана. Еще меньше у пострадавших опыт взаимодействия с мировыми судьями – до суда дело дошло только у 2,4 % женщин [3].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова отметила, что за 2019 и 2020 годы количество зарегистрированных сообщений о семейно-бытовом насилии увеличилось в 2 раза – с шести тысяч случаев до двенадцати [1, с. 283]. При этом наибольшее количество заявлений в правоохранительные органы поступило от женщин, систематически подвергавшихся жестокому обращению в семье.

Следует отметить, что данные статистики значительно отличаются от реальной ситуации, т. к. рассматриваемая категория правонарушений носит латентный характер. Это обусловлено тем, что потерпевшие зачастую не обращаются с заявлением в правоохранительные органы.

В условиях политического, экономического или религиозного кризисов права женщин, к сожалению, нередко ущемляются. Особенно ярко это проявилось в период пандемии COVID-19, т. к. женщины составляют основную рабочую силу в тех сферах деятельности, которые наиболее пострадали от последствий коронавирусной инфекции. Сегодня они чаще мужчин заняты в теневом секторе экономики, где нередко нарушаются их гражданские права или оплата труда производится по цене ниже рыночной. При этом женщинам проблематично выйти на работу, если дома находятся малолетние дети или пожилые люди, нуждающиеся в уходе. Особенно остро эта проблема стоит в неразвитых государствах, в которых процветает радикальный патриархат: девушки жертвуют своим образованием, благоприятным будущим ради семьи. Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что женщины наряду с несовершеннолетними и пожилыми людьми относятся к категории «уязвимые».

В докладе ООН 2020 года «Положение женщин в период пандемии COVID-19» отмечается: «Лишь за один год пандемии коронавирусной инфекции все мировое сообщество стало под угрозой потери 10-го прогресса в области равенства полов» [2, с. 373].

Проблема домашнего насилия обсуждается как на международном, так и на национальном уровнях. Современные государства выбирают различные способы устранения имеющихся проблемных аспектов в сфере семейно-бытовых отношений с целью достижения эффективных результатов по снижению уров-

ня домашнего насилия. Так, например, Государственная Дума РФ при обсуждении вопроса о семейно-бытовом насилии делает акцент на традиционные нравственно-семейные ценности, что непосредственно характеризует «особый путь» при определении общенациональной политики, семейного и гендерного образа. В России не уделяется особого внимания равенству полов, но пандемия дала ясно понять необходимость решения этой проблемы. Однако законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», который, по мнению его разработчиков, является некоторой рамкой или границей, позволяющей реализовывать дискуссии и дебаты как о семейно-бытовом насилии, так и абортах, иных важных для нашей страны проблемах, несколько раз вносился на рассмотрение в Государственную Думу РФ, но пока так и не получил одобрения.

Целесообразно отметить, что для домашнего насилия характерна систематизация, когда действия одного и того же вида насилия осуществляются зачастую не единожды. В российском социуме укоренилось мнение, что изнасилование в браке невозможно отнести к общественно опасному и противоправному деянию. Данный тезис вытекает из сложившихся гендерных стереотипов: семья – союз мужчины и женщины, в котором мужчина наделяется безусловным правом на доминирование по отношению к женщине, в том числе и в физическом плане (сексуальное насилие).

Как было указано ранее, семейно-бытовое насилие – латентное правонарушение. Помимо этого, считаем важным отметить, что детерминантом совершения общественно опасных и противоправных деяний в области семейно-бытовых отношений зачастую выступает отказ жертвы домашнего насилия обращаться в правоохранительные органы за помощью по ряду причин:

- неуверенность в разрешении конфликта между жертвой и агрессором;
- отсутствие желания выносить семейные проблемы в общество;
- стремление сохранить семью;
- испытывание жертвой чувства стыда перед социумом;
- страх мести со стороны агрессора в результате подачи заявления о правонарушении в правоохранительные органы.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш обратил внимание на то, что большое количество лиц женского пола в условиях строгой изоляции в результате коронавирусной инфекции столкнулись с насилием там, где члены семьи должны находиться в безопасности, – собственных жилых помещениях [4].

В связи с введением режима строгой изоляции семьи были вынуждены некоторое время находиться в пределах своего места жительства, порой и одной комнаты, из-за этого у жертв домашнего насилия не было возможности позвонить на горячую линию в центры оказания психологической помощи, в органы внутренних дел или различные общественные объединения. Кроме того, дополнительным детерминантом совершения семейно-бытового насилия явилось и снижение доходов населения. Рассматриваемый фактор привел к увеличению уровня тревожности и деструкции психического состояния людей, что также в определенной степени повлияло на рост случаев домашнего насилия.

Согласно данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, лишь за период введения самоизоляции употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции российскими жителями увеличилось на 3 %. Это обусловлено тем, что достаточно продолжительная изоляция открывает бессознательное стремление к употреблению как алкогольной продукции, так и наркотических веществ. Основной причиной употребления рассматриваемых элементов деструкции личности является одиночество. На сегодняшний день сложилась ситуация, когда человек, находясь рядом с родными людьми, чувствует себя наиболее одиноким, т. к. отношения между членами семьи зачастую меняются в результате длительного нахождения друг с другом во время изоляции. Следовательно, употребление алкогольной, спиртосодержащей продукции и наркотических веществ и проблема семейно-бытового насилия – это взаимообуславливающие феномены.

Сегодня ситуация, связанная с насилием в семье, осложняется тем, что если раньше агрессор только бил жертву, то сейчас бьет и прижигает утюгом, возможно, обращается за помощью к бутылке, чтобы отбитыми краями держать ее около горла потерпевшей. Агрессор, который реализовывал психологическое насилие, теперь бьет и применяет сексуальное насилие.

В условиях изоляции правонарушители испытывают чувство безнаказанности, ведь границы определены, жертва не сможет никуда деться.

Ситуация осложнилась еще и тем, что ограничительные меры непосредственно затронули работу органов внутренних дел Российской Федерации, судов и иных общественных организаций. Так, в МВД России был приостановлен личный прием граждан, которым рекомендовалось обращаться в отделы полиции посредством специализированных сервисов и иных электронных средств связи (в том числе электронной почты). Обращение граждан в суды осуществлялось с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В связи с этим были приостановлены дела, касающиеся разводов, опеки и попечительства, а также семейно-бытового насилия. Более того, множество убежищ для жертв домашнего насилия, а также различные кризисные центры вынуждены были закрыться.

Невозможно не упомянуть о том, что очередным фактором «процветания» домашнего насилия выступает отсутствие надлежащего нормативного правового акта, направленного на превенцию преступлений против женщин в семье, а также на их защиту.

Важно понять, что семейно-бытовое насилие может исходить как от супруга (супруги), так и бывшего супруга (супруги), законных представителей, детей и иных лиц. На основании позиции знаменитого российского ученого-криминолога рассмотрим типы насильственных преступников (см. рис. 1) [5].

Данная типология в достаточной степени характеризует личности преступников.

Кроме того, ключевое содержание часто встречающихся признаков домашних насильственных преступников выражается в:

- а) равнодушии и безразличии к интересам членов семьи;
- б) эгоцентризме, способности подчинять и подгонять в интересующие его рамки поведение иных лиц на основании собственной мотивации;
- в) преобладании лиц зрелого возраста, совершающих семейно-бытовое насилие;
- г) относительно невысоком уровне образованности насильственных преступников.

Подводя итог вышеизложенному, приходим к выводу о том, что проблема семейно-бытового

Рациональный, который решает с помощью насилия свои проблемы

Импульсивный (месть, ревность)

Озлобленный, который с помощью насилия стремится избавиться от чувства дискомфорта, связанного с тем, что он сам был кем-то обижен

Патологический (садистский, тревожный, иррациональный)

Конформистский, совершающий насилие под влиянием других лиц

Рис. Типы насильственных преступников

насилия в российском обществе будет занимать лидирующие позиции, пока агрессоры остаются безнаказанными в связи с недостаточным нормативно-правовым регулированием отношений в области домашнего насилия, что, в свою очередь, не позволяет в полной мере обеспечить защиту жертв домашнего насилия. Для решения возникшей проблемы наложит привлечь силы различных служб и подразделений, т. к. иными способами невозможно успешно предупреждать и пресекать распространение подобного рода насилия. Более того, следует указать, что власти на всех уровнях признали актуальность проблемы семейно-бытового насилия, а также его обострение в период изоляции из-за коронавирусной инфекции. Важную роль в снижении негативных последствий домашнего насилия играют неправительственные

организации. Так, Ресурсный центр «АННА» перешел на круглосуточную работу. В Ростовской области и в Москве женщин, подвергшихся насилию, размещают в специальных убежищах. Центр «Сестры», учитывая увеличение уязвимости женщин в период карантина, проводит консультации в онлайн-режиме, что позволяет пострадавшим из разных регионов страны получить помощь.

В целом произошли некоторые положительные изменения в государственной политике в области предупреждения домашнего насилия. В то же время пандемия четко продемонстрировала, что отсутствие в России комплексного подхода к решению данной проблемы и защите пострадавших от него подвергает граждан большому риску и ограничивает реализацию ими своих прав человека.

Литература

1. Бессчетнова О.В. Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: Кто виноват и что делать? // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. «Социология. Политология». 2021. № 3.

Bibliography

1. Besschetnova O.V. The problem of domestic violence in the COVID-19 pandemic: Who is to blame and what to do? // Izv. Sarat. University. Nov. ser. Ser. «Sociology. Political science». 2021. № 3.

2. Пахомова Я.А. Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12.

3. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1(24).

4. Печенкина Е.Д. Гендерное неравенство в России и странах Запада: усугубление ситуации во время пандемии COVID-19 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. № 3.

5. Итоги работы в 2021 году // Ресурсный центр «АННА» [Электронный ресурс]. URL: <https://anna-center.ru/tpost/a8ij9j3021-itogi-raboti-vtd-2021-goda> (дата обращения: 19.02.2022).

2. Pakhomova Ya.A. While everyone is at home: domestic violence during the COVID-19 pandemic // Issues of Russian Justice. 2021. № 12.

3. Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. Growth of domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Philosophy. Sociology. Art Criticism». 2021. № 1(24).

4. Pechenkina E.D. Gender Inequality in Russia and Western Countries: Aggravation of the Situation During the COVID-19 Pandemic // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships. 2021. № 3.

5. Results of work in 2021 // Anna Resource Center [Electronic resource]. URL: <https://anna-center.ru/tpost/a8ij9j3021-itogi-raboti-vtd-2021-goda> (date of access: 19.02.2022).

Суколенко Екатерина Александровна
Sukolenko Ekaterina Alexandrovna

начальник учебного отдела Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: katerinarost@mail.ru

Head of the Educational Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law.

Митракова Елена Николаевна
Mitrakova Elena Nikolaevna

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: m_helena_n@mail.ru

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО
ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ МВД РОССИИ**

**Current aspects of the formation of anti-corruption behavior of cadets and trainees
in the educational process of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

В статье рассматривается ряд вопросов, посвященных проблеме коррупции в целом, недопущению коррупционных проявлений в обучении и воспитании курсантов и слушателей вузов МВД России, анализируются социально-психологические причины и условия, ее порождающие. Авторами разработаны практические рекомендации по формированию антикоррупционного поведения обучающихся образовательных организаций МВД России как будущих специалистов правоохранительных органов в рамках реализации основной профессиональной образовательной программы.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, отношение к коррупции, личность сотрудника органов внутренних дел, формирование антикоррупционного поведения, антикоррупционная устойчивость.

The article discusses a number of issues related to the problem of corruption in general, prevention of corruption manifestations in the training and education of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, analyzes the socio-psychological causes and conditions that generate it. The authors have developed practical recommendations on the formation of anti-corruption behavior of students of the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia as future law enforcement specialists within the framework of the implementation of the main professional educational program.

Keywords: corruption, corrupt behavior, attitude to corruption, personality of an employee of internal affairs bodies, formation of anti-corruption behavior, anti-corruption stability.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

(Истинно блаженны уши, внимающие не голосу, звучащему на площадях, но голосу, в тиши учащему истине (лат.).

...без психологически обоснованных подходов здесь вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая [1].

М.М. Решетников,
доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Актуальность выбранной темы продиктована реалиями коррупционных проявлений в современном мире. Острота обсуждаемой про-

блемы достигает своего пика в настоящее время и проявляется в разных аспектах функционирования общества, все более расширяя

спектр теневого неформальных отношений. Явно прослеживается взаимосвязь между рядом явлений: теневыми отношениями и теневой экономикой, коррупцией и преступными структурами, невротизацией общества и деструктивными формами поведения. В данной работе проанализируем теоретическую составляющую проблемы коррумпированности общества, учитывая правовой и психологический аспекты с целью определения практических рекомендаций по формированию антикоррупционного поведения обучающихся вузов МВД России и сотрудников правоохранительных органов.

Прошло двенадцать с половиной лет с момента подписания Президентом Российской Федерации базового закона, устанавливающего основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] является основополагающим нормативным правовым актом в области противодействия коррупции, однако он во многом не сумел оправдать возложенных на него ожиданий и существенно повлиять на коррупционную ситуацию в стране, сократить причины и условия коррупционных правонарушений и преступлений. Несмотря на наличие имеющихся правовых барьеров на пути развития коррупции в России, указанное антисоциальное явление не только не уменьшается, но и продолжает оставаться основной угрозой национальной безопасности общества и государства. Возможно, по этой причине по итогам регулярно проводимых заседаний президиума Совета по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации федеральным государственным органам даются адресные поручения, направленные на дальнейшее совершенствование антикоррупционной деятельности.

Противодействие коррупции поднято на уровень государственной политики, образовательные организации МВД России призваны поднять подготовку кадров на более высокий качественный уровень.

Вопросы недопущения коррупционных проявлений в обучении и воспитании курсантов и слушателей вузов МВД России – одно из важнейших фундаментов формирования законопослушного мировоззрения у специалистов с высшим образованием. Разоблачение коррупционных взглядов, «закладка» в умы молодого поколения сотрудников ОВД неприятия нарушения законов собственного государства является очень сложным и многогранным делом. А чем сложнее явление, тем большее значение

приобретает разработка методик, средств и приемов формирования антикоррупционной устойчивости. Но при этом нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, что целостного, единого системного подхода по формированию антикоррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов пока не сложилось, следовательно, работа в этом направлении не теряет своей актуальности.

Научная полемика вокруг темы коррупции затрагивает правовые, экономические, политические, социальные аспекты, при этом такие психологические категории, как ценностные установки, личностная картина мира человека, мотивы, цели и эмоции остаются «за кадром», что, несомненно, не позволяет получить целостного представления о коррупции как о системном явлении [3, с. 18]. Как справедливо отмечают некоторые ученые, среди причин, порождающих коррупционную преступность, можно выделить следующие группы: экономические, политические, организационные, кадровые, правовые, идеологические и социально-психологические [4, с. 4–9]. В рамках данной работы остановимся на социально-психологических причинах и условиях, порождающих коррупцию:

1) морально-психологический климат. Наличие двойственности моральных стандартов, расширение сферы теневых отношений приводит к нечетким границам в сознании субъектов общества между соблюдением в своем поведении норм права и стремлением удовлетворить свои потребности, нарушая эти нормы. Потребность, как и любое состояние личности, всегда связана с наличием у человека чувств удовлетворенности или неудовлетворенности [5, с. 66–67];

2) потеря нравственного иммунитета граждан. Следование устаревшим, но еще действующим традициям, культурным стереотипам [6, с. 39–40], особенно в переходные периоды функционирования общества, способствует укреплению коррупционных проявлений в личностном сознании индивидуумов, в том числе в молодежной среде. Явно проявленный гедонизм, стремление самоутвердиться любой ценой среди группы сверстников укрепляет безнравственную позицию и формирует конформное отношение к деятельности, противоречащей закону;

3) деформация правового сознания. Существование двух взаимоисключающих тенденций – позитивного и негативного отношения к праву в сознании человека влечет за собой ряд последствий: во-первых, разрушение

ценностной структуры личности, во-вторых, усиление правового нигилизма (негативного отношения к праву, неверие в его возможность служить эффективным регулятором общественных отношений);

4) невротизация и психопатологизация населения. Внутриличностные конфликты, порождаемые целым рядом противоречий, сочетанием несовместимых стереотипов, ценностей и установок, приводят к напряженности, продолжительному стрессу, зачастую и к суицидальным проявлениям;

5) теневая экономика. Расширение спектра теневых отношений, вовлечение прямо или косвенно граждан в теневую экономику, привыкших получать зарплату в конвертах и уклоняться от налогов, будучи свидетелями многочисленных злоупотреблений и нарушений закона, начинают относиться к нормам права как к чему-то необязательному [7, с. 10–11];

6) социальная фрустрированность как вид психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях [8, с. 56]. Сегодня картина мира современного человека такова, что собственный престиж и имидж зависят от высококачественного внешнего фасада личности, соответствующего образу во всех отношениях «успешного человека», такое положение вещей напрямую приводит к поиску неадекватных способов удовлетворения внутренней потребности любыми, даже неадекватными способами. Красивая жизнь звезд телеэкранов, поток рекламы, стимулирующей приобретение товаров, уважение, здоровье, отстраненность государства от морального воспитания граждан – все это приводит к формированию прагматичного класса эгоистов – потребителей [9, с. 40–44];

7) профессиональная деформация. Имеющаяся у сотрудника полиции возможность выполнения определенных законом действий постепенно приводит к появлению желания сознательно манипулировать людьми ради личной выгоды [10, с. 354–360]. Сотрудники полиции в большинстве случаев оказываются первыми на месте совершения противоправных действий, где приходится сталкиваться с потерпевшими или правонарушителями. Оценив в действиях правонарушителей антиобщественный или безнравственный характер деяния, они в соответствии с законодательством применяют принудительные санкции к нарушителям общественного порядка. Именно тесное взаимодействие сотрудников полиции с населением и образует высокую степень опас-

ности распространения коррупции в системе правоохранительных органов [11, с. 45].

На поведение представителя власти и дальнейшие действия в отношении граждан влияют его волевые и нравственные качества. Мотивационную основу формирования коррупционного поведения у сотрудника органов внутренних дел образует стремление к прибыли, коммерческий дух, зачастую культивируемый средствами массовой информации. С подобными психологическими установками фактически любая рабочая ситуация может стать коррупционно опасной.

Важно осознать, что вопросы борьбы с коррупцией непременно должны быть разрешены сквозь призму личности, ее интересов, потребностей и устремлений. И здесь очень много зависит от личности самого педагогического работника вуза МВД России, от его психологических и профессиональных качеств, авторитета. В контексте преподаватель-обучающийся очень важно не только *что* сказать, но и *как* сказать. По нашему мнению, методика формирования антикоррупционного поведения определяется содержанием тех дисциплин, которые изучаются в вузах – юридических, философских, психологических, педагогических, экономических, исторических.

Слабой методикой разоблачения неправильных взглядов на занятиях можно свести на нет самые благие идеи, богатое содержание дисциплин и не добиться конечной цели – достижения внутреннего убеждения в недопустимости коррупционных проявлений в деятельности всех органов государственной власти, включая деятельность сотрудников органов внутренних дел. Высокое педагогическое мастерство, доверие к педагогу вуза как к специалисту и профессионалу в своей области знаний не оставляет курсанта и слушателя равнодушным, заставляет его волноваться, мыслить. По любой дисциплине от каждого преподавателя требуются четкие знания и высокая научность информации, которая доводится до сведения обучающихся при реализации образовательного процесса.

Преподаватель обязан добиваться того, чтобы курсант и слушатель много, мыслил, сопоставлял и самостоятельно приходил к выводам, а не воспринимал информацию путем заучивания готовых выводов и тезисов. В процессе занятий необходимо поощрять мышление обучающихся. Так, например, в образовательную организацию курсанты и слушатели могут «принести» все: факты, примеры, непонимание вопросов, домыслы, мнения. А вуз посредством осуществления образовательного процесса

педагогическими работниками должен иметь четкую позицию в рамках правового поля: все ложное, что может быть привнесено, должно быть разоблачено словом, аргументом педагога, его личным примером, ссылкой на нормативный правовой акт. Задача заключается в том, чтобы с помощью преподавателя научить курсанта и слушателя вуза МВД России думать, мыслить, делать аргументированные выводы.

Таким образом, изучение теоретической составляющей проблемы коррумпированности общества (учитывая правовой и психологический аспекты) позволило определить ряд практических рекомендаций по формированию антикоррупционного поведения обучающихся вузов МВД России и сотрудников правоохранительных органов:

1) проводить на конкурсной основе отбор научно-исследовательских работ курсантов и слушателей на тему противодействия коррупции в целях выработки собственной позиции;

2) организовать работу научных кружков таким образом, чтобы результатом их научного творчества стали бы выводы и предложения, обобщающие практику. Эффективная работа научных кружков по юридическим, философским, экономическим, психологическим и другим дисциплинам на кафедрах вузов будет способствовать продуктивному налаживанию взаимодействия и связи науки с практикой. Участие курсантов и слушателей в работе научных кружков позволит им не только углубить и расширить свои знания в определенном направлении, но и ознакомиться с достижениями смежных наук;

3) привлекать курсантов и слушателей к плановым научным исследованиям по теме противодействия коррупции, проводимым профессорско-преподавательским составом кафедр, представляется весьма эффективным средством привития им исследовательских навыков. Кроме того, их участие в подобных исследованиях имеет существенное воспитательное воздействие, т. к. понимание важности и полезности не только проводимой научной работы, но и искренней убежденности в недопустимости нарушений норм закона, выработке нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям в обществе.

Зачастую слушатели первых курсов не сразу вовлекаются в работу научного сообщества курсантов и слушателей. Мало исследуются проблемы, которые бы имели не только теоретическое значение, но и практическую ценность для органов внутренних дел. В отдельных случаях на заседания научных кружков и

конференций выносятся неглубокие, подготовленные наспех доклады, нередко темы научных исследований являются неактуальными. Закономерно и вполне естественно, что курсанты и слушатели пассивно относятся к обсуждению таких докладов (сообщений), не проявляют активности в работе кружков. Представляется, что интерес к научным исследованиям и творческому мышлению должен прививаться с первых дней пребывания курсантов и слушателей в образовательной организации. Большое значение имеет подборка тем, глубина их исследования и сама постановка, сочетание теоретических вопросов с практической стороной деятельности сотрудников органов внутренних дел, организация научного кружка, конференции или другой какой-либо формы научно-исследовательской работы. Рассматривая вопросы, имеющие практическую направленность, слушатели смогут глубоко изучить тему исследования и внести заслуживающие внимания предложения:

1. Сформировать позитивный образ преподавателя-наставника как носителя идеального образа ценностно-этических установок, высокой моральной и антикоррупционной устойчивости.

2. Планировать проведение практических занятий по дисциплине «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел» педагогическими работниками, имеющими психологическое образование, для проведения антикоррупционного тренинга и психодиагностических исследований.

3. Способствовать созданию психологического инструментария для диагностики антикоррупционной устойчивости личности (в рамках курса обязательным элементом проведения практических занятий у слушателей необходима психодиагностика).

4. Внедрить примерную модель тренинговых занятий по формированию антикоррупционного поведения: а) тренинг стрессоустойчивости; б) тренинг повышения самоконтроля в поступках и действиях; в) тренинг формирования профессионально-важных качеств; г) тренинг формирования позитивных ценностных установок.

5. Сформировать методическую базу, способствующую формированию негативного отношения к коррупции посредством ролевых и деловых игр; мозгового штурма и дискуссии; психогимнастических упражнений; мини-лекций и информационных блоков; психодраматических

техник и нейролингвистического программирования.

6. Проводить психодиагностическое обследование (используя современные психологические методики) для определения коррупционной устойчивости или склонности к коррупционному поведению перед поступлением на службу (в том числе учебу) лиц, претендующих на замещение должности сотрудника органов внутренних дел.

Очень важно понимать, какие цели перед собой ставим, какие средства применяем и каких результатов хотим достигнуть. Профессор С.Н. Бабурин небезосновательно считает, что единственный путь, который приведет к успеху в этой борьбе, – это построение нравственного государства. У нас сегодня есть все воз-

можности для этого. Только нравственное государство способно создать надлежащую справедливую финансово-денежную систему и таким образом надломить одну из основных опор коррупции. Только нравственное государство способно создать современную систему воспитания и обучения человека без всяких оглядок на никому не нужную у нас болонскую систему. Только нравственное государство способно защитить себя и своих граждан. Только нравственное государство может совершенно спокойно и законно изъять миллиарды похищенных коррупционерами-казнокрадами у народа денег. Но построить такое государство весьма непросто. Очень много противников такого построения есть и у нас в стране, и особенно за ее пределами. Непросто, но возможно [12, с. 14].

Литература

1. Решетников М.М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб., 2008.
2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
3. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих / О.В. Ванновская. 2-е изд., стереотип. М., 2018.
4. Голубых И.В., Чашников В.А., Алимниев С.А. Причины и условия преступлений коррупционной направленности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 2.
5. Кочетков В.В. Психологические детерминанты коррупционного поведения // Философия права. 2010. № 6.
6. Россия и коррупция: Кто кого? Доклад Регионального общественного фонда «Информатика для демократии». М., 1998.
7. Иванова Н.А. Актуальность проблемы борьбы с должностными преступлениями в современной России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 2.
8. Психология состояний: хрестоматия / под ред. А.О. Прохорова. СПб., 2004.
9. Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи. СПб., 2000.
10. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. СПб., 2012.
11. Ладыжец Н.С. Проблема формирования коррупционного сознания в правоохранительной сфере: социально-философский анализ // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2.
12. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.

Bibliography

1. Reshetnikov M.M. The Psychology of Corruption: Utopia and Dystopia. St. Petersburg, 2008.
2. On Combating Corruption: fed. law d.d. Dec. 25, 2008 № 273-FL // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52. Art. 6228.
3. Vannovskaya O.V. Psychology of corruption behavior of civil servants: / O.V. Vanovskaya. 2nd ed., erased. Moscow, 2018.
4. Golubykh I.V., Chashnikov V.A., Alimniev S.A. Causes and conditions of corruption-related crimes // Law enforcement agencies: theory and practice. 2009. № 2.
5. Kochetkov V.V. Psychological determinants of corrupt behavior // Philosophy of law. 2010. № 6.
6. Russia and Corruption: Who Wins? / Report of the Regional Public Foundation «Informatics for Democracy». Moscow, 1998.
7. Ivanova N.A. The relevance of the problem of combating malfeasance in modern Russia // Law enforcement agencies: theory and practice. 2009. № 2.
8. Psychology of states: Reader / under ed. A.O. Prokhorov. St. Petersburg, 2004.
9. Lisovskiy V.T. The values of the life and culture of modern youth. St. Petersburg, 2000.
10. Vasiliev V.L. Legal psychology: Textbook for universities. St. Petersburg, 2012.
11. Ladyzhets N.S. The problem of the formation of corruption consciousness in the law enforcement sphere: a socio-philosophical analysis // Modern studies of social problems. 2012. № 2.
12. Baburin S.N. The Moral State: A Russian View of the Values of Constitutionalism. Moscow, 2020.

Бредихин Алексей Леонидович
Bredikhin Aleksey Leonidovich

доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: axel_b@mail.ru

Associate Professor, Department of History of State and Law, the St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

State goal-setting and legitimization of power as processes in the structure of the ideological function of the state

В статье рассматриваются основные направления в структуре идеологической функции государства: целеполагание и легитимация власти. Исследуется происхождение термина «целеполагание» и его применимость к характеристике государственной деятельности, обозначается стратегическое планирование как пример государственного целеполагания. Раскрывается содержание легитимации власти как политико-правового явления. Формулируются авторские определения терминов «целеполагание» и «легитимация власти» в контексте идеологической функции государства.

Ключевые слова: целеполагание, легитимация власти, идеологическая функция государства, стратегическое планирование, легитимность.

The article considers the main directions in the structure of the ideological function of the state: the purpose and legitimization of power. The origin of the term «goal-setting» and its applicability to the characteristic of state activity are studied, strategic planning is designated as an example of state goal-setting. The content of the legitimization of power as a political and legal phenomenon is revealed. The author's definitions of the terms «purpose» and «legitimization of power» are formulated in the context of the ideological function of the state.

Keywords: targeting, legitimization of power, ideological function of the state, strategic planning, legitimacy.

Среди структурных элементов функции государства называется цель, т. е. результат, который предполагается достичь посредством осуществления той или иной функции. В науке можно найти множество определений цели. Так, в Философском словаре под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина цель определяется как «идеальное предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия» [1, с. 496]. В другом словаре под целью понимается «конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть предопределяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению» [2, с. 646].

По мнению В.Л. Кулапова, «политико-правовая цель – это идеально предполагаемая модель, отражающая то состояние общественной жизни, к которому стремится государство за счет реформирования тех отношений, явля-

ний и процессов, которые существуют в настоящем» [3, с. 31].

Заметим, что большинство дефиниций цели основаны на признании ее видением конечного результата, который должен быть достигнут посредством определенной деятельности. Таким образом, цель обуславливает направление деятельности государства, результаты которой соотносятся с моделью поставленной цели. Следовательно, цель присуща самой деятельности, а не функции как таковой.

В связи с тем, что функции государства не идентичны деятельности, то и не может быть целей у функций и деятельности одновременно. Цель всегда конкретна и имеет конечное состояние, а функции постоянны, что также вызывает сомнения в определении цели для функций государства. В этом смысле нельзя в полной мере согласиться с учеными, выделяющими цель в качестве структурного элемента функции государства.

В то же время отсутствия целевых ориентиров у функций государства также быть не может, т. к. это сделало бы их бессмысленными. Полагаем, что данное противоречие можно решить следующим предположением. Функции государства в качестве подсистемы включают в себя процесс целеполагания, т. е. постановку целей. Иными словами, цель и содержание конкретной государственной деятельности являются проекцией конкретной функции государства.

Д.В. Пожарский считает, что государственное целеполагание представляет собой согласованную деятельность органов государственной власти по публично-правовому выражению целей и задач [4, с. 55]. Формально все действительно так, однако «согласованная деятельность органов государственной власти» – это проявление суверенной воли государства, которая реализуется в его функциях, т. е. государственное целеполагание может быть проявлением одной из функций государства, а не только формально согласованной позицией высших органов власти.

Термин «целеполагание» изначально пришел из психологии. Согласно Психологическому словарю он означает: «1) выбор, определение или осознание человеком цели своего действия или деятельности в целом; 2) внутренний, психологический акт, процесс, связанный с определением, выбором или осознанием человеком цели своего поведения» [5, с. 471].

Государство выступает в роли юридической личности, поэтому перенос некоторых свойств человека на него вполне приемлем. Если целеполагание личности относится к волевому, разумному компоненту, то целеполагание государства является элементом его идеологической функции, состоящим в выработке, постановке целей общественного развития, доведении их до населения.

Особенность целеполагания в государственном масштабе заключается в том, что сознательно-волевой компонент выражается не индивидуальным, а массовым сознанием государствообразующего народа. Поэтому цели должны быть априори согласованы с множеством индивидов-граждан.

Одной из форм целеполагания может служить стратегическое планирование. Становление российской государственности на современном этапе и обстановка в мире ставят на первое место задачи экономического и социального развития, что также вносит свои коррективы в общегосударственные задачи. Таким

образом, сегодня содержание идеологической функции государства несколько изменилось.

Указанные обстоятельства вызвали необходимость упорядочения деятельности по стратегическому планированию развития России, с чем и было связано появление Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Данный закон не создал стратегическое планирование как таковое, оно осуществлялось и ранее. Так, отмечается, до его принятия существовали следующие виды документов: концепции, стратегии, доктрины, федеральные целевые программы, основы государственной политики [6, с. 376]. Также нужно отметить, что стратегическое планирование не уникальный российский продукт. Такая деятельность реализуется в развитых странах (например, Великобритании, Германии) и уже доказала свою эффективность [7, с. 10–17].

Стратегическое планирование и документы стратегического планирования, как и результаты идеологической деятельности государства, предполагают достижение определенной модели социально-экономического состояния общества и его безопасности, что делает их схожими. А процесс реализации документов стратегического планирования сопровождается также деятельностью государства в рамках осуществления идеологической функции.

На основании изложенного считаем, что стратегическое планирование является частью деятельности государства по реализации идеологической функции государства, преследует те же задачи, что и идеологическая функция государства. Цели стратегического планирования направлены на формирование идеального (предполагаемого) состояния общества в социально-экономической сфере и обеспечении всех видов его безопасности.

Наряду с целеполаганием, в контексте реализации идеологической функции государства важным процессом является легитимация действующей власти, т. е. воздействие государства на граждан в целях принятия ими правящей элиты как государственной власти, формирование доверия населения к власти и реализуемым ею управленческим решениям [8, с. 14].

Вопрос о легитимации власти непосредственно связан с понятием легитимности, введенным в оборот немецким ученым М. Вебером. Легитимность представляет собой многоплановое понятие и в целом может означать принятие населением власти, ее историческую и политическую обусловленность, законность

и правомочность. Легитимна та власть, которую люди воспринимают как таковую для себя и, соответственно, отождествляют себя с обществом, где эта власть действует. Иначе говоря, легитимность – важный компонент единства и солидарности общества и власти, что в конечном счете формирует устойчивую политическую обстановку и сглаживает управленческие кризисы.

М. Вебер выделял три типа легитимации: традиционный (зависящий от обычаев и традиций подчинения той или иной социальной группе или общественному статусу); харизматический (обеспеченный личными чертами (реальными или вымышленными) политического или общественного лидера); рационально-легальный (деперсонифицированный и связанный с признанием не столько личности, сколько действующего правового порядка).

Все три типа легитимности являются идеальными, т. к. они, как правило, действуют параллельно в определенном соотношении.

Безусловно, последний тип превалирует в демократических государствах, где реально обеспечиваются права и свободы населения и имеется развитое гражданское общество. Сегодня почти во всех государствах (хоть и в различной степени) установлен демократический конституционный порядок. Здесь наиболее четко проявляется процесс легитимации государственной власти.

По мнению А.А. Беседина, легитимация государственной власти – «это механизмы и приемы, посредством которых властные отношения приобретают свойство легитимности, т. е. предстают в общественном сознании как естественные, онтологически необходимые и справедливые» [9, с. 8].

Легитимация происходит в любой общественной группе, где существует власть. С одной стороны, легитимацию можем рассматривать как естественный неконтролируемый процесс, которые делает власть легитимной в определенной степени. Тем не менее для государственного порядка легитимация имеет очень важное значение, поэтому ее механизм встроена в функциональный компонент государства.

Д. Истон к источникам легитимности относил структуру, личные качества лидера и идеологию и полагал, что идеологическая легитимность, в свою очередь, базируется на вере в основополагающие ценности общества и политического порядка [10, с. 112]. Коллектив авторов учебного пособия по политологии выделяет несколько механизмов легитимации власти:

«1. Социально-психологический, основывающийся на психологических свойствах групп и масс. При обеспечении легитимности акцент делается на: конформизме массы, стремлении среднего человека ориентироваться на авторитеты и мнение большинства, вере в справедливость существующего порядка и принципы распределения ценностей, чувстве компетентности и иллюзии контроля.

2. Политическое участие граждан, прежде всего в форме выборов.

3. Политическая социализация – процесс усвоения политических норм и ценностей, а также форм политического поведения, приемлемых для данного общества.

4. Демонстрация эффективности власти и в первую очередь способности ее институтов к адаптации к новым требованиям и проблемам, к мобилизации ресурсов на достижение целей, а также к обеспечению поддержки со стороны общества.

5. Образ “врагов”, стремящихся к нарушению общественной стабильности» [10, с. 113].

Полагаем, что приведенный перечень механизмов легитимации не является исчерпывающим и может быть различным в зависимости от общественно-политической обстановки. Однако очевидно, что все механизмы связаны с идеологической деятельностью и оказывают влияние на сознание населения, что подтверждает тесную связь легитимации власти с идеологической функцией государства.

Легитимация власти – это термин политической науки, поэтому для правовой оценки названного процесса применять выработанные политологией положения нужно весьма осторожно. Любые общественно-политические процессы, исходящие от государства, формализованы, поэтому их понимание с точки зрения «политической власти» не всегда соответствует ее политико-правовой картине.

С.В. Навальный и Ю.Е. Безкоровая в данном аспекте в своей статье разделяют легализацию и легитимацию власти. Они отмечают, что оба этих понятия имеют единую правовую природу. Но свойство легальности говорит о формировании властных институтов на основании законов в рамках установленной процедуры, а легитимность – об их признании. Отмечается, что «социально-правовая сущность легитимности наиболее ярко выражается в необходимости символизации вновь установленных правовых отношений, структур, процедур и конкретных носителей государственной власти» [11, с. 177–178].

В сущности, идеологическая функция государства имеет два направления своей реализации: целеполагание и легитимация власти. Во избежание терминологической путаницы (понятие «функция» определяется через слово «направление») следует условно обозначить их как «процессы» в содержании реализации идеологической функции государства.

Целеполагание в контексте реализации идеологической функции государства заключается в выработке, постановке целей общественного развития и доведении их до широкой общественности. Учитывая, что в условиях демократического государства цели должны соответствовать интересам и мнению населения, в процессе целеполагания достигается общенациональное согласование государственной политики в тех или иных направлени-

ях. Примером целеполагания на государственном уровне может служить Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Легитимация государственной власти представляет собой комплексную деятельность государственных органов, должностных лиц, государственных организаций, учреждений, направленную на установление доверительных отношений между государством и обществом, формирование в сознании граждан позитивного образа государственных институтов, реализуемой государственной политики и целей общественного развития. Легитимация – это политический процесс, который осуществляется в соответствии с конституционными принципами на основании закона и реализуется в правовых формах.

Литература

1. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
3. Кулапов В.Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2.
4. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
5. Немов Р.С. Психологический словарь. М., 2007.
6. Лаврентьев А.Р., Никифорова Е.А., Ватлецов С.Г. О разработке документов стратегического развития // Юридическая техника. 2015. № 9.
7. О гармонизации документов государственного стратегического планирования: препринт WP8/2015/01 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, др. М., 2015.
8. Бредихин А.Л. Идеологическая функция в системе функций государства // Теория государства и права. 2019. № 4.
9. Беседин А.А. Значение правовой идеологии в решении задачи легитимации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3.
10. Политология: учебное пособие / под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. СПб., 2005.
11. Навальный С.В., Безкоровайна Ю.Е. О сущности правовой легализации и социальной легитимации власти // Вестник КрасГАУ. 2010. № 6.

Bibliography

1. Philosophical Dictionary / ed. M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. Moscow, 1963.
2. Philosophical Dictionary / ed. I.T. Frolova. 7th ed., rev. and add. Moscow, 2001.
3. Kulapov V.L. The ratio of goals, objectives and functions of the state // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 2.
4. Pozharsky D.V. Protective function of the state (theoretical and methodological problems): diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2014.
5. Nemov R.S. Psychological Dictionary. Moscow, 2007.
6. Lavrentiev A.R., Nikiforova E.A., Vatiletsov S.G. On the development of strategic development documents // Legal Technique. 2015. № 9.
7. On the harmonization of state strategic planning documents: preprint WP8/2015/01 / A.V. Klimenko, V.A. Korolev, D.Yu. Dvinskikh, etc. Moscow, 2015.
8. Bredikhin A.L. Ideological function in the system of functions of the state // Theory of state and law. 2019. № 4.
9. Besedin A.A. The value of legal ideology in solving the problem of legitimation of state power // Constitutional and municipal law. 2011. № 3.
10. Political Science: textbook / ed. A.S. Turgaeva, A.E. Khrenova. St. Petersburg, 2005.
11. Navalny S.V., Bezkorovainaya Yu.E. On the essence of legal legalization and social legitimation of power // Vestnik KrasGAU. 2010. № 6.

Литвинова Юлия Игоревна
Litvinova Yulia Igorevna

доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: litvinova.iu@yandex.ru

Associate Professor, Department of Theory of State and Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Обринская Елена Константиновна
Obrinskaya Elena Konstantinovna

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат политических наук.
E-mail: obrinskaya@mail.ru

Senior Lecturer, Department of State and Civil Law Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
МЕНТАЛЬНЫМ УГРОЗАМ**

**Organizational and functional elements of the state mechanism
for countering mental threats**

Статья посвящена анализу организационно-функциональных аспектов обеспечения ментальной безопасности России. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации предполагает осуществление ряда мероприятий в духовно-культурной сфере. Важно, чтобы имелась или создавалась соответствующая инфраструктура.

The article is devoted to the analysis of organizational and functional aspects of ensuring the mental security of Russia. The National security strategy of the Russian Federation involves a number of activities in the spiritual and cultural sphere. It is important that an appropriate infrastructure is available or created.

Ключевые слова: национальная безопасность, ментальная безопасность, государственный механизм.

Keywords: national security, mental security, state mechanism.

Ментальные угрозы являются одними из наиболее опасных в силу своей латентности. Противостоять тому, чего не видишь и не ощущаешь, чрезвычайно сложно. «Незамечаемость» ментального воздействия значительно облегчает его осуществление, а между тем масштаб и деструктивность данного явления позволяют характеризовать его как «ментальный терроризм», или «ментальную интервенцию».

Актуальность ментальной безопасности отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [1], хотя и не названа так напрямую. В документе определены основные пути решения проблем в сфере ментальной безопас-

ности, обозначены точки приложения усилий для противодействия деструктивным тенденциям общественного развития, которые негативно влияют на состояние национальной безопасности.

Однако очевидно, что для эффективного решения обозначенных задач фиксации указанных аспектов в нормативных документах недостаточно. Необходим организационно-функциональный механизм для разработки и практической реализации конкретных мер и мероприятий в сфере обеспечения ментальной безопасности в соответствии с задачами, поставленными в Стратегии.

Первостепенное значение в обеспечении национальной безопасности в ментальной

сфере имеет образование. Сложившиеся установки общественного сознания довольно непросто изменить. Легче, хотя и требует значительно большего времени, формировать у подрастающего поколения конструктивные элементы национальной идентичности, воспитывать чувство патриотизма. Поэтому главным объектом ментальной безопасности является молодежь, которая в первую очередь подвергается деструктивному внешнему воздействию.

Исследователи сходятся во мнении, что «особую роль в обеспечении безопасности играет сфера образования, в рамках которой создаются глубинные механизмы самоопределения и информационно-культурного иммунитета, воспроизводится интеллектуальный потенциал общества» [2, с. 115]. Причем эта взаимозависимость обоюдна. Это обусловлено тем, что «национальная безопасность является необходимым условием формирования, развития и функционирования образования, в то время как образовательный потенциал представляет собой важнейший ресурс и инструмент национальной безопасности» [2]. Именно внешнее воздействие в сфере образования является наиболее опасным, т. к. влияет на обеспечение будущего страны, формирование ее демографического потенциала, что впоследствии отразится на науке, экономике, промышленности, управлении.

В нашей стране разработаны и реализуются многочисленные государственные программы и проекты, направленные на сохранение и развитие русского, а также национальных языков народов России, на закрепление исторической памяти, патриотическое воспитание и т. д. Примером может служить профильная смена Всероссийского молодежного образовательного форума «Таврида», участниками которой стали «студенты исторических факультетов российских и иностранных университетов, аспиранты, молодые преподаватели истории, члены исторических клубов, а также авторы научных публикаций по исторической тематике» [3]. Мероприятие организовано Федеральным агентством по делам молодежи, Общественной палатой РФ и Роспатриотцентром при кураторстве Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам. Основной целью профильной смены форума является «поиск актуальных моде-

лей преподавания истории в школах и вузах, а также популяризации исторического знания в обществе» [3]. Эта смена имеет важное значение не только как форма «общественной дипломатии» (коммуникация не «правительство–правительство», а «народ–народ»), но и как интерпретация прошлого, особенно в системе образования, закладывающая основы будущего – мощнейший внутри- и внешнеполитический инструмент.

Другим важнейшим направлением обеспечения ментальной безопасности является культурная политика. В частности, в июле 2016 г. Министерство культуры Российской Федерации начало реализацию проекта «Международный фестиваль российской культуры FEELRUSSIA» в Германии, главная цель которого – «яркими штрихами дать представление о многообразии культуры нашей страны» [4]. Подобные мероприятия в русле «мягкой силы» являются эффективным внешнеполитическим инструментом, т. к., знакомя иностранную аудиторию с культурой народов России, делают их и опосредованно российскую внешнюю политику понятнее, а значит, менее враждебными. Общественная дипломатия, снижая уровень настороженности и неприязни между нациями, способствует уменьшению радикализма в международных отношениях и внешней политике отдельных государств, уменьшает популярность силовых решений, экстремистских идеологий и террористической деятельности. Такая неагрессивная технология оказывается продуктивной еще и потому, что ее влияние неочевидно, ему сложно противостоять.

Ментальная безопасность особенно важна в противодействии таким деструктивным и общественно опасным явлениям, как экстремизм и терроризм. Учитывая, что в современном мире распространение экстремизма и терроризма является глобальной проблемой, с которой сталкиваются все государства и сообщества и которая затрагивает не только материальный мир, но и сознание людей, игнорировать этот аспект при обеспечении национальной безопасности недопустимо.

Противодействие экстремизму и терроризму наиболее эффективно осуществляется именно в ментальной сфере. Все усилия правоохранительных органов имеют преимущественно технический характер, т. к. чаще всего они

осуществляют противодействие уже сложившимся группам и сформировавшимся идеям. Обеспечение ментальной безопасности личности и общества позволит создать среду, недоступную для проникновения экстремистских идей, неуязвимую для внешних деструктивных воздействий. Именно превентивный характер механизма обеспечения ментальной безопасности способен нивелировать многие проблемы и даже предупредить их возникновение. Конечно, пока этот механизм в Российской Федерации находится в стадии формирования, однако потенциал у него огромный.

Внутри государства вполне предсказуемо «превентивные меры по профилактике экстремистских проявлений преимущественно ориентированы на молодежь и имеют своей целью недопущение участия молодежи в экстремистских организациях» путем создания «условий для конструктивного взаимодействия с социумом», стимулирования «положительных эмоций от участия в социально полезной деятельности», коррекции асоциальных установок, включения молодежи в социокультурное пространство общества, формирования «механизмов эффективной социализации личности молодого человека с активным привлечением ресурсов семьи и образовательного учреждения», создания «социально-одобряемых ценностных ориентаций, установок толерантного отношения, патриотизма», помощи личности в сложной жизненной ситуации, реализованной через индивидуальное психологическое консультирование», которое осуществляется «лицом к лицу» или дистанционно посредством специальных технических средств (например, онлайн-консультирование и «телефон доверия»), реализации эффективной государственной молодежной политики [5, с. 41]. Очевидно, что важную роль в защите молодежи от экстремистских идей и вовлечения ее в террористические группы играет обеспечение ментальной безопасности и, в частности, решение проблемы эффективной и конструктивной социализации, которую обеспечивают ключевые традиционные социальные институты – семья, образование, религия, культура, в условиях глобализации и распространения западных ценностей подвергающиеся угрозе.

Именно в ходе социализации личности прививаются базовые ценности, которыми индивид впоследствии будет руководствоваться,

выстраивая собственную модель поведения в тех или иных ситуациях, принимая решения по принципиально важным вопросам. Специалисты полагают, что «личность по собственной воле ограничивает реализацию тех действий, которые противоречат ее собственным нормативным (правовым, моральным, религиозным и т. п.) убеждениям, с целью сохранения системы ценностных ориентаций, способствующих конструктивному социальному взаимодействию» [6, с. 130], что повышает, в частности, сопротивляемость внешним воздействиям, обеспечивает неприятие экстремизма и терроризма. Именно нравственные ограничения являются наиболее значимым фактором в сфере противодействия террористической идеологии.

Следует отметить, что даже с учетом целенаправленной государственной политики механизм нравственного контроля должен иметь внутренний индивидуальный характер, а извне осуществляться обществом и социальными институтами. Он не должен строиться «на принципах цензуры, поскольку любая цензура есть контроль извне, довольно жесткий и кем-то сторонним регламентированный» [6, с. 131], что вызывает обоснованный протест, особенно у молодежи, которая естественным образом настроена оппозиционно по отношению к авторитетам, власти, традициям, обязанностям.

Однако, несмотря на демонстрируемую оппозиционность молодежи социуму и власти, ей все же жизненно необходимо ощущение принадлежности к чему-то важному, общему, чтобы реализовать свою потребность в самоутверждении. Получается, что «питательной средой для радикализма и экстремизма служат разочарование и чувство беспомощности, которые приводят к отчуждению от политических институтов и процессов», для преодоления которого очень важна «демократическая политическая культура – культура демократического, позитивного, конструктивного гражданского участия» [7, с. 59]. Прежде всего речь идет о повышении социальной ответственности и формировании активной гражданской позиции населения в принципе, а также неприятию террористических методов отстаивания своих интересов и достижения целей. В современной литературе основное внимание уделяется исследованию социальной ответственности

государства и работодателя, однако социальная ответственность индивидов играет не менее важную роль, а в некотором отношении является первостепенной и основополагающей, особенно в демократических сообществах.

По мнению специалистов, «понятие социальной ответственности выражает представление о должном поведении личности в отношении социальной общности, которой она принадлежит» [8, с. 5]. С точки зрения социальной психологии социальная ответственность предполагает «склонность придерживаться в своем поведении общепринятых в данном обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и готовность дать отчет за свои действия», а также определенную степень «добровольного отклика на социальные проблемы в соответствии с социальными ценностями, особенностями субкультуры и моральными обязанностями» [9, с. 166]. Именно социальная ответственность как внутреннее качество личности обеспечивает адекватное поведение членов социума и, соответственно, устойчивое его развитие.

Следует обратить внимание на соотношение индивидуальной и социальной ответственности. Считается, что «социальная ответственность, в отличие от индивидуальной, первоначально оформляется в качестве требований, связанных с социальными ролями и статусами, и проявляется только в социальной деятельности, вне которой она просто не существует» [8, с. 5]. Однако при этом социальная ответственность имеет двойственную природу – индивидуально-коллективную, т. е. опирается как на общественное, так и на индивидуальное сознание. Данный нюанс необходимо учитывать при выстраивании стратегии формирования социальной ответственности граждан.

Социальная ответственность и тесно с ней связанная активная гражданская позиция являются неотъемлемой составляющей демократического строя. Это тот вклад, который вносят граждане, именно с него начинается демократия, которую, как известно, невозможно эффективно построить «сверху». В сфере противодействия экстремизму и терроризму социальная ответственность и активная гражданская позиция ценны по нескольким причинам. Во-первых, с технической точки зрения правоохранительные органы получают оператив-

ную информацию, которая позволяет в большинстве случаев предотвратить теракт или пресечь распространение экстремистских идей. Во-вторых, реализуется возможность осуществлять мониторинг социально-психологического климата в государстве и прогнозировать его развитие. В-третьих, социальная ответственность является инструментом оздоровления общества. В частности, некоторые специалисты считают, что за счет социальной ответственности «отдельные общественно вредные индивидуальные намерения можно ослабить, обезвредить или попросту подавить», т. к. она выступает регулятором «человеческих поступков и указывает, на что должны быть направлены волевые усилия человека» [8, с. 6], а что является негативным поведением.

Таким образом, активная гражданская позиция оказывается структурным элементом социальной ответственности гражданина перед обществом. В свою очередь, социальная ответственность играет важнейшую роль в государственном строительстве, в устойчивом функционировании общества, обеспечении его безопасности и жизнеспособности.

Одним из актуальных направлений реализации социальной ответственности становится противодействие экстремизму и терроризму. Данная деятельность может осуществляться эффективно только при условии не реагирования на поступающие вызовы и угрозы, а их предупреждения. Максимальную же пользу принесет формирование конструктивной социальной среды, которая будет саморегулироваться и отсекает разнообразные деструктивные элементы. Ключевым фактором здесь является целенаправленное воспитание социальной ответственности как индивидуального, так и группового уровней. Каждый член общества должен обладать четкими и устойчивыми целевыми и ценностными установками, что позволит не поддаваться воздействию экстремистских идеологий, не одобрять и активно противостоять попыткам использования террористических методов воздействия. Это приведет к снижению потенциала конфликтности социальной среды, укреплению связей между обществом и государством. Безусловно, реализация таких задач требует серьезных усилий самих граждан и не может быть осуществлена только государственными струк-

турами. Однако именно государство располагает необходимыми ресурсами для того, чтобы привлечь внимание к проблеме терроризма и экстремизма в аспекте социальной ответственности, осуществлять масштабные и системные мероприятия в этом направлении [10]. Поэтому разработка целостной государственной стратегии по перезагрузке общественного сознания актуальной является проблемой, одним из направлений которой должно стать формирование негативного отношения к экстремизму и терроризму.

Следует отметить, что государственная политика в социокультурной сфере сталкивается с системными препятствиями. Это и недооценка серьезности угроз национальной безопасности в социальной и духовно-психологической сферах, и проблемы распределения финансирования, и незнание, а потому неприятие российской политики и культуры за рубежом, существование устойчивых стереотипов о России.

Однако, помимо этого, есть еще и проблема полномочий в решении актуальных вопросов именно в социокультурной сфере. Духовные и психологические вопросы традиционно относятся к категории «личные дела» индивида, и вмешательство в них рассматривается как посягательство на свободу человека.

Особенно болезненно это вмешательство воспринимается со стороны государства. Как отмечает В.Д. Рузин, «в развитых государствах объективно трудно стало насаждать свой суверенитет в культуре именно потому, что претензии власти на обладание данным суверенитетом стали входить в противоречие с аналогичными претензиями личности» [11, с. 58]. Решить эту проблему не так просто. «Существует иллюзия, в частности, что если вдруг на каком-то популярном развлекательном телевизионном канале, который смотрят миллионы, вместо какого-то шоу начать показывать хорошие литературные чтения или “Лебединое озеро”, то это станет намного популярнее, и эти миллионы будут смотреть то, что им предложат. Не будут они смотреть, к сожалению. Такая же тонкая на самом деле структура. Нужно пропагандировать – да, образовывать – да, каким-то образом пиарить – да, навязывать... Навязывая, можно достичь совершенно обратного эффекта, отталкивающего» [11, с. 61]. Поэтому

именно в социокультурной сфере с учетом указанных проблем требуется особенно взвешенная и точная стратегия.

В целом в системе государственной власти Российской Федерации деятельность в социокультурной сфере реализуется одновременно многими ведомствами в рамках своей компетенции и в контексте обеспечения ментального аспекта национальной безопасности. Однако, думается, что этой деятельности не хватает системности непосредственно как способу обеспечения национальной безопасности России, залогом ее цивилизационного выживания, формирования основ благополучного будущего и, возможно, создания базы для лидерства в мире.

Таким образом, очевидна необходимость выделения ментальной безопасности в отдельное направление стратегии национальной безопасности России, объединяющее меры культурного, образовательного, духовного, социального характера. Данная необходимость диктуется как объективными тенденциями (глобализация), так и субъективными факторами (использование другими странами инструментария «мягкой силы», по ряду причин уязвимость российского общества для такого воздействия). Поэтому государственная социокультурная политика является неотъемлемой составляющей системы обеспечения национальной безопасности, не менее, если не более, важной, чем военная и экономическая сферы.

С организационно-функциональной точки зрения реализация Стратегии, в которой обозначен перечень задач по обеспечению ментальной безопасности и пути их решения, «...осуществляется на плановой основе путем согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества под руководством Президента Российской Федерации» [1]. При этом особое внимание необходимо уделять системности и целостности деятельности государственных органов и ведомств в рамках механизма обеспечения ментальной безопасности. Даже максимально эффективная деятельность каждого подразделения в пределах своей компетенции не может обеспечить эффективность механизма в целом, если их деятельность не согласована. Следует учитывать, что просто координации мероприятий недостаточно, необходима

разработка единого плана мероприятий в рамках выполнения задач, поставленных в Стратегии.

Если обсуждать возможность или необходимость создания самостоятельного специализированного ведомства по обеспечению ментальной безопасности, то считаем это нецелесообразным как с позиции вынужденного слова существующих и эффективно функционирующих структур, так и с имиджевой точки зрения. Наиболее рациональное решение обозначенной проблемы заключается в объединении активности ряда профильных ведомств и организаций с целью реализации задач обеспечения ментальной безопасности в рамках единой стратегии, учитывая, что у них имеются функции, непосредственно с ней не связанные.

Основная проблема обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации заключается в том, что многие элементы государственного механизма в этой сфере существуют и довольно эффективно работают. Однако функции распределены между различными субъектами, и хотя они координируют свою деятельность, преимущественно это проявляется в проведении отдельных совместных мероприятий. По существу, не хватает единой программы деятельности в сфере обеспечения ментальной безопасности с привлечением всех

субъектов механизма государственного управления, в компетенцию которых входит осуществление деятельности социокультурного профиля.

Как отмечалось ранее, назрела необходимость принятия стратегии ментальной безопасности Российской Федерации, на основе которой и могла бы быть разработана программа обеспечения ментальной безопасности. В этой программе следует закрепить системный подход к решению комплексных задач, реализуемых за счет ресурсов различных субъектов государственного управления. Таким образом, возможно устранить проблему дублирования функций либо, наоборот, неохваченности какого-либо аспекта.

В заключение отметим, что государственный механизм обеспечения ментальной безопасности в Российской Федерации находится на этапе становления. Эволюция нормативно-правовой базы свидетельствует об углублении понимания сущности проблемы и стремлении максимально эффективно ее решать. При этом в организационно-функциональном аспекте существует необходимость оптимизации деятельности. Потенциал государственного механизма обеспечения ментальной безопасности России достаточно велик, имеются необходимые ресурсы и возможности для его совершенствования.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/hot-law/federal/1472577/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Коровникова Н.А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные инновации и социальные науки. 2020. № 1.
3. На «Тавриде» начала работу смена молодых преподавателей истории [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/news/30715> (дата обращения: 10.01.2022).
4. Международный фестиваль российской культуры FEELRUSSIA впервые пройдет в Баварии [Электронный ресурс]. URL: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/mezhdunarodnyy-festival-rossiyskoy-kultury-feelrus> (дата обращения: 10.01.2022).

Bibliography

1. National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. July 2, 2021 № 400 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/hot-law/federal/1472577/> (date of access: 10.01.2022).
2. Korovnikova N.A. Mental security in the era of digitalization // Social innovations and social sciences. 2020. № 1.
3. A shift of young history teachers began work at Tavrida [Electronic resource]. URL: <https://fadm.gov.ru/news/30715> (date of access: 10.01.2022).
4. The FEELRUSSIA International Festival of Russian Culture will be held in Bavaria for the first time [Electronic resource]. URL: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/mezhdunarodnyy-festival-rossiyskoy-kultury-feelrus> (date of access: 10.01.2022).

5. Бутенко О.С., Бутенко В.С. Психологические меры профилактики экстремизма и терроризма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6.

6. Жадунова Н.В., Коваль Е.А. Нравственные ограничения как условие противодействия террористической идеологии // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-3(113).

7. Осипов В.Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // Социологический альманах. 2018. № 9.

8. Белов А.В. Социальная ответственность как основание социального действия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 9(63).

9. Панарин И.А. Социальная ответственность как социально-психологический феномен // Социологический альманах. 2009. № 10.

10. Правовые, психологические и образовательные средства противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации: метод. рекомендации / под общ. ред. Т.Ф. Масловой, Е.Л. Тиньковой, С.В. Бобрышова и др. Ставрополь, 2016.

11. Рузин В.Д. Стратегические приоритеты построения национального культурного суверенитета // Стратегические приоритеты. 2014. № 4.

5. Butenko O.S., Butenko V.S. Psychological measures for the prevention of extremism and terrorism // Humanitarian and socio-economic sciences. 2014. № 6.

6. Zhadunova N.V., Koval E.A. Moral restrictions as a condition for counteracting terrorist ideology // Kazan Pedagogical Journal. 2015. № 6-3(113).

7. Osipov V.G. Radicalism, extremism and terrorism. To the methodology of problematization // Sociological almanac. 2018. № 9.

8. Belov A.V. Social responsibility as a basis for social action // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2011. № 9(63).

9. Panarin I.A. Social responsibility as a socio-psychological phenomenon // Sociological almanac. 2009. № 10.

10. Legal, psychological and educational means of countering extremism and terrorism in the context of globalization: guidelines / ed. T.F. Maslova, E.L. Tinkova, S.V. Bobryshova, etc. Stavropol, 2016.

11. Ruzin V.D. Strategic priorities for building national cultural sovereignty // Strategic priorities. 2014. № 4.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigoryevich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Specifics of the political and legal reception of Antiquity in the evolution of Russian and Romano-German statehood

В статье анализируются важнейшие специфические черты процесса рецепции античного концептуального наследия, характерного для российской и романо-германской государственности. Особое внимание обращается на опосредованность рецепции Античности в России византизмом.

Ключевые слова: рецепция Античности, византизм, германский феодализм, рыцарский индивидуализм, латинское муниципальное начало.

The article analyzes the most important specific features of the process of reception of the ancient conceptual heritage characteristic of Russian and Romano-German statehood. Particular attention is paid to the mediation of the reception of Antiquity in Russia by Byzantinism.

Keywords: reception of antiquity, Byzantinism, German feudalism, chivalric individualism, Latin municipal beginning.

Рецепция античного концептуального наследия является системообразующим фактором политико-правовой, институциональной и культурно-исторической эволюции как романо-германской, так и российской государственности. При общем взгляде это интуитивно очевидно для всех государств ареала, но при детализированной прорисовке отчетливо обозначаются отличия стран романской группы от германской и тем более славянской групп или симбиотических форм.

Следует подчеркнуть, что в политико-правовой области значение античных концепций проявляется гораздо отчетливее, чем политико-правовых практик. Концепции зафиксированы в корпусе классических античных текстов, концентрированным выражением которых являются диалоги Платона, политические трактаты Аристотеля, которые сравнительно легко ментально реконструировать и изучать.

С политико-правовыми практиками Античности все обстоит иначе: как объект непосредственного изучения вне более или менее целостных классических текстов либо фрагментированной информации, дошедших до нас,

они не существуют, наши представления о них опосредованы определенной, фиксированной письменно информацией. Все еще открытым остается вопрос о том, в какой степени описательные картины политической жизни греческих городов, например у Платона, исчерпывают или хотя бы в какой-то мере отражают реалии исчезнувшей цивилизации.

Например, политико-правовой механизм функционирования полисных демократий может быть до конца понятен только при поверхностном взгляде на объект. Лейтмотивом классической работы С.М. Соловьева «Наблюдения над исторической жизнью народов» [1] стала фиксация внимания на парадоксальной для Античности неразрывной связи демократического механизма как эффективно работающего феномена с сознательной поддерживающей демократические институты и практики активностью родовой (наследственной) аристократии. Роль аристократических кланов, тайных аристократических сообществ-гетерий в функционировании демократий еще не освещена с достаточной степенью полноты и убедительности. Понятно, что книги об

античной политике, дошедшие до нас, подчас так же далеки от политико-инструментальных реалий античных полисов, как и занимательные анекдоты Диогена Лаэртского от текстов и концепций реальных философов, сочинения которых не сохранились и известны нам единственно по тем же занимательным зарисовкам Диогена.

Без аристократического конструирующего и цементирующего влияния демократия не смогла бы удержаться в рамках меры и неизбежно переросла бы в охлократию или тиранию, как это с максимальной литературной яркостью и сильнейшей концептуальной убедительностью показывают Платон в «Государстве» и Аристотель в «Политике» [2; 3]. Догадки об этом заставили обнаружить гетерии, тайные союзы аристократов, имитирующие их аналогичные сообщества демократов по подготовке решений и влиянию на народные собрания полисов. Многие из рецепированного в романно-германских государствах античного наследия не атрибутируется со всей отчетливостью и открытостью по источнику происхождения, а негласно конвенционально интегрировано в устоявшиеся политико-правовые европейские практики.

Политико-правовые основы античного мышления неразрывно связаны с античным фундаментом. Античные идеи были, во-первых, филологически восприняты, т. е. прочитаны и переведены, во-вторых, теоретически спроецированы на романно-германские реалии, римское право, а в-третьих, античные практические образцы были функционально имитированы. Можно найти огромное количество мелких проекций, но были и несколько крупных, среди которых примером макропроекции является рецепция в XVIII веке, в период Французской революции. Люди действовали и говорили, как римляне и греки, это был колоссальный многолетний косплей античных образцов. Революционная Франция наполнилась огромным количеством людей, на своих социально-ранговых уровнях воспроизводящих античные стандарты политической и бытовой риторики (общее самоназвание «граждане»), стиля одежды (фригийские колпаки), многих общественных церемоний и ритуалов. Полисный строй Европы – это в целом удавшаяся попытка практического имитационного воспроизведения Античности, воссоздания форм

организации больших скоплений людей в городах через культурно-историческое подражание. Это так называемое «муниципальное начало», образующее одну из основ романно-германской цивилизации.

При всей очевидности проблематичности рецепирования античных идей этот процесс не прерывался до XIX столетия. Путь был извилистым и трудным, на его различных этапах возникали новые оттенки восприятия Античности, привносимые по религиозным соображениям монашескими орденами интеллектуалов католического мира – бенедиктинцами, иезуитами, доминиканцами. Формирование европейской педагогики иезуитами также осуществлялось на античном фундаменте с аксиоматической идентификацией «античного» с «мудрым», «вечным», «самым глубоким».

Известную путаницу в наше современное восприятие процесса рецепции Античности принесла эпоха романтизма, в рамках которой незыблемой Античности стали противопоставлять, особенно в германских государствах, автохтонное локальное специфическое творчество, а карго-коплей Античности утратил свою популярность. В моду вошли такие феномены, как национализм, германский рыцарский феодализм, в которых стали искать и, конечно же, нашли истоки европейской этнокультурной, экономической и политико-правовой идентичности на основе гипертрофированной индивидуальности. Античности при этом постепенно стали отказывать в способности не только решить, но и адекватно ставить проблему личности, уникальности как доминирующей культурной и политико-правовой темы. Поглощение отдельного человека сообществами, его полное растворение в коллективах, отсутствие частной автономии приписали Античности. Радикальным сторонником такого подхода был А.Ф. Лосев [4]. Европейский индивидуализм, доходящий до противопоставления государству, оказался соединен с феноменом рыцарства и феодализмом (Т.Н. Грановский, К.Н. Леонтьев) [5; 6].

Независимо от степени связи и совпадения с реальностью германского рыцарского феодализма, его феномен, нашедший отражение в многочисленных текстах писателей и ученых, творивших начиная с эпохи романтизма и заканчивая нашими днями, и «германский феодализм», и «рыцарский индивидуализм»

стали важной частью культурно-исторического генофонда Европы в качестве хотя бы конструкционно необходимой мифологии для формирования стандарта правосознания, правоприменения, правотворчества, характерных для политико-правового развития Старого Света.

Политико-правовое развитие России осуществлялось на основе симбиотического слияния двух форм демографического освоения пространства – земледельческой и кочевой. Даже с огромными натяжками, но, оставаясь в рамках академических стандартов исследований, мы не можем найти корней муниципализма, германского феодализма, рыцарского индивидуализма как концепций и политико-правовых практик не только в предгосударственном развитии, но и в условиях уже сформировавшегося Российского государства.

Вместо этого видим сельские автономные земледельческие общины, клановую организацию правящего слоя и кочевников в качестве первичных вооруженных сил. Карго-коплексы Античности стал возможен в России только в XVIII столетии. При этом античные концепции воспринимались не непосредственно, а рамках рецепции византизма, которая выростала не из потребностей полисных практик, а из европейских книг и переводов, приходящих либо на волне секуляризации из Голландии, Саксонии, Швеции или Франции, либо по церковным каналам из балканского ареала.

Данный процесс существенно усложнял понимание всего того, что воспринималось как античное наследие. Ничего аналогичного мегаполису Константинополю в России еще не существовало, привязать церковно-канонические или редуцированные античные понятия и концепции было не к чему, проецировать не на что. В России античное наследие осваивалось вместе с византизмом как результат влияния западноевропейской культурной традиции на формирующееся государство-«марку», расположенное на границе с необозримыми азиатскими территориями.

Таким образом, наиболее яркой особенностью рецепции Античности в России была одновременность восприятия Античности и византизма в качестве двух аспектов одного и того же процесса. Оба аспекта становились вторичными феноменами, имитацией второго порядка, т. е. имитацией имитации. Если

романо-германские культуры подражали Античности, нередко в гротескных формах карго-имитации, то формировавшаяся политико-правовая культура России имитационно воспроизводила не первоисточники, а их подражательные европейские модели, что стало мейнстримом политической и правовой жизни государства уже в эпоху императора Петра I.

Для того чтобы оставаться в числе европейских государств, Россия форсированно рецептировала византизм и уже в этом процессе опосредованно добиралась до его античной греко-римской концептуальной и нормативной основы. В силу естественного порядка вещей процесс рецепции византизма и Античности в России сначала проходил этап филологического и эстетического восприятия. Духовенство и светские профессора знали античную литературу эстетически и философски в гораздо большей мере, чем политически и юридически.

Даже включение в стандартный набор обязательных для изучения текстов в юридических учебных заведениях трудов Юстиниана и классических римских юристов не поколебало основной закономерности рецепции Античности в России: смысл политико-правовых технологий Античности еще долго оставался скрытым. Государствоведческие и политико-правовые идеи Античности в самом широком спектре были обзорно осмыслены, но концептуальная рецепция при этом существенно отставала от политико-правовой и политико-технологической.

Византийские основы российской цивилизации – монархизм и православие воспринимались эмоционально, эстетически, культурно-традиционно, но не концептуально и тем более не политико-технологически. Потребность в рефлексии существовала всегда, но реализовать ее в полной мере не удавалось никогда. Это, в общем, можно считать одной из причин деформированного восприятия реалий монархического регулярного государства в России не только его разнообразными противниками, но и сторонниками. Ни один черносотенец, ни один социал-демократ, кадет, эсер не могли ясно и адекватно разъяснить, в чем заключается суть монархического государства. Для такого действия и апологеты, и гонители монархизма в России не имели ни

соответствующего понятийного, ни вербального потенциала.

В огромном массиве литературы по государственному праву России, в исторических исследованиях, публицистике не нашлось до начала XX века ни одного текста, который мог бы стать основой столь необходимой рефлексии монархизма для обеспечения нормальной эволюции российской государственности без переворотов, гражданских столкновений и неадекватного реформаторства.

Как научно-концептуальную проблему с перспективой ее перерастания в политико-правовую практику проблему адекватной рецепции античного интеллектуального наследия со всей определенностью поставил Л.А. Тихомиров [7]. Его попытка была очень мощным ответом на запросы времени, но предпринял ее ученый в крайне неблагоприятное время и для монархии в России, и для России как культурно-исторического типа развития. Л.А. Тихомиров входил в руководящие структуры ведущей террористической организации второй половины XIX века «Народная воля», в этом качестве активно боролся с монархическим государством в России, не понимая достаточным образом, против чего и кого он восстает. Понимание постепенно пришло к нему посредством попытки изучения различных концептуализаций монархической государственности. Именно Л.А. Тихомиров является подлинным инициатором политико-правовой рецепции античного наследия в России, поставившим со всей необходимой остротой вопрос об изучении учения Аристотеля о верховной власти. Рецепция Античности и в Европе была деформирована гипертрофией германского феодализма и рыцарского индивидуализма писателями и историками-романтиками. Романтизм, как отчасти было отмечено выше, с его декларированием автохтонных корней в противовес Античности, деформировал и скрыл значение полисной Античности в конструктивно-технологическом смысле [7].

Роль полисного элемента европейской жизни (муниципального начала) оставалась доминирующей, привычной и банальной, но только для наблюдателя, находящегося внутри европеизма. Для внешнего наблюдателя, например, из России, важнейший генетический источник всех политико-правовых форм европеизма уходил из поля зрения вообще. Тот факт,

что монархии, как и демократии, аристократии и их извращенные формы тираний, охлократий и олигархий, вырастали в конструктивно-технологическом смысле из городских «коммунальных», «муниципальных» структур и процессов, ретушировался романтиками и, к сожалению, из-за влияния романтизма просто не замечался российскими учеными и писателями XIX века.

В этом смысле в понимании генетических корней романо-германского европеизма романтиками были не только российские славянофилы, но и российские западники. И те, и другие видели в германском феодализме такое же структурирующее романо-германский культурный тип со всем его содержимым начало, как и муниципализм. Это означало, что в российской политико-правовой мысли доминирующая роль полисов в оформлении государственной территории, в создании над- и внеполисного управления как проекции внутриволисных политико-правовых технологий вовне была абсолютно закрыта гораздо более, чем в Европе, этнографической составляющей. Так, например, деревенский имидж фольклорных французов, испанцев, русских, немцев возник как наиболее адекватно выражающий национальный культурный тип.

В конечно счете рецепция Античности в политико-правовой жизни России пробивала себе дорогу, хотя и опосредованно, чрез византизм. Со временем определенные аспекты процесса становятся яснее, но в целом макрофеномены цивилизационного уровня – «античный мир», «романо-германский мир», «российский мир» продолжают существовать в рамках полемического восприятия. И в наши дни слишком силен отпечаток злободневности на восприятии и истолковании Античности как макрофеномена. В какой-то мере это объясняется тем, что, хотя Античность реконструируется на основе большого количества текстов и макроартефактов, в этих свидетельствах отсутствует достаточная целостность, а фактографическая база допускает значительно расходящиеся толкования. Практически любые античные тексты позволяют эмпирически убедиться в том, что основу античной жизни составляли полисы. Античные люди жили в полисах, городах, муниципиях. Античная деревня нам практически неизвестна, кроме скудных свидетельств о мегарской грубости или беотийской глупости.

Деревенская жизнь Античности осталась немым феноменом. Все зафиксированное текстуально в греко-римской жизни происходило в городах-полисах. Все важное и интересное совпадало по значению со словами «политика», «город», «полис». Город был единственной непререкаемо приемлемой формой жизни, стандартом и нормой существования человека. Иногда к деревенским формам жизни относят античные виллы, но это поместья горожан в сельской местности, городской десант в мир сельской флоры и фауны. Для историков Античности все еще открыт вопрос: чья роль в сельском хозяйстве была более выраженной – крестьян или организованных городским хозяином рабов?

Полис прочно отождествлялся с порядком, балансом, симметрией, космосом. Деревня же считалась проявлением хаотического или как минимум хаотизированного мира. Показательно, что такие «хаотические» явления, как самосуды, кровная месть, религиозные культы магического или оргиастического характера, связывались в античном сознании исключительно с деревенским типом жизни (Деметра и земледелие, Дионис и виноградарство).

После завоевания территории римской цивилизации германскими племенами, расселяв-

шимися деревнями, процент сельского населения резко возрос, многие полисы античного мира опустели или исчезли как активные феномены – факт, удовлетворительно до сих пор никем необъясненный. Исчезновение римских городов не превратило деревню в генератора исторических явлений. Историческая жизнь германцев началась после интеграции с уцелевшими остатками античных городов и возникшей карго-имитацией полисной жизни уже в германском мире. Западноевропейские централизованные государства стали прямым следствием эволюции городов, проекции полисных административных, военных, юридических, экономических открытий на внегородскую среду. Рецепция римского права не могла осуществиться ранее появления в романо-германском мире максимально полной аналогии античного муниципального начала.

Наиболее отчетливой и специфической чертой рецепции античного наследия в Российском государстве стал опосредованный ее характер византизмом, воспроизведение которого неизбежно подводило к заимствованию не только проявлений, но и политико-правовых и культурно-исторических оснований византизма, которыми являлись, наряду с православием, принципы античной цивилизации.

Литература

1. Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2003.
2. Аристотель. Политика М., 2018.
3. Платон. Государство. М., 2021.
4. Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла. История античной эстетики в кратком изложении М., 2021.
5. Грановский Т.Н. Лекции по истории Позднего средневековья М., 2019.
6. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство М., 2020.
7. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Bibliography

1. Solovyov S.M. Observations on the historical life of peoples. Moscow, 2003.
2. Aristotle. Politika. Moscow, 2018.
3. Platon. State. Moscow, 2021.
4. Losev A.F. From Homer to Proclus. The history of ancient aesthetics in a brief summary. Moscow, 2021.
5. Granovsky T.N. Lectures on the history of the Late Middle Ages. Moscow, 2019.
6. Leontiev K.N. Byzantinism and Slavism. Moscow, 2020.
7. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. St. Petersburg, 1992.

Тепляшин Иван Владимирович
Terlyashin Ivan Vladimirovich

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: tgp_law@mail.ru

Head of the Department of Theory and History of State and Law, the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University, PhD in Law, Associate Professor.

Нор Кристина Евгеньевна
Nor Kristina Evgenievna

ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
Тел.: +7 (391) 211-19-46

Assistant Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

On the question of the relationship between the legal and social state

В статье проводится сравнительный анализ таких государственно-правовых институтов, как правовое государство и социальное государство, на основании соответствующих критериев, позволяющих осуществить их репрезентативное соотношение, указать их общие и различные черты, обозначить их особенности в научном и практическом измерении. Авторы обращают внимание на значимость исследования указанных государственно-правовых институтов в контексте совершенствования российской государственности, укрепления гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, функции государства, Конституция РФ, права человека, гражданское общество, демократия, социальная ответственность, правовая жизнь, критерии соотношения, методология.

The article provides a comparative analysis of public legal institutions, such as the legal State and the social State, on the basis of the relevant criteria that allow for their representative relationship, to indicate their common and different features, to indicate their peculiarities in the scientific and practical dimension. The authors draw attention to the significance of the study of these state legal institutions in the context of improving Russian statehood, strengthening guarantees of human and civil rights and freedoms.

Keywords: legal state, social state, functions of the state, Constitution of the Russian Federation, human rights, civil society, democracy, social responsibility, legal life, criteria of correlation, methodology.

В условиях системного организационно-правового, информационно-идеологического, технологического развития российской государственности большое значение приобретают вопросы исследования качества самого государства. Если говорить о социальном и правовом государстве как о важных характеристиках государственного развития, то необходимо обратить внимание на их общие и различные признаки. Стоит согласиться с тем, что в основу исследования исторических и современных правовых явлений положен процесс выявления их сходства и различия [1, с. 7–8],

что обеспечивает установление наиболее типичных и актуальных аспектов формирования и развития рассматриваемых институтов. В специальной литературе указывается, что идея правового государства в известном формате присутствует в идеологиях многих государств (в законодательстве, политической практике) и является своеобразной исторической составляющей преобразования политической модели конкретной страны [2, с. 105]. В свою очередь, социальное государство выступает отражением развитости одной из его функций – социальной, выступает парадигмой

современного государственного состояния, наиболее оптимальным механизмом гарантирования и защиты социальных и экономических прав граждан.

Опираясь на обобщенное содержание научных знаний, историческую практику реализации исследуемых государственно-правовых институтов как методологические приемы процесса установления единства, сходства, особенностей их развития, а также на конкретные критерии соотношения, следует выделить общие черты правового и социального государства.

Представленные виды государства являются результатом философско-правового исследования, отражают состояние юридической, социологической, политической, исторической, экономической науки, позволяют кооперировано рассматривать сопутствующие правовые явления: правовую культуру, демократию, права человека, правовую идеологию, правовую жизнь и т. д. Кроме того, на формирование концепции этих государств повлияли в известной мере сходные процессы технологического, социально-экономического, политического, общественного развития, традиции, культура народов, состояние идеологических, мировоззренческих отношений в конкретный период времени.

Качества исследуемых институтов государства являются динамично изменяющимися и перспективными в своем практическом укреплении по сравнению, например, с общенародным государством и государством всеобщего благоденствия, которые нашли свое отражение лишь в идеальной жизни, являясь стремлением, идеей, формируемой юридической наукой и номинально оформленной законодателем. Правовое и социальное государство как обоюдные стороны современного государства, вероятно, достигли своего концептуального научного развития, что позволяет совершенствовать механизм их практического воплощения в современную правовую жизнь. Более того, они являются результатом, степенью диалектического развития государственной организации и способны выступить фундаментом новой парадигмы государственной модернизации.

С точки зрения социально-правовой аксиологии права правовое государство и социальное государство выступают соответствующей

ценностью, значимым условием, фактором, моделью прогрессивного развития российского общества и государства. Они укрепляют основу государственности, реализуют охранительные функции и являются общими гарантиями качественной реализации прав и свобод человека и гражданина.

В зависимости от характера закрепления исследуемые правовые институты фиксируются прямо или опосредованно в Конституции РФ, а также в федеральном и региональном законодательстве. Данные институты представляются как принципы конституционного строя (ст. 1 и 7 Конституции РФ [3]) и отражают цивилизационную составляющую современного Российского государства.

Стоит указать, что понятия «правовое государство» и «социальное государство», с одной стороны, будучи не только инструментом легитимации существующего юридического состояния государственного механизма, но и идеологическими, научными категориями, направлены на формирование соответствующих практик. С другой стороны, исследуемые категории в той или иной мере зависят от объективных причин (например, возникновения новых социально-правовых явлений, эффективности правового регулирования, политических и геополитических преобразований, научно-технического прогресса) и субъективных (в частности, от уровня правовых знаний, политических убеждений, материальных предпочтений граждан, их правовой культуры и правосознания, идей и стремлений).

В свою очередь, правовое государство и социальное государство, несомненно, обладают собственными уникальными качествами, обусловленными различными факторами развития государственной и общественной жизни. Рассмотрим следующие отличительные черты исследуемых институтов:

1) существенные различия между правовым и социальным государством заключаются в том, что правовое государство есть «форма ограничения власти правами и свободами человека». Это, с одной стороны, система качественных и правильно упорядоченных правовых норм, основанных на определенных базовых ценностях, позволяющих сдерживать произвол исполнительной власти, с другой – это модель государственного развития, предусматривающая конституционный контроль за правомерностью,

справедливостью законов [4, с. 133]. Социальное государство, наоборот, понимается как форма обременения государственной власти правами и свободами человека, обеспечивающая нормальные условия жизнедеятельности личности и общества. Именно при развитии и укреплении позиций правового государства расширяются возможности и инициатива граждан, прежде всего в политической сфере. В условиях реального социального государства человек, его социально-экономические права, подлежат системной и справедливой защите со стороны государственного механизма;

2) различие может касаться исторического периода формирования данных научных концепций. Правовое государство как идея складывалось в Западной Европе в XVII–XVIII веках, в период, когда происходили ранние буржуазно-демократические революции. Понятие правового государства возникло около 200 лет назад. Впервые оно появилось в 1798 году в работе малоизвестного немецкого юриста Иоганна Вильгельма Плацидуса *Litteratur der Staatlehre. Ein Versuch*. Идеи правового государства в дальнейшем развивались в трудах Р. фон Моля и И. Канта [4, с. 130].

В свою очередь, социальное государство как идеологическое явление формируется гораздо позже – со второй половины XIX века и прямо обусловлено прогрессивным развитием экономических и производственных отношений, укреплением позиций мирового капитализма, его материально-производственной и организационно-финансовой перестройкой [5, с. 108], а также связано с изменением материальных параметров функционирования общества, оказавших непосредственное влияние на модернизацию социальной структуры фактически любого социума. Авторство идеи социального государства, например, приписывают философу и правоведу Л. фон Штейну (1815–1890), экономистам У.Г. Бевериджу (1879–1963) и Д.М. Кейнсу (1883–1946);

3) можно указать факторы, обуславливающие практическую реализацию предложенных в науке идей. Реальность формирования правового государства опиралась на системный переход юридических доктрин в практическую плоскость и связывалась с фактической реализацией механизма разделения властей, принятием первых конституций и деклараций демократического характера, после-

довательным закреплением прав человека. Кроме того, правовое государство как философское явление представляет собой в некоторой мере отражение процессов, связанных с модернизацией политической составляющей государства, монополией соответствующих правовых взглядов, конкретным соотношением монизма и плюрализма в общественном правовом сознании, формированием устойчивой правовой системы и реальной роли правовых регуляторов в жизни общества. Переход к правовому государству, осуществленный впервые в западных странах в XVIII веке, детерминирован влиянием либерального революционного движения и сопровождается конституционным закреплением государственной власти, которая раньше была ограничена бюрократическими (абсолютно монархическим) средствами. Возникновение в XIX веке демократического правового государства было вызвано движением против буржуазно-либеральной политики ограничения избирательного права и лессеферизма, игнорирования условий наемного труда [6, с. 34]. В свою очередь, наибольшее воздействие на концепцию и практику социального государства, помимо прочих производственных и экономических процессов, оказало социалистическое и рабочее движение XIX–XX веков, причем обе его ветви, как революционная (в XX веке – коммунистическая), так и реформистская. И уже с конца XIX – начала XX столетия в деятельности социал-демократических правительств стран Запада идеи социального государства получили реальное воплощение. Любое государство становилось в той или иной степени социальным, какова бы ни была политическая платформа правящих сил или партий у этих стран [7, с. 7–9];

4) в зависимости от нормативного закрепления в национальном конституционном законодательстве. Правовое государство впервые было закреплено в Конституции СССР 1977 года. Однако, по мнению А.А. Кондрашева, именно Основной закон России 1993 года впервые в истории определяет Россию как правовое государство. Идея правового государств является одной из важнейших основ конституционного строя, ведущей конституционной ценностью нового государства [8, с. 75]. По мере накопления опыта осуществления социальной и социально ориентированной экономической

политики социальные права человека были институционализированы конституциями правовых государств мира [6, с. 32]. В то же время социальными были все советские конституции, начиная с Конституции РСФСР 1918 года. Конституции, принятые после 1936 года, провозглашали широкий объем социально-экономических прав граждан, хотя и исходили из постулатов классовой борьбы, ликвидации частной собственности, диктатуры пролетариата [9, с. 25–26];

5) по степени взаимосвязи с общественными институтами. Так, правовое государство во многом зависит от воли законодателя, роли публичной власти, отношения самого государства к базовым правовым ценностям, к оптимальному механизму гарантирования прав и свобод человека и гражданина. Правовое государство, его качество напрямую, непосредственно обусловлены состоянием гражданского общества. Они взаимосвязаны перманентно: без гражданского общества не может быть правового государства [10, с. 8–9]. Правовое государство определяет место обобщенной инициативы граждан, их правомерных стремлений, правовой свободы, юридических доктрин в обществе, естественно-правовых категорий в правовой жизни общества и государства. Так, Л.С. Мамут справедливо отмечает, что социальное государство – это продукт социального обмена, который является взаимным и эквивалентным между людьми, социальная деятельность современного государства осуществляется при непосредственном участии всего населения [11, с. 6–7], что указывает на более близкое состояние исследуемого вида государства к социальным институтам, состоянию трудовых, производственных, волонтерских отношений, имеющих место в современной российской обществе и обеспечивающих свободное развитие человека;

6) исходя из целей (миссии) реализации правового и социального государства также имеются различия. Правовое государство как правовой институт создано в целях установления такой правовой модели действия права, в которой закрепляются права человека, их гарантии и признание в правовой действительности. В таком государстве диалектика функционирования правовых институтов продиктована стабильным совершенствованием рос-

сийской государственности в контексте укрепления гарантий прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, социальное государство способствует предотвращению социальных конфликтов и расколов, социальной несправедливости, претворению в жизнь моральных установок-принципов: альтруизма, милосердия, благотворительности [11, с. 8]. Кроме того, в сущности социального государства присутствует необходимость регулирования производственных отношений с непосредственным учетом социально-экономических прав граждан, с предоставлением человеку материальных льгот и гарантий;

7) следует указать на различие оценочных показателей, с помощью которых можно определить уровень и качество развития правового государства и социального государства. В первом случае наиболее верными критериями могут выступать: реальность гражданского общества, эффективная защита прав и свобод граждан, взаимодействие общественных объединений и государства, широкое использование форм демократии, реализация институтов общественного контроля, активность общественного присутствия в управленческих процессах [12, с. 40–49]. Также можно говорить об изменении дистанции и прочности связей правового государства с такими научными категориями, как «этатизм», «политический плюрализм», «авторитаризм», «правовой центризм», «бюрократизм». Во втором случае в специальной литературе называются следующие индикаторы: социальная функция частной собственности, социальное партнерство, социально-экономическое равноправие, социальная справедливость, развитость социальной инфраструктуры, социально ориентированная экономика, социально-регуляционное и инновационное государство, социальная ответственность [9, с. 29–37]. Здесь также можно установить место, координаты социального государства в системе таких институтов, как социальный консерватизм, социальный консенсус, общественное благосостояние или соответствующий социально-экономический показатель (индекс, параметры) развития общества.

В рамках полученного результата можно говорить о том, что данные качества государства находят свое отражение в первую очередь в юриспруденции и философии. Представленные

государственные характеристики показывают диалектическую природу своего существования, позволяют понять смысл и прогрессивность конкретных правовых идей и форм правовой деятельности на соответствующем отрезке развития общества, характеризуются относительно равным объемом методологического ресурса, необходимого для их системного исследования, хотя и демонстрируют собственную онтологическую индивидуальность и логическую автономность в научном измерении.

В завершение следует констатировать необходимость качественного исследования правового и социального государства не в только в отдельности, но и в их единстве, что позволяет более продуктивно увидеть их диалектическую природу, способность кооперативно гарантировать права человека и гражданина, устанавливать эффективную коммуникацию между государством и обществом, обеспечи-

вать реальную политическую солидарность и социальное партнерство. С освоением социальной функции правовое государство превратилось в высшей степени сложное политическое объединение, целью которого является обеспечение условий реализации и гарантий экономических, политических и социальных прав человека, повышение уровня жизни гражданского общества. Его организационные принципы включают верховенство права и конституции, полномочие народа, разделение властей, независимость суда [6, с. 32–33]. Понимание вопросов соотношения правового и социального государства позволяет увидеть особенности технико-юридического, методологического, идеологического понимания особенностей и перспектив совершенствования российской государственности, установления эффективной системы обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Лазарев В.В. Государство в свете мемологии / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2020. № 3.
2. Мамут Л.С. Правовое государство: идеология и современные конституционные тексты / Л.С. Мамут // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2(81).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Антонов М.В. Об определении понятия «правовое государство» / М.В. Антонов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3.
5. Мысливченко А.Г. Социальное государство: генезис, становление и перспективы / А.Г. Мысливченко // Государство и право. 2019. № 3.
6. Любашитц В.Я. Социальное правовое государство и права человека на достойную жизнь: проблемы теории / В.Я. Любашитц // Юрист-Правоведь. 2004. № 4(11).
7. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники / О.В. Мартышин // Государство и право. 2011. № 12.

Bibliography

1. Lazarev V.V. The state in the light of memology / V.V. Lazarev // Journal of Russian Law. 2020. № 3.
2. Mamut L.S. The Rule of law: ideologeme and modern constitutional texts / L.S. Mamut // Comparative Constitutional Review. 2011. № 2(81).
3. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation d.d. Dec. 30, № 6-FCL, d.d. Dec. 30, 2008 № 7-FCL, d.d. May 2, 2014 № 2-FCL, d.d. July 21, 2014 № 11-FCL, d.d. March 14, 2020 № 1-FCL). Access from legal system «ConsultantPlus».
4. Antonov M.V. On the definition of the concept of «legal state» / M.V. Antonov // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2010. № 3.
5. Myslivchenko A.G. The Social state: genesis, formation and prospects / A.G. Myslivchenko // State and law. 2019. № 3.
6. Lyubashits V.Ya. Social legal state and human rights to a decent life: problems of theory / V.Ya. Lyubashits // Jurist-Pravoved. 2004. № 4(11).
7. Martyshin O.V. The idea of a social state and its opponents / O.V. Martyshin // State and Law. 2011. № 12.
8. Kondrashev A.A. The idea of the rule of law in Russia: constitutional mythology and

8. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России: конституционная мифология и правовая реальность / А.А. Кондрашев // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 3(124).

9. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы / В.Е. Чиркин // *Журнал российского права*. 2008. № 12.

10. Керимов Д.А. Гражданское общество и правовое государство / Д.А. Керимов // *Право и образование*. 2004. № 1.

11. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права / Л.С. Мамут // *Государство и право*. 2001. № 7.

12. Тепляшин И.В. Правовая активность российских граждан: перспективы исследования категории / И.В. Тепляшин // *Российский юридический журнал*. 2010. № 5(74).

legal reality / A.A. Kondrashev // *Lex russica* (Russian Law). 2017. № 3(124).

9. Chirkin V.E. Constitution and social state: legal and factual indicators / V.E. Chirkin // *Journal of Russian Law*. 2008. № 12.

10. Kerimov D.A. Civil society and the rule of law state / D.A. Kerimov // *Law and education*. 2004. № 1.

11. Mamut L.S. The social state from the point of view of law / L.S. Mamut // *State and law*. 2001. № 7.

12. Teplyashin I.V. Legal activity of Russian citizens: prospects of category research / I.V. Teplyashin // *Russian Law Journal*. 2010. № 5(74).

Фальшина Нелли Александровна
Falshina Nelli Alexandrovna

заместитель декана юридического факультета Южного федерального университета по социальной и воспитательной работе, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: nelli.falshina@yandex.ru

Deputy Dean of the Faculty of Law of the Southern Federal University for Social and Educational Work, PhD in Law, Associate Professor.

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

The main priorities of the legal policy of the Russian Federation in the field of digitalization

Исследуются основные тенденции развития и трансформации современных общественных отношений в условиях интенсивного внедрения и использования цифровых технологий. Выясняется влияние развития цифровых технологий в области национального налогообложения на правовой статус налогоплательщика.

Ключевые слова: налогообложение, права и свободы, общественные отношения, налоговые правоотношения, принципы налогового права, реформирование, цифровые и информационные ресурсы, эффективная налоговая система, национальное налоговое законодательство.

The main trends of development and transformation of modern public relations in the conditions of intensive introduction and use of digital technologies are investigated. The influence of the development of digital technologies in the field of national taxation on the legal status of the taxpayer is being investigated.

Keywords: taxation, rights and freedoms, public relations, tax legal relations, principles of tax law, reform, digital and information resources, effective tax system, national tax legislation.

На современном этапе развития государства информационные технологии играют немаловажную роль в социальных отношениях, являясь ключевым фактором трансформации различных сфер жизнедеятельности общества. Сегодня стало совершенно очевидно, что бизнесу, сфере государственного управления, национальной науке, образованию, экономике и политике не обойтись без стремительно развивающихся цифровых сервисов, инструментов и информационных возможностей, которые в совокупности получили название «цифровизация». Влияние информационных технологий на все сферы общественных отношений невозможно переоценить, поскольку использование современных цифровых ресурсов является залогом социально-экономического развития общества, что обуславливает соответствующие задачи и функции государства. Для того чтобы четко определить цели и направления деятельности органов государственной власти, а также конкретные задачи и систему взаимоотношений с обществом в об-

ласти цифровых правоотношений, необходим некий базовый доктринальный документ, который позволит создать систему правовых актов, способных регулировать развитие цифровых правоотношений. Таким документом стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (далее – Стратегия) [1, с. 22], в которой обозначены содержание и основные направления правовой и государственной политики в сфере цифрового планирования. Стратегия предопределена некоторым числом значительных и необходимых для современного периода документов, где удалось наметить основополагающие цели и задачи государства в соответствующей сфере [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Таким образом, повышение благосостояния и уровня жизни граждан, их информированности, цифровой грамотности, улучшение качества профессиональной деятельности и государственных услуг, увеличение экономического потенциала страны путем активного использования цифровых технологий являются приоритетными направлениями

развития информационного общества в Российской Федерации [8, с. 28]. Политика планирования развития цифровой среды очерчена временными рамками и определена на период до 2030 года. Задачи, цели и разработанные инструментари, посредством которых будет реализована государственная политика в сфере создания, применения и использования цифровых ресурсов и технологий, сформируют основу для полноценного развития современного информационного общества.

Опираясь на основную концепцию Стратегии, важно отметить, что приоритетом государственной политики сегодня являются в первую очередь комплектование актуальной информационной, национальной цифровой платформы и создания условий для ее доступности, а также предоставление цифровых услуг с применением искусственного интеллекта. Одним из приоритетов российской государственной политики по развитию цифровой среды также названо обеспечение эффективности государственного управления, совершенствование системы местного самоуправления, а также системы взаимодействия гражданского общества и государства, разработка механизмов противодействия использованию цифровых технологий, в том числе правовых, в целях создания угрозы национальным интересам России [6, с. 12].

Надо сказать, что Российское государство актуализирует вопросы, которые касаются формирования полноценной современной цифровой среды, в соотношении с возникающими потребностями общества. Так, одним из приоритетов Стратегии инновационного развития нашего государства в период до 2020 года являлось широкое внедрение в деятельность органов государственного управления цифровых технологий, обеспечивающих формирование такого цифрового инструментария, как электронное правительство и трансфер в цифровую среду большинства государственных услуг, которые оно оказывает в силу присущих ему функций и задач [7, с. 18].

В соответствии с документом, который сформировал траекторию государственной политики в области развития информационных технологий в нашем государстве на период до 2025 года, планировалась трансформация национальной экономики в полноценную цифровую отрасль и, как следствие, обеспечение различных сфер экономики качественными информационными ресурсами. Указанные цели были обоснованы соответствующими потребностями развивающегося общества и

государства, что обусловило принятие программного документа, утвердившего актуальные направления деятельности, вектор которых ориентирован на формирование современной цифровой инфраструктуры, оперативное предоставление качественных государственных услуг, обеспечение их доступности, совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве, повышение качества социальных благ на основе использования информационных технологий и эффективности государственного и муниципального управления, подготовку квалифицированных кадров в сфере информационных технологий, обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики. Таким образом, принятая программа была призвана обеспечить создание некоего фундамента не просто для инициации процесса усовершенствования национальной экономики, а в целях повышения качества жизни граждан, реализации их потребностей, соблюдения их прав и свобод, их интересов [9, с. 3].

Цели и задачи, обозначенные в указанном документе, согласуются с миссией Стратегии [1, с. 22] и позволяют полноценно развиваться цифровым технологиям в современных реалиях, учитывая особенности национальной культуры, правовой системы и национальной политики. Подход подобного рода позволяет обеспечить развитие информационной среды в условиях наметившихся потребностей, в частности, таких как доступ к качественной универсальной связи, обеспечение информационной безопасности при передаче, обработке и хранении персональных данных, полноценной реализации полномочий государственных органов власти, в том числе по предоставлению гражданам и организациям социально значимых услуг, а также повышение качества государственного управления и взаимодействия государственных органов власти с бизнес-сообществом [1, с. 22].

Свою лепту в формирование национальной цифровой среды в России внесла программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [9, с. 29], которая была призвана обеспечить своевременное и полноценное выполнение Указа Президента РФ 7 мая 2018 года № 204 «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10, с. 15]. Указ Президента, в свою очередь, определил цели и задачи национальной программы, что позволяет считать его программным документом. В нем в числе

первоочередных заявлены такие задачи, как увеличение финансовых затрат на усовершенствование национальной системы цифровой экономики, производство безопасной цифровой платформы, способной передавать и обрабатывать объемные по своим размерам данные, при этом доступной для всех субъектов цифровых отношений.

Возвращаясь к национальной программе формирования информационного общества в России, нельзя не отметить обозначенные в ней стратегические цели, которые выразились в задаче подготовить и провести мероприятия, направленные на подготовку кадрового состава, обладающего соответствующим объемом знаний, позволяющим профессионально осуществлять взаимодействие с обществом в цифровой среде [11, с. 34]. Прогресс в достижении целей и решении задач, указанных в настоящей национальной программе, очевиден. Из шести федеральных проектов, которые были структурированы и встроены в государственную программу «Информационное общество», мероприятия, предусмотренные пятью проектами, такими как «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление», и сегодня продолжают успешно реализовываться [9, с. 13].

Основной целью федерального проекта «Информационная инфраструктура» является создание глобальной инфраструктуры, способной оперативно передавать, обрабатывать и хранить соответствующие данные. При этом стоит отметить, что указанный процесс реализуется преимущественно на основе отечественных разработок цифровых ресурсов, что обеспечит широкий и упрощенный доступ к сети Интернет. Реализация федерального проекта «Информационная инфраструктура» позволяет обеспечить жителей малых и средних городов, труднодоступных населенных пунктов современными услугами связи и доступом к Всемирной паутине [9, с. 17].

Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» направлен на формирование высококвалифицированного кадрового состава, который сможет полноценно реализовать все цифровые возможности системы [9, с. 12].

Целью федерального проекта «Информационная безопасность» является формирование условий, обеспечивающих информационную безопасность на основе отечественных разработок, состояния защищенности интересов личности, бизнеса и государства от различных угроз, как внутренних, так и внешних,

обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В глобальной перспективе проект призван обеспечить высокое качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие государства и общества в условиях современной цифровой реальности, растущих потребностей правовой защиты личности, бизнеса и государства при их эффективном цифровом взаимодействии [9, с. 17].

Федеральный проект «Цифровые технологии» несет в себе следующие возможности: увеличение финансовых затрат на развитие и усовершенствование цифровой экономики по сравнению с предыдущим периодом; формирование уникальной цифровой среды для развития исследований цифровых правоотношений с привлечением современных правовых инструментариев; обеспечение конкурентоспособности системы создаваемых цифровых ресурсов; построение эффективного взаимодействия между государством и российским научным правовым сообществом, в частности с теми сферами науки, которые обладают соответствующими прогрессивными научными разработками. Таким образом, данный федеральный проект направлен как на обеспечение технологической независимости государства, так и на охрану суверенитета России [9, с. 14].

Важно отметить, что указанные задачи стали системообразующими для формирования новой отрасли – цифрового права, поскольку на современном этапе развития общества и государства интенсивная цифровая трансформация общественных отношений объективно требует правового упорядочивания.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» несет в себе понимание того, каким образом и за счет каких решений должно происходить ускоренное внедрение цифровых технологий, причем не только в экономике, но и в социальной, политической сферах. Это связано с тем, что затронута и активно внедряется в цифровое поле сфера государственного управления, экономическая деятельность субъектов малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей, политическая система, система науки и образования, социальная сфера. Данный проект позволит осуществить максимально безболезненный переход на цифровое взаимодействие общества с государством. Были реализованы так называемая реестровая модель и механизм динамичности в рамках предоставления государственных услуг с использованием цифровых ресурсов, сформирован

цифровой инструментарий обратной связи с бизнесом и гражданами, документооборот стал преимущественно электронным. Государственные органы власти получили возможность максимально автоматизировать свою профессиональную деятельность и должностные обязанности. Проект позволил запустить процесс цифровой трансформации деятельности органов государственной власти [9, с. 18].

Реализация мероприятий национальной программы, которые были проанализированы в настоящей статье, позволили начать процесс формирования цифровой инфраструктуры в качестве основополагающего принципа профессиональной деятельности государственных органов власти. Таким образом, очевидно, что правовое планирование развития цифровой среды в нашей стране давно началось и в первую очередь затронуло те общественные отношения, которые складываются в сфере государственного управления, в социальных отношениях, в науке и образовании, в экономике и политике.

Так, начало нынешнего столетия в России ознаменовалось совершенствованием государственной политики, вектор которой был перенаправлен в сторону цифрового контента. В соответствии с намеченными целями, такими как фискальная, социальная, экономическая, была разработана совокупность соответствующих государственных мероприятий, что, в свою очередь, было оформлено, хотя и фрагментарно, законами и подзаконными правовыми актами, регулирующими создание, внедрение и использование цифровых ресурсов.

Анализ правовой политики цифрового планирования в Российской Федерации свидетельствует о том, что развивающийся процесс формирования цифрового общества сегодня как никогда нуждается еще и в научном переосмыслении. Многие исследователи признают тот факт, что национальная система права стремительно меняется под воздействием цифровых технологий и вследствие их внедрения во все сферы общественных отношений, и активно изучают данную тему. Так, О.Л. Солдаткина считает, что цифровое право – это новая форма существования правовой системы, которая возникает и развивается в процессе глубокого проникновения информационно-коммуникационных технологий в общественную жизнь [12, с. 3]. Н.А. Дмитрик утверждает, что вопросы персональных данных как основного материала цифровой экономики неизбежно порождают дискуссии, из которых исключаются физические лица, т. е. граждане, в силу отсут-

ствия у последних правовых возможностей отстаивания собственных интересов [13, с. 12]. Е.В. Войниканис приходит к похожим выводам, говоря о балансе интересов как о ключевом принципе регулирования цифровой среды и неотъемлемой части новой правовой парадигмы [14, с. 22]. С.М. Халикова также рассматривает некоторые аспекты, связанные с проблемой использования цифровых ресурсов, и, в частности, отмечает, что представители старших поколений в таком случае потеряют всякую возможность на реализацию своих прав, что обусловлено сложностью работы в некоторых информационных системах [15, с. 4]. По мнению А.А. Дорской, цифровое государство и правовая трансформация в данных условиях являются ответом на конструирование нового пространства, когда наметились существенные сдвиги в ощущении темпоральных характеристик и расширении пространства как для каждого человека, так и для общества в целом [16, с. 34]. Цифровое пространство, как утверждает А.А. Карцхия, становится не только информационным полем, которое предназначено для обмена и получения данных, информации, заключенной в сети Интернет, но и превращается в инструмент регулирования экономики, права, политики [17, с. 28]. Профессор А.И. Овчинников указывает на то, что отечественная правовая система постепенно следует в направлении формирования цифровой парадигмы права. По его мнению, важным значением обладает ведомственное распространение опыта цифровизации права, что предполагает появление новых правовых терминов [18, с. 76].

Таким образом, подводя итог, важно отметить, что многие современные ученые, исследуя цифровое право и его роль в жизни общества, в системе власти и государственного управления, а также личности, считают его если не полностью сформировавшейся отраслью российской системы права, то во всяком случае находящейся в процессе активного развития. При этом анализ полемики вокруг данного вопроса сводится к тому, что в целом отмечается особая роль норм цифрового права в современных общественных отношениях и публичном интересе, указываются и определяются нуждающиеся в правовой регуляции выработанные механизмы цифровизации. Научное обоснование правовых проблем цифрового общества и государства позволит продвинуться в вопросе их дальнейшего разрешения, что делает актуальной проблему исключительной востребованности юридической науки на современном этапе развития нашего государства.

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения: 05.09.2020).

2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: постановление Правительства РФ 29.09.2018 № 8028п-П13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения: 05.09.2020).

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 05.09.2020).

4. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 05.09.2020).

5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 05.09.2020).

6. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период с 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 05.09.2020).

7. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/2072fa2f443aafbbc55dcc57c3a1f78dfd2762fb/#dst100171 (дата обращения: 05.09.2020).

8. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 386-20. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349983/b0994c252e8533735

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: decree of the President of the Russian Federation d.d. 09.05.2017 № 203. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (date of access: 05.09.2020).

2. Main activities of the Government of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 29.09.2018 № 8028p-P13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (date of access: 05.09.2020).

3. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the President of the Russian Federation d.d. 07.05.2018 № 204 (ed. d.d. 21.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (date of access: 05.09.2020).

4. On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation d.d. 01.12.2016 № 642. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (date of access: 05.09.2020).

5. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. 05.12.2016 № 646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (date of access: 05.09.2020).

6. On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period of 2020: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 17.11.2008 № 1662-r (ed. d.d. 28.09.2018) (together with the «Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (date of access: 05.09.2020).

7. On approval of the Strategy of Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 08.12.2011 № 2227-r (ed. d.d. 18.10.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/2072fa2f443aafbbc55dcc57c3a1f78dfd2762fb/#dst100171 (date of access: 05.09.2020).

8. On Amendments to the State Program of the Russian Federation “Information Society: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 31.03.2020 № 386-20. URL: <http://www.>

b83fa9e4673fa16057f76f4/#dst100160 (дата обращения: 05.09.2020).

9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 21.08.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/42f381c81a151303511bc36ecea815d2fb3050fe/ (дата обращения: 05.09.2020).

10. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения: 05.09.2020).

11. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <http://febras.ru/images/normdocs/2019/0001201805070038.pdf> (дата обращения: 05.09.2020).

12. Солдаткина О.Л. Цифровое право: методология исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-pravo-metodologiya-issledovaniya/viewer/> (дата обращения: 05.09.2020).

13. Дмитрик Н.А. Цифровая трансформация: правовое измерение // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1.

14. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013.

15. Халикова С.М. Трансформация права в условиях цифровизации // Молодой ученый. 2020. № 35.

16. Дорская А.А. Цифровизация и трансформация и правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии. Казань, 2020.

17. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Karzhia/karchiyaaa_dissertaciya.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

18. Овчинников А.И. Правовая политика российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Г. Кравченко. М., 2021.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349983/b0994c252e8533735b83fa9e4673fa16057f76f4/#dst100160 (date of access: 05.09.2020).

9. On the approval of the state program of the Russian Federation “Information Society: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 15.04.2014 № 313 (ed. d.d. 21.08.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/42f381c81a151303511bc36ecea815d2fb3050fe/ (date of access: 05.09.2020).

10. On the approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation»: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 28.07.2017 № 1632-R. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (date of access: 05.09.2020).

11. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation d.d. 07.05.2018 № 204. URL: <http://febras.ru/images/normdocs/2019/0001201805070038.pdf> (date of access: 05.09.2020).

12. Soldatkina O.L. Digital law: research methodology. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-pravo-metodologiya-issledovaniya/viewer/> (date of access: 05.09.2020).

13. Dmitrik N.A. Digital transformation: legal dimension // Jurisprudence. 2019. Vol. 63. № 1.

14. Voynikanis E.A. Intellectual Property law in the Digital Age: the paradigm of balance and flexibility. Moscow, 2013.

15. Khalikova S.M. Transformation of law in the conditions of digitalization // Young scientist. 2020. № 35.

16. Dorskaya A.A. Digitalization and transformation and legal regulation of public relations in modern realities and conditions of the pandemic. Kazan, 2020.

17. Kartskhiya A.A. Civil law model of regulation of digital technologies. Dissertation for the degree of Doctor of Law. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Karzhia/karchiyaaa_dissertaciya.pdf (date of access: 05.09.2020).

18. Ovchinnikov A.I. The legal policy of the Russian state in the conditions of the digital economy and digital technological order / A.I. Ovchinnikov, A.G. Kravchenko. Moscow, 2021.

**Кобец Петр Николаевич
Kobets Petr Nikolaevich**

главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Chief Researcher, the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law,
Professor.

**Бразжников Дмитрий Анатольевич
Brazhnikov Dmitry Anatolyevich**

заведующий кафедрой административного и финансового права Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Dbrazh@yandex.ru

Head of the Department of Administrative and Financial Law, the Russian Customs Academy, PhD in Law,
Associate Professor.

**Федоров Александр Витальевич
Fedorov Alexander Vitalievich**

профессор кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского
государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: +7 (863) 272-65-60.

Professor, Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University,
PhD in Law, Associate Professor.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯПОНСКОЙ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ**
Legislative bases of ensuring Japanese food security: experience and problems

Объектом исследования, получившего отражение в данной статье, стал анализ законодательных основ совершенствования направлений и принципов японской продовольственной безопасности. Авторы предприняли попытку рассмотреть основные проблемы законодательного совершенствования японской сельскохозяйственной политики как одного из важнейших элементов обеспечения продовольственной безопасности и, соответственно, национальной безопасности страны. В процессе исследования делается вывод о том, что в условиях нового тысячелетия проблема продовольственной безопасности стала важнейшей для всего мирового сообщества. В сложившейся ситуации японское правительство продолжает применять меры, направленные на снижение государственной зависимости от импорта сельхозпродукции и оказание помощи сельхозпроизводителям. Подчеркивается, что политика аграрного протекционизма строится на предоставлении японским сельхозпроизводителям крупных субсидий и установлении больших тарифов на импорт продовольствия. В результате сегодня Япония находится на третьем месте в мире среди всех стран

The objective of the study, which was reflected in this article, was to analyze the legislative framework for improving the directions and principles of Japanese food security. The authors attempted to address the main problems of legislative improvement of Japanese agricultural policies as a crucial element in ensuring food security and, accordingly, national security of the country. The study concludes that, in the new millennium, food security has become a major issue for the entire world community. In the current situation, the Japanese government continues to apply measures aimed at reducing state dependence on imports of agricultural products and assisting agricultural producers. It is emphasized that the policy of agrarian protectionism is based on the provision of large subsidies to Japanese agricultural producers and the establishment of large tariffs on food imports. As a result, today Japan is in third place in the world among all countries in terms of state support for individual agricultural producers.

Keywords: food security, agricultural production, legislative framework, agricultural reform, food

по объему господдержки индивидуальных сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельскохозяйственное производство, законодательные основы, сельскохозяйственное реформирование, продовольственная помощь, политика протекционизма, геополитическое оружие, закупочные цены, государственный бюджет, кредитование, таможенные пошлины.

С начала XX столетия Японии не удавалось обеспечить собственными производственными мощностями необходимые потребности в продовольственной продукции. До 1945 года основными поставщиками продуктов питания в страну являлись азиатские колонии, которые после окончания Второй мировой войны Японией были утрачены. В то время около 20 % от общего объема поставок риса ввозилось в страну, а коэффициенты зависимости от импорта пшеницы, бобовых и сахара превышали коэффициенты зависимости от импорта риса [1, с. 35]. В результате военных действий японское сельское хозяйство находилось в сложной ситуации, и на тот момент продовольственная проблема стала одной из самых острых [2, с. 58]. Выходом из сложившейся ситуации могло стать только реформирование сельского хозяйства, что и было сделано Министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства. В 1942 году в Японии принят Закон о контроле за продовольствием (The Food Control Law of 1942), предусматривающий следующие меры: обязательную отгрузку сельскохозяйственной продукции, производимой фермерами, правительству (обязательная поставка), нормирование для потребителей и контроль цен. Фермерские организации *Nogyokaï* («Сельскохозяйственные ассоциации») являлись одним из органов государственного контроля и выполняли функцию сбора риса и других товаров, производимых фермерами, в то время как отрасли оптовых и розничных торговцев были реорганизованы в полугосударственные организации нормирования *Shokuryo Eidan*.

Во время войны основной целью политики продовольственной безопасности был контроль за производством, поставками и распределением продовольствия, в частности риса, а в послевоенный период еще и за ценами на продовольствие. Эта политика фактически

aid, protectionism policies, geopolitical weapons, purchase prices, state budget, lending, customs duties.

помогла Японии добиться самообеспечения основными продуктами питания, в том числе рисом [3].

Важно отметить, что Япония серьезно страдала от нехватки продовольствия в военное и послевоенное время. Продовольственная политика становилась все более актуальной по мере ухудшения ситуации, что привело к реализации различных политических мер по контролю за продовольственным рынком. Этот опыт оказал значительное влияние на японскую философию продовольственной безопасности.

До 1945 году в соответствии с разработанным Планом по реформированию землевладения государством были выкуплены многие помещичьи земли, и началась продажа земельных участков крестьянам (не более 2 га для одного хозяйства в среднем по стране и 11,9 га на острове Хоккайдо). При этом земельная аренда и арендная плата в денежном выражении сохранялись [4, р. 61].

С 1948 года в США начинает появляться избыток сельскохозяйственной продукции, потому что большинство европейских стран, основных импортеров американской сельскохозяйственной продукции, восстанавливали свое сельхозпроизводство. Важно подчеркнуть, что на довоенных переговорах американское правительство уже выступало с предложением экспортировать продовольствие в Японию, поэтому в 1945 году в страну начали ввозить американскую сельскохозяйственную продукцию. В 1950-е годы последовал быстрый рост импорта, в частности пшеницы, сои и кукурузы, из США, главным образом в форме продовольственной помощи, продвигаемой взаимными соглашениями, заключенными в соответствии с Законом о взаимной безопасности (1951) (Mutual Security Act (MSA) [5] и Законом о развитии сельскохозяйственной торговли и помощи (Agricultural Trade Development

and Assistance Act (PL480) США, который учредил Food for Peace, первую постоянную американскую организацию по оказанию продовольственной помощи иностранным государствам [6].

В 1945–1949 годы США вложили в Японию примерно 1,6 млрд долл., что позволило Банку Японии значительно увеличить денежную массу. Проблемы гиперинфляции привели к тому, что с 1946 по 1949 год оптовые цены в стране выросли в тринадцать раз [7, с. 1130].

В начале 1950-х годов в сельское хозяйство стали активно внедряться достижения науки и техники, механизировалось рисоводство, являвшееся одной из основ сельхозпроизводства страны. К концу 1950-х годов благодаря хорошей урожайности был достигнут неплохой уровень обеспечения продовольствием, составивший 78 % [8].

В 1960-х годах в сельском хозяйстве страны стали возникать проблемы, обусловленные увеличившимся разрывом производительности труда между сельскохозяйственным и промышленным производством. По мере экономического роста доходы промышленных рабочих увеличивались по сравнению с работниками сельского хозяйства. За короткий промежуток времени разрыв в доходах и производительности труда увеличился по сравнению с сельскохозяйственным сектором. Цены на продукцию сельского хозяйства стали превышать мировые. Во многом обозначенные проблемы были обусловлены мелкотоварным характером производства и в первую очередь малыми размерами аграрного сектора. Кроме того, в эти годы вновь возникла проблема продовольственной безопасности. По мере роста экономики доходы населения на душу населения также увеличивались, и в результате структура питания людей изменилась с традиционной на западную модель, поскольку люди получили возможность тратить больше денег на еду [9, с. 125].

Для того чтобы устранить неравенство между этими двумя отраслями и увеличить доходы фермеров, японское правительство приняло Основной закон сельского хозяйства (1961) (Agricultural Basic Law of 1961), который предусматривал возможность предоставления субсидии фермерам, особенно рисоводам, что, в свою очередь, привело к росту его урожайности там, где она снижалась по мере

увеличения урожайности других культур. Кроме того, этот закон привел к росту числа фермеров, занятых неполный рабочий день. Это происходило главным образом потому, что они имели больше субсидий и льгот.

Рассматриваемый законодательный акт сформулировал концепцию «селективного расширения сельскохозяйственного производства» в качестве основной сельскохозяйственной политики японского правительства, которая в значительной степени подтвердила вышеупомянутую зависимость от импорта продовольствия как установленный факт. Концепция выборочной экспансии состояла в стимулировании производства сельскохозяйственных товаров с растущими потребностями, отвлечении производства товаров с пониженным спросом и упорядочении тех, которые могли бы конкурировать с иностранной продукцией (п. 1 ст. 2 Закона). Однако селективное расширение в действительности было нацелено на продвижение результатов, особенно животноводческой продукции, овощей и фруктов, а также на более высокую зависимость от импорта товаров, производимых в земельно-экстенсивном земледелии, за исключением риса, на повышение производительности рисоводства за счет расширения масштабов управления производителями. Это изменение политики позволило японскому сельскому хозяйству не только сохранить производство риса и сконцентрировать производство других культур, кроме риса, на выращивании сельскохозяйственных товаров, экономящих землю, но и расширить сферу животноводства на ограниченных земельных ресурсах в условиях сильной зависимости от импортных комбикормов. Это было рациональное направление политики с точки зрения экономии драгоценных земельных ресурсов в стране. За счет этого удалось установить структуру товарного состава сельского хозяйства в Японии, которая существует и сегодня.

В 1970–1980 годы происходит снижение спроса на традиционные продукты питания, особенно на рис, которого в Японии выращивалось достаточно. Но при этом вырос спрос на продукты питания западного образца, для удовлетворения которого Япония начала импортировать продовольствие. Период, связанный со Вторым продовольственным режимом, который осуществлялся Соединенными Штатами

в отношении Японии во второй половине 1940-х – начале 1970-х годов, позволил американцам превратить продовольственные продукты в геополитическое оружие [10, р. 112]. В соответствии с американским законодательством 1950-х годов США предоставляли продовольственную помощь различным странам на условиях денежной оплаты либо кредитования. Данное законодательство позволило американцам стать генеральными импортерами риса [11, р. 216].

Планетарное регулирование импорта продовольствия, осуществляемого США, стало значительно усиливаться в начале 1980-х годов, когда наступил Третий продовольственный режим [12, р. 165]. Запреты, связанные с осуществлением запрета политики протекционизма, стали оказывать заметное влияние на искажение контуров глобального сельскохозяйственного производства. Кроме того, последствия Уругвайского раунда ГАТТ, начавшегося в 1986 году и снизившего тарифы во всем мире, привели к либерализации правил, которые препятствовали торговле услугами, сократили сельскохозяйственные субсидии, отменили импортные квоты и привели к возникновению Всемирной торговой организации, ставшей преемницей ГАТТ, вынудили Японию снизить тарифы и субсидии в сельскохозяйственном производстве [13, р. 89]. Следует отметить, что выигрыш от всего перечисленного достался растущим отраслям японского промышленного производства, но при этом Японии пришлось пожертвовать продовольственным рынком, который оказался не в состоянии противостоять глобальному бизнесу [14, с. 678].

В 1993 году Япония пережила рисовый кризис из-за неурожайности и для его преодоления была вынуждена импортировать данную сельхозкультуру. В 1994 году Япония пошла на соглашения Уругвайского раунда по сельскому хозяйству и внесла необходимые изменения для открытия своего внутреннего рынка. Был принят новый Закон о продовольствии (1995) (New Food Law 1995), в соответствии с которым правительство прекратило контролировать цены, распределять или управлять сельскохозяйственными товарами. Кроме того, согласно новому закону крестьяне больше не должны были продавать рис государственным органам, они получили право реализовывать

его непосредственно оптовику или потребителю. С 1995 года был установлен минимальный объем ввоза риса в определенных пропорциях от размера внутреннего потребления этой сельскохозяйственной культуры (до этого времени действовал запрет на импорт в страну этого продукта) [15].

В 1999 году принят новый Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и сельских районах (New Basic Law on Food, Agriculture and Rural Areas 1999) (далее – Основной закон) [16], заменивший Основной закон о сельском хозяйстве 1961 года. Новый закон определяет направление и принципы сельскохозяйственной политики Японии в XXI столетии и в большей степени соответствует режиму Всемирной торговой организации. В результате произошли изменения в парадигме сельскохозяйственной политики Японии, расширились ее цели, одной из которых стало обеспечение продовольственной безопасности путем стабильного снабжения продовольствием и содействия развитию сельских районов. Кроме того, этот закон способствовал повышению коэффициента самообеспеченности продовольствием и установил целевой показатель в 45 % [17, с. 12].

Рассматриваемый законодательный акт также ввел целевой показатель продовольственной самодостаточности Японии. В соответствии с Основным законом каждые пять лет утверждается Базовый план по продовольствию, предусматривающий разработку конкретных мер, направленных на обеспечение продовольственной безопасности. В целях подготовки к чрезвычайному положению систематизирован ряд мер, осуществленных до принятия рассматриваемого закона. Кроме того, сфера охвата политики продовольственной безопасности была расширена путем принятия подготовительных и предупредительных мер против различных рисков.

Таким образом, сегодня японская государственная политика, нацеленная на повышение продовольственной безопасности, реализуется в нескольких основных направлениях. Японское правительство полагает, что в условиях активизирующихся глобализационных процессов только исключительно при помощи политики предоставления значительных сельхозсубсидий может эффективно функционировать национальный агропромышленный комплекс.

Уделяя пристальное внимание проблемам, связанным с обеспечением государственной продовольственной безопасности, японские власти принимают все необходимые меры для направления финансовых ресурсов из более эффективных сфер страны в сельскохозяйственный сектор [18, с. 25]. Проводимые оценки ОЭСР свидетельствуют о том, что удельный вес льгот, которые предоставляются государством японским сельхозпроизводителям, в ценах конечных продуктов достигает 60 %. Японским правительством не только покупается у сельхозпроизводителей продукция по установленным государством ценам, но и оказывается финансирование различных программ, связанных с технической модернизацией и энергообеспечением сельского хозяйства [19, с. 395].

Важнейшее направление в рассматриваемой сфере связано с укрупнением мелких хозяйств, что позволит повысить низкую производительность сельскохозяйственного производства и конкурентоспособность сельхозпродукции.

Еще одно направление связано с внедрением передовых технологий, в первую очередь в производство риса и пшеницы, урожайность которых планируется увеличивать в целях снижения их импорта до 50 %.

Актуальнейшим направлением является переподготовка фермеров и привлечение в аграрный сектор молодежи, поскольку с каждым годом увеличивается механизация сельхозпроизводства за счет передовых технологий. Важнейшим направлением является работа по развитию аквакультуры. Сегодня Япония является третьей страной в мире по производству рыбы и морепродуктов, что обусловлено развитием огромного спроса на эту продукцию, который, по прогнозам, будет только увеличиваться в связи с меняющимися мировыми промышленными условиями и необходимостью увеличения биологических ресурсов. Поэтому

Япония намерена активизировать деятельность в сфере искусственного разведения рыбных и морских продуктов. Планируется увеличение экспорта сельхоз и морепродукции до одного триллиона японских иен, что эквивалентно 10,3 млрд долл. США. Очередное направление связано с помощью развивающимся странам в организации сельскохозяйственного производства [20, с. 57].

Япония определила свои цели в области сельскохозяйственной политики в Основном законе и основных планах. Приоритетные задачи связаны с сохранением сельскохозяйственного дохода, обеспечением продовольственной безопасности, сохранением культурных ландшафтов и другими позитивными аспектами сельского хозяйства. Сегодня японские продовольственные товары хорошо известны во всем мире как безопасные и обладающие высоким качеством. Японцами активно используется указанное преимущество для наращивания экспорта продуктов питания. В аграрном комплексе, несмотря на невысокие темпы роста, планируется проведение сельскохозяйственных реформ и дальнейшей частичной либерализации национального агропродовольственного сектора, что поможет возрождению сельского хозяйства страны и приближению Японии к уровням пика продовольственной безопасности, которые наблюдались в стране в 1960-е годы. Снижение производительности труда, спрос на продовольствие западного образца сделали Японию зависимой от импорта, но события 1990-х годов заставили японское правительство осознать, что ввоз иностранных товаров не поможет стране в обеспечении продовольственной безопасности. Поэтому Япония постоянно делает упор на увеличение внутреннего производства, для того чтобы повысить продовольственную самодостаточность.

Литература

1. Кравченко А.А. Состояние продовольственной безопасности Южной Кореи, Китая, Японии / А.А. Кравченко, О.О. Сергеева // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 7.
2. Кобец П.Н. Генезис органов государственной власти и управления Японии / П.Н. Кобец // Государственная власть и местное

Bibliography

1. Kravchenko A.A. The state of food security in South Korea, China, Japan / A.A. Kravchenko, O.O. Sergeeva // Socio-economic sciences and humanitarian studies. 2015. № 7.
2. Kobets P.N. Genesis of public authorities and management of Japan / P.N. Kobets // State power and local self-government. 2021. № 3. DOI 10.18572/1813-1247-2021-3-57-60.

самоуправление. 2021. № 3. DOI 10.18572/1813-1247-2021-3-57-60.

3. Holden T.J.M. Japan's Mediated Global Identities. 2008. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/political-science-and-government/military-affairs-nonnaval/mutual-securitywww.intcul.tohoku.ac.jp/-holden/MediatedSociety> (дата обращения: 12.09.2021).

4. Ozaki R. The Japanese / R. Ozaki. Tokyo, 1998.

5. Mutual Security Act (1951) URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/political-science-and-government/military-affairs-nonnaval/mutual-security> (дата обращения: 03.05.2021).

6. Закон о развитии сельскохозяйственной торговли и помощи 1954 года [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Agricultural_Trade_Development_and_Assistance_Act_of_1954 (дата обращения: 03.05.2021).

7. Кобец П.Н. Особенности формирования экономической модели Японии в оккупационный период 1945-1951 гг. / П.Н. Кобец // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 6(74). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-6-1129-1137.

8. Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: http://www.maff.go.jp/e/tokei/kikaku/nenji_e/87nenji/index.html (дата обращения: 03.05.2021).

9. Назаренко В.И., Папцов А.Г. Государственное регулирование сельского хозяйства в странах с развитой экономикой / В.И. Назаренко, А.Г. Папцов. М., 1996.

10. McMichael P. A food regime genealogy // Journal of Peasant Studies. 2009. № 36(1).

11. Jussaume R., Shuji H., Yoshimitsu T. Food safety in modern Japan // Japanstudien. 2001. № 12(1).

12. Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: The contributions of food regime analysis // Journal of Peasant Studies. 2016. № 43(3).

13. Kimura H. Food education as food literacy: privatized and gendered food knowledge in contemporary Japan // Food and Foodways. 2011. № 19(3).

14. Кобец П.Н. Опыт совершенствования экономической безопасности Японии в период 1950–1970-х гг. На основе построения новой эффективной экономической модели /

3. Holden T.J.M. Japan's Mediated Global Identities. 2008. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/political-science-and-government/military-affairs-nonnaval/mutual-securitywww.intcul.tohoku.ac.jp/-holden/MediatedSociety> (date of access: 12.09.2021).

4. Ozaki R. The Japanese / R. Ozaki. Tokyo, 1998.

5. Mutual Security Act (1951) URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/political-science-and-government/military-affairs-nonnaval/mutual-security> (date of access: 03.05.2021).

6. The Law on the Development of Agricultural Trade and Assistance of 1954 [Electronic resource]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Agricultural_Trade_Development_and_Assistance_Act_of_1954 (date of reference: 03.05.2021).

7. Kobets P.N. Features of the formation of the economic model of Japan during the occupation period 1945-1951 / P.N. Kobets // Scientific review: theory and practice. 2020. Vol. 10. № 6(74). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-6-1129-1137.

8. Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. URL: http://www.maff.go.jp/e/tokei/kikaku/nenji_e/87nenji/index.html (date of access: 03.05.2021).

9. Nazarenko V.I., Paptsov A.G. State regulation of agriculture in countries with developed economies / V.I. Nazarenko, A.G. Paptsov. Moscow, 1996.

10. McMichael P. A food regime genealogy // Journal of Peasant Studies. 2009. № 36(1).

11. Jussaume R., Shuji H., Yoshimitsu T. Food safety in modern Japan // Japanstudien. 2001. № 12(1).

12. Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: The contributions of food regime analysis // Journal of Peasant Studies. 2016. № 43(3).

13. Kimura H. Food education as food literacy: privatized and gendered food knowledge in contemporary Japan // Food and Foodways. 2011. № 19(3).

14. Kobets P.N. The experience of improving the economic security of Japan in the period of the 1950–1970 Based on the construction of a new effective economic model / P.N. Kobets // Scientific review: theory and practice. 2020. Vol. 10. № 4(72). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-4-676-684.

П.Н. Кобец // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 4(72). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-4-676-684.

15. Mulgan A. Japan's new agricultural policy plan neglects trade liberalization // East Asia Forum. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/11/02/japan-s-new-agricultural-policy-plan-neglects-trade-liberalisation/> (дата обращения: 03.05.2021).

16. New Basic Law on Food, Agriculture and Rural Areas 1999. URL: https://www.maff.go.jp/j/kanbo/kihyo02/basic_law/pdf/basic_law_agri.pdf (дата обращения: 03.05.2021).

17. Карпенко Г.Г. Совершенствование механизмов регулирующего воздействия государства на экономику аграрного сектора: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Г.Г. Карпенко. М., 2011.

18. Комалова И. Почему японский император и поныне высаживает рисовую рассаду. В вопросах продовольственной безопасности России неплохо поучиться у японцев / И. Комалова // Свиноводство. 2010. № 2.

19. Кобец П.Н. О роли государственного управления в развитии и модернизации японской экономики / П. Н. Кобец // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 3(71). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-3-391-399.

20. Кравченко А.А. Основные направления политики Японии в области обеспечения продовольственной безопасности / А. А. Кравченко // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2013. Т. 15. № 2.

15. Mulgan A. Japan's new agricultural policy plan neglects trade liberalization // East Asia Forum. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/11/02/japan-s-new-agricultural-policy-plan-neglects-trade-liberalisation/> (date of accessed: 03.05.2021).

16. New Basic Law on Food, Agriculture and Rural Areas 1999. URL: https://www.maff.go.jp/j/kanbo/kihyo02/basic_law/pdf/basic_law_agri.pdf (date of access: 03.05.2021).

17. Karpenko G.G. Improving the mechanisms of the regulatory impact of the state on the economy of the agricultural sector: author. abstract ... Doctor of Economics / G.G. Karpenko. Moscow, 2011.

18. Komalova I. Why the Japanese Emperor still plants rice seedlings. In matters of food security in Russia, it is not bad to learn from the Japanese / I. Komalova // Pig breeding. 2010. № 2.

19. Kobets P.N. On the role of public administration in the development and modernization of the Japanese economy / P.N. Kobets // Scientific review: theory and practice. 2020. Vol. 10. № 3(71). DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-3-391-399.

20. Kravchenko A.A. The main directions of Japan's policy in the field of food security / A. A. Kravchenko // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2013. Vol. 15. № 2.

Вербицкая Мария Александровна
Verbitskaya Maria Alexandrovna

доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права Северо-Кавказского социального института, кандидат юридических наук.

E-mail: verbickaya.77@yandex.ru

Associate Professor, Department of Business and Commercial Law, the North Caucasus Social Institute, PhD in Law.

Техов Дмитрий Николаевич
Tekhov Dmitry Nikolaevich

юрисконсульт ООО «Навигатор-Плюс».

E-mail: tekhovdmitry@gmail.com

Legal Adviser Navigator-Plus Limited Liability Company.

НЕСОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Non-compliance with the requirements for compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: some issues of administrative responsibility

В статье освещаются проблемные вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности лиц за несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств (по ст. 12.37 КоАП РФ). Выявляются и анализируются пробелы и противоречия административного законодательства, с которыми сталкиваются правоприменители при привлечении к административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ. Обосновывается необходимость совершенствования отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административные правонарушения в области дорожного движения, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, проблемы автоматической фотовидеофиксации административных правонарушений в области дорожного движения.

The article highlights the problematic issues related to bringing persons to administrative responsibility for non-compliance with the requirements for compulsory civil liability insurance of vehicle owners (according to Article 12.37 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). Identifies and analyzes gaps and contradictions in administrative legislation that law enforcement officers face when brought to administrative responsibility under Art. 12.37 Administrative Code of the Russian Federation. The necessity of improving certain provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses is substantiated.

Keywords: administrative offenses in the field of road traffic, compulsory insurance of civil liability of vehicle owners, problems of automatic photo and video recording of administrative offenses in the field of road traffic.

В общем массиве выявляемых органами внутренних дел административных правонарушений существенная доля (около 80 %) приходится на деликты в области дорожного движения. Причем прослеживается тенденция к росту совершаемых деликтов. Так, если в 2016 году ГИБДД выявлено более 92 млн правонарушений в указанной сфере [1], то в 2020 году возбуждено уже 167,2 млн дел об административ-

ных правонарушениях [2]. Количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) также остается достаточно высоким. В 2020 году зафиксировано 145,1 тыс. ДТП, в результате которых погибло более 16,1 тыс. и получили ранения 183 тыс. человек [2].

А.Д. Дымберов отмечает стремительный рост автомобильного парка населения и низкий уровень правовой культуры участников

дорожного движения [3, с. 145]. Профессор Б.В. Россинский, в свою очередь, говорит о высокой латентности указанных деликтов [4, с. 68].

Нами приведена лишь часть обстоятельств, детерминирующих необходимость противодействия административным правонарушениям в данной сфере и подтверждающих актуальность введенного обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и административной ответственности за несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ст. 12.37 КоАП РФ).

С 1 июля 2003 года действует Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [5] (далее – Закон об ОСАГО). Отношения, урегулированные Законом об ОСАГО, охраняются административно-правовыми санкциями – Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 41-ФЗ в КоАП РФ добавлена ст. 12.37 [6].

За это время административно-правовые нормы, регулирующие рассматриваемые общественные отношения, неоднократно подвергались различного рода изменениям, направленным на совершенствование механизма их правового регулирования и достижение главной цели, сформулированной в законе, – обеспечение прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами.

Закон об ОСАГО закрепляет обязанность владельцев транспортных средств застраховывать риск своей гражданской ответственности в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при совершении ДТП.

Данный вид обязательного страхования предполагает заключение страхователем со страховщиком соответствующего договора. Статья 15 Закона об ОСАГО предусматривает две альтернативные формы заключения договора обязательного страхования:

1. Классический договор, когда страхователь лично совершает визит в страховую компанию.

2. Договор в форме электронного документа.

Следует отметить, что в 2021 году подверглись изменениям порядок прохождения техосмотра и оформления полисов ОСАГО. Ранее при заключении договора страхования страховщик запрашивал у страхователя действующую диагностическую карту на транс-

портное средство, при ее отсутствии полис ОСАГО не продавался. В 2021 году из-за сложной эпидемической и экономической ситуации срок действия диагностических карт, истекающих с 1 февраля по 30 сентября, пролонгировали на 6 месяцев, но не менее чем до 1 октября 2021 года, т. к. не все операторы переоборудовали пункты прохождения техосмотра по новым требованиям.

Поправками в действующее законодательство предусмотрено, что для заключения договора ОСАГО не требуется предоставлять диагностическую карту. Большинство изменений вступили в законную силу 22 августа 2021 года [7].

Полис ОСАГО может быть выписан без диагностической карты, но ответственность водителей за ее отсутствие не отменена. Страховщики вправе предъявлять регрессные иски в том случае, когда водитель автомобиля с просроченной диагностической картой станет виновником ДТП из-за его неисправности. Таким образом, даже при наличии полиса ОСАГО у виновного водителя по решению суда с него можно будет взыскать вред за ДТП. Получается весьма противоречивая ситуация, когда смысл страхования ответственности нивелируется.

Говоря о форме данного договора, необходимо напомнить, что в первые несколько лет действия Закона об ОСАГО имелась возможность хотя бы визуально определить, исполнил собственник транспортного средства возложенную на него обязанность по страхованию или нет. Речь идет о так называемом специальном знаке ОСАГО (аналоге страховой виньетки). Этот знак крепился в правом нижнем углу лобового стекла автомобиля или автобуса [8, с. 3–4]. Отсутствие его в указанном месте не было наказуемым. Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 306-ФЗ в Закон об ОСАГО внесены коррективы – из текста закона, к сожалению, исключили упоминание об этом знаке.

Положения ст. 15 Закона об ОСАГО продублированы в п.п. 6.11 Административного регламента МВД России, утвержденного ведомственным приказом от 23 августа 2017 года № 664 [9], регулирующим права сотрудников Госавтоинспекции в рассматриваемой сфере отношений. Так, сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД могут проверять наличие либо полиса ОСАГО, либо бумажной копии договора ОСАГО, заключенного в форме электронного документа. Аналогичная норма закреплена и в ч. 6 п.п. 2.1.1 Правил дорожного движения [10].

Согласно ч. 2 ст. 4 Закона об ОСАГО новый владелец транспортного средства должен исполнить обязанность по страхованию своей гражданской ответственности до регистрации купленного (переданного) автомобиля, но не позднее десяти дней с момента возникновения этого права. Получается, что в указанный период времени водитель такого транспортного средства имеет право управлять им без соответствующего страхового полиса. Это право подтверждено в определении Верховного Суда РФ от 17 апреля 2012 года № АКПИ 12-205 [11].

Зачастую сделка купли-продажи транспортного средства оформляется в простой письменной форме. Такая сделка считается оконченной только после обязательной государственной регистрации, когда новый собственник получает соответствующее свидетельство. До этого момента собственником автомобиля значится его прежний владелец, хотя фактически автомобиль выбывает из его пользования.

Достаточно дискуссионным является вопрос о размере штрафных санкций, закрепленных ч. 1 и 2 ст. 12.37 КоАП РФ (500 и 800 рублей соответственно). Данный вопрос в контексте совершенствования применения мер административного и экономического воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения поднимался еще в 2008 году профессором А.Ю. Якимовым [12, с. 2–5]. Также следует согласиться с мнением А.И. Смолякова о том, что при таких низких размерах административного штрафа значительная доля водителей предпочитают не покупать полис ОСАГО [13, с. 351].

В связи с рассматриваемой проблематикой вызывает интерес опыт белорусского законодателя. Частями 3 и 4 ст. 18.29 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлен более высокий штраф за управление транспортным средством без договора ОСАГО в случае совершения ДТП [14].

Приведенные выше аргументы подтверждают обоснованность проведения дифференциации административной ответственности и дополнения ст. 12.37 КоАП РФ ч. 3, в которой можно было бы прописать квалифицированный по отношению к ч. 2 материальный состав правонарушения – те же деяния, что и в ч. 2 указанной статьи в случае совершения ДТП, и закрепить в качестве административного наказания за данное деяние более высокий размер административного штрафа (от 3 тыс. до 5 тыс. рублей). Более того, результаты проведенного нами интервьюирования 27 сотрудни-

ков Госавтоинспекции Ставропольского края показали, что 100 % опрошенных одобряют данное предложение.

Об актуальности рассматриваемой проблематики свидетельствует тот факт, что еще в 2018 году в Государственную Думу РФ депутатом С. Вострецовым внесен законопроект № 365162-7, в котором предлагалось увеличить размер административного штрафа в обеих частях ст. 12.37 КоАП РФ до 5 тыс. рублей [15]. В основание такого предложения была положена средняя величина страховых премий по ОСАГО.

Указанный законопроект не получил положительного заключения соответствующих комитетов Государственной Думы РФ (Комитета по государственному строительству и законодательству, Комитета по транспорту и строительству). В качестве аргументов отказа отмечалось, в частности, отсутствие эмпирических данных и возможности градации административной ответственности при назначении наказания в виде штрафа. Председатель Комитета по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников также указал, что достижение заявленных в законопроекте целей может быть достигнуто посредством других правовых и организационных мер, например документирования данных административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, что не повлечет внесения соответствующих изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

В 2018 году некоторыми СМИ была распространена информация о том, что в этом же году в автоматическом режиме начнут фиксировать административные правонарушения по ст. 12.37 КоАП РФ. Данную информацию опровергли на официальном сайте МВД России [16].

Сегодня ГИБДД совместно с Российским союзом автостраховщиков (далее – РСА) изучается техническая возможность фиксации нарушений по ст. 12.37 КоАП РФ комплексами автоматической фотовидеофиксации. В частности, осуществляются необходимые предварительные технические работы по обмену данными между ГИБДД и РСА.

Принцип работы камер автоматической фиксации устроен таким образом, что они срабатывают и фиксируют правонарушение только в случае его совершения. Если нарушение установленных правил не допущено, то камера не фиксирует автомобиль. РСА же исходит

из того, что при выявлении отсутствия полиса ОСАГО необходимо тотально фиксировать и проверять весь трафик, что с технической точки зрения крайне сложно реализуемо.

Еще одно возможное затруднение связано с тем, что когда новый собственник не осуществляет свою обязанность по регистрации автомобиля, то административную ответственность за нарушение правил дорожного движения, выявленное в режиме автоматической фиксации, будет нести бывший его владелец. Единственная легальная возможность исключить подобные факты – это обращение бывшего собственника технического средства в регистрационное подразделение ГИБДД с заявлением о прекращении его регистрации. Подобные случаи встречаются достаточно часто, поэтому при введении автоматической фиксации административных правонарушений, связанных с управлением транспортным средством без полиса ОСАГО, центры автоматической фиксации ГИБДД будут вынуждены рассматривать большое количество обоснованных жалоб.

До настоящего времени административные правонарушения по ст. 12.37 КоАП РФ в автоматическом режиме не фиксируются, т. к. информационные системы пока технически не готовы.

Параллельно с этим вопросом хотелось бы затронуть еще одну проблему. В случае совершения ДТП с материальным ущербом при отсутствии полиса ОСАГО зачастую возмещение материального и морального вреда потерпевшему становится невозможным. Поэтому можно предложить ввести какую-нибудь обеспечительную меру, применяемую сотрудниками полиции, в виде, например, запрещения отчуждения транспортного средства, принадлежащего виновному, до соответствующего решения суда. Либо же предусмотреть возможность ареста транспортного средства виновного лица в случае совершения ДТП с материальным ущербом при отсутствии у него полиса ОСАГО.

Еще недавно совершение правонарушений, закрепленных в ст. 12.37 КоАП РФ, являлось основанием для запрещения эксплуатации транспортного средства – с него снимались государственные регистрационные знаки. МВД России, осуществив мониторинг данной ситуации, выяснило, что зачастую владельцы автомобилей обращаются на специальные предприятия и заказывают дубликаты государственных регистрационных знаков. Поэтому ведомство посчитало, что дальнейшее приме-

нение данной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении будет малоэффективным. Поэтому из ст. 27.13 КоАП РФ указанная мера исключена.

Складывается следующая парадоксальная ситуация. Эксплуатация транспортных средств, владельцами которых не исполнена установленная федеральным законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности, является основанием для запрещения использования транспортного средства, при этом механизм в нормативном акте не раскрывается.

Эта норма закреплена в ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 10.12.1996 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [17]. Пункт 21 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет право сотрудников полиции запрещать эксплуатацию транспортных средств, владельцами которых не исполнена установленная федеральным законом обязанность по страхованию гражданской ответственности. Запрет эксплуатации транспортных средств, чьи владельцы не исполнили свою обязанность по автострахованию, также прописан в п. 11 Правил дорожного движения. Эта норма также продублирована в п. 258 приказа МВД России от 23.08.2017 № 664.

Изменению подверглось и Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Положение) – сотрудникам Госавтоинспекции запретили снимать государственные регистрационные знаки с транспортных средств. Действующая редакция данного Положения закрепляет, что сотрудники Госавтоинспекции могут запрещать эксплуатацию транспортных средств в соответствии с действующим законодательством РФ, но без снятия регистрационных государственных знаков.

Таким образом, в нормативных правовых актах не указывается механизм запрещения эксплуатации транспортного средства.

В заключение хотелось бы сформулировать ряд выводов и предложений. Так, для достижения основной цели Закона об ОСАГО целесообразно внести ряд изменений в действующий КоАП РФ. Во-первых, назрела необходимость проведения дифференциации административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ. Обосновано дополнение ст. 12.37 КоАП РФ ч. 3, в которой можно было бы прописать квалифицированный по отношению к ч. 2 материальный состав правонарушения – те же деяния,

что и в ч. 2 указанной статьи в случае совершения ДТП. Следует закрепить в качестве административного наказания за данное деяние более высокий размер административного штрафа (от 3 тыс. до 5 тыс. рублей). Кроме того, предлагаем ввести обеспечительную меру, применяемую сотрудниками полиции,

Литература

1. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 11.11.2021).

2. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 11.11.2021).

3. Дымберов А.Д. О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения / А. Д. Дымберов // Вестник Московского ун-та МВД России. 2018. № 2.

4. Россинский Б.В. Размышления об административных наказаниях в сфере дорожного движения / Б.В. Россинский // Теория и практика административного права и процесса: материала VIII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар–Небуг, 2013.

5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 02.07.2021). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2021).

6. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: федер. закон от 25.04.2002 № 41-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2021).

7. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2021 № 343-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

8. Якимов А.Ю. Специальный знак ОСАГО (анализ ретроспективы и оценка перспективы на основе положений КоАП России /

в виде, например, запрещения отчуждения транспортного средства, принадлежащего виновному, до соответствующего решения суда, либо же предусмотреть возможность ареста транспортного средства виновного лица в случае совершения ДТП с материальным ущербом при отсутствии полиса ОСАГО.

Bibliography

1. Annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring Public order and combating crime» for 2016 [Electronic resource]. URL: <http://mvd.rf> (date of access: 11.11.2021).

2. Updated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring Public order and combating crime» for 2020 [Electronic resource]. URL: <http://Ministry of Internal Affairs.rf> (date of access: 11.11.2021).

3. Dymberov A.D. On some issues of administrative responsibility of owners (owners) of vehicles for offenses in the field of traffic / A.D. Dymberov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2.

4. Rossinsky B.V. Reflections on administrative penalties in the field of traffic / B.V. Rossinsky // Theory and practice of administrative law and process: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar–Nebug, 2013.

5. On compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: fed. law d.d. 25.04.2002 № 40-FL (ed. from 02.07.2021). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

6. On amendments and additions to legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law «On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners»: fed. law d.d. 25.04.2002 № 41-FL. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

7. On Amendments to the Law of the Russian Federation «On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: fed. law d.d. 02.07.2021 № 343-FL. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

8. Yakimov A.Yu. Special CTP sign (retrospective analysis and perspective assessment based on the provisions of the Administrative Code of Russia / A.Yu. Yakimov // Administrative Law and Process. 2008. № 6.

9. Administrative Regulations for the execution by the Ministry of Internal Affairs of the

А.Ю. Якимов // Административное право и процесс. 2008. № 6.

9. Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

10. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

11. Об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании пунктов 1.2, 2.1.1, 2.3.2, 4.3, 11.4, 14.1, 17.2, 17.3 Правил дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

12. Якимов А.Ю. Сочетание мер административного принуждения и экономического воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения (вопросы оптимизации) / А. Ю. Якимов // Административное право и процесс. 2008. № 3.

13. Смоляков А.И. К вопросу о необходимости учета экономических факторов при установлении размера административных наказаний за совершение правонарушений в области дорожного движения // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 15.

14. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: закон Республики Беларусь от 06.01.2021 № 91-3. URL: <http://www.etalonline.by> (дата обращения: 11.11.2021).

15. О внесении изменений в часть 1 и часть 2 статьи 12.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: проект федерального закона № 365162-7. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

16. МВД России разъясняет вопросы о фиксации в автоматическом режиме нарушений, связанных с отсутствием полиса ОСАГО от 31.10.2018. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 11.11.2021).

17. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1996 № 196-ФЗ (ред. от 02.07.2021). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2021).

Russian Federation of the state function for the implementation of federal state supervision over compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. 23.08.2017 № 664 (ed. d.d. 21.12.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

10. On the Rules of the road: Decree of the Government of the Russian Federation d.d. 23.10.1993 № 1090 (ed. d.d. 31.12.2020). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

11. On the refusal to satisfy the application for challenging the points 1.2, 2.1.1, 2.3.2, 4.3, 11.4, 14.1, 17.2, 17.3 Traffic Rules of the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation d.d. 23.10.1993 № 1090. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

12. Yakimov A.Yu. Combination of measures of administrative coercion and economic impact in the field of road safety (optimization issues) / A.Yu. Yakimov // Administrative law and process. 2008. № 3.

13. Smolyakov A.I. On the issue of the need to take into account economic factors when determining the amount of administrative penalties for committing offenses in the field of traffic// Siberian Legal Review. 2018. № 15.

14. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences: law of the Republic of Belarus d.d. 06.01.2021 № 91-L. URL: <http://www.etalonline.by> (date of request: 11.11.2021).

15. On Amendments to Part 1 and Part 2 of Article 12.37 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation d.d. 30.12.2001 № 195-FL: draft federal law № 365162-7. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

16. The Ministry of Internal Affairs of Russia clarifies questions about fixing violations in automatic mode related to the absence of a CTP policy d.d. 31.10.2018. URL: <http://мвд.рф> (date of access: 11.03.2021).

17. On road safety: fed. law d.d. 10.12.1996 № 196-FL (ed. from 02.07.2021). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2021).

Андреев Александр Сергеевич
Andreev Alexander Sergeevich

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: rui@mvd.ru

Professor, Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

**ГРУППОВАЯ ПОСТКРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ,
РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**Group post-criminal activity and its criminalistic significance for the disclosure,
investigation and prevention of crimes**

В статье представлена криминалистическая классификация групповой посткриминальной деятельности по: умыслу; степени организованности группы, осуществляющей посткриминальную деятельность; связи группы, осуществляющей посткриминальную деятельность, с событием преступления; составу преступных групп, которые занимаются посткриминальной деятельностью; направленности; распределению ролей в группах, осуществляющих посткриминальную деятельность; зависимости посткриминальной деятельности группы от лидера; наличию и выполнению нормы посткриминального поведения в группе; степени и характеру знакомства; наличию преступного и связанного с ним посткриминального опыта деятельности; вовлеченности в посткриминальную деятельность группы; времени существования групповой посткриминальной деятельности; содержанию способов групповой посткриминальной деятельности; количеству способов групповой посткриминальной деятельности; линии посткриминального противодействия в преступной группе.

Ключевые слова: криминалистика, после совершения преступления, деятельность, поведение, группа, классификация, содействие, противодействие, улики, познание, эффективность.

The article presents a forensic classification of group post-criminal activities according to: intent; the organization degree of the post-criminal group; the connection of the group carrying out the post-criminal activities with the event of the crime; the composition of criminal groups engaged in post-criminal activities; orientation; the distribution of roles in groups engaged in post-criminal activities; dependence of the group's post-criminal activities on the leader; the existence and implementation of post-criminal behaviour in the group; the extent and nature of the acquaintance; the existence of criminal and related post-criminal experience; involvement in the post-criminal activities of the group; The existence of group post-criminal activities; content of methods of group post-criminal activity; the number of methods of group post-criminal activity; lines of post-criminal opposition in a criminal group.

Keywords: forensic science, after a crime, activity, behavior, group, classification, assistance, counteraction, evidence, knowledge, effectiveness.

Статистические показатели преступности за последнее десятилетие позволяют анализировать масштаб и динамику преступности и связанную с ней посткриминальную деятельность различных субъектов. К примеру, «каждый год в РФ около десяти миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям» [1].

Посткриминальная деятельность лиц многообразна и гораздо шире по пространственно-временным, субъектным и иным характеристикам, чем преступная.

Термин «субъект посткриминальной деятельности» имеет различные аспекты (уголовно-правовой [2], криминологический [3], уголовно-исполнительный [4], уголовно-процессуальный [5], оперативно-разыскной, экспертный, психологический и др.).

Субъекты посткриминальной деятельности – это физические или юридические лица, связанные с событием преступления. Криминалистическое содержание понятия «субъект посткриминальной деятельности» раскрывается через:

– связь с событием преступления (преступной деятельностью и раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений);

– собственно содержание характеристики свойств личности (пол, возраст, судимость, вменяемость, место жительства и т. д.) и их влияние на содержание механизма и способов посткриминальной деятельности в объективной действительности;

– характеристики свойств личности, проявляющихся на этапе приготовления, реализации, изменения ею своих действий.

Проведенное исследование показало, что количество субъектов посткриминальной деятельности на один эпизод преступной деятельности в разы больше участников преступлений и колеблется в среднем от 4,32 до 5,61 человек. В одном исследованном эпизоде участвует 1,77 субъектов преступления.

Физические лица – это разнообразная группа лиц. Так, по результатам исследования субъектов посткриминальной деятельности в зависимости от степени тяжести на один эпизод преступной деятельности в среднем приходится от 5 до 25 лиц, тогда как, к примеру, уголовные дела, возбуждаемые по фактам преступлений, совершаемых по принципу финансовых пирамид, содержат информацию о деятельности более тысячи таких участников.

Под физическими лицами как субъектами посткриминальной деятельности следует понимать лиц, связанных с событием преступления, его последствиями и реализовавших свои действия в криминальной, посткриминальной и латентных ситуациях, а также в уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности (91 % всех субъектов посткриминальной деятельности). К таковым, как правило, относятся: субъект преступления (заподозренный, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый), соучастники (соисполнитель, подстрекатель, пособник), потерпевший (жертва), свидетель (очевидец, лицо, случайно оказавшееся на месте преступления), обманутый свидетель, лжесвидетель.

Иные лица – это субъекты, случайно оказавшиеся, но активно участвовавшие в ситуациях посткриминального периода (менее 9 % всех субъектов посткриминальной деятельности). По нашему мнению, к ним относятся: родственники, знакомые, друзья, сослуживцы, волонтеры, представители средств массовой информации, депутаты, члены блоков защиты организованной преступной группы.

Посткриминальная деятельность юридических лиц как субъектов посткриминальной деятельности связана с преступной деятельностью, последствиями и необходимостью их реорганизации. Сегодня наиболее распространены юридические лица как субъекты посткриминальной деятельности и поведения по преступлениям коррупционной, экстремистской, террористической и экономической направленности, организованной преступной деятельности.

Результаты исследования Д.И. Аминова и Н.Д. Эриашвили показали, что в способах преступного и посткриминального сокрытия и противодействия расследованию достаточно часто (34 %) встречаются действия по созданию официально зарегистрированных организаций, обществ с ограниченной ответственностью, индивидуальных предпринимателей [6]. Различные юридические лица все чаще вовлекаются в коррупционную и последующую посткриминальную деятельность. На наш взгляд, не менее вовлечены в преступную и посткриминальную деятельность фирмы-однодневки, как правило, это связано с их реорганизацией. Запрет осуществления деятельности организации, действия которой квалифицируются как преступные, например признание судами РФ организации террористической, не исключает дальнейших ее проявлений (создание филиалов, представительств, реорганизации в новые формы) в посткриминальной действительности.

В связи с этим, безусловно, правы ученые, которые пришли к выводу о том, что необходимость «уголовной ответственности юридических лиц вполне очевидна. Именно их преступная деятельность носит транснациональный характер, представляет наибольшую угрозу бизнесу и национальной безопасности» [7]. При этом следует учитывать, что деятельность юридических лиц в конечном счете отражает действия физических лиц, но выделение

указанных субъектов обусловлено особенностями механизма образования следов и возможностями их использования в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Одними из первых разработку проблем криминалистического изучения преступных групп начали В.Г. Лукашевич [8], В.М. Быков [9] и др.

Современное понимание организованной преступной деятельности представлено в работах Н.П. Яблокова, который характеризует ее как «совокупность всех преступлений (экономических и общеуголовных), профессионально совершаемых в виде постоянного промысла лицами, которые объединены в устойчивые, хорошо организованные, законспирированные и защищенные (в том числе и с помощью коррумпированных связей) от разоблачения формирования в виде ОПГ и ОПС и иных преступных организаций, существующих самостоятельно или являющихся структурными частями еще более сложной системы межрегионального и транснационального уровня» [10]. Не менее значимым представляется вывод автора о том, что криминалистически значимая информация, подвергнутая научному анализу, может быть положена в основу теоретической концепции криминалистического понимания сути и особенностей организованной преступной деятельности и криминалистических средств борьбы с ней [10].

Отправной точкой для изучения одного из видов организованной посткриминальной деятельности явилась проведенная в 1996 году научно-практическая конференция, посвященная организованному противодействию расследованию преступлений и мерам по его нейтрализации [11].

Как отмечают ряд авторов, «применительно к организованной преступной деятельности все большее признание находит взгляд на противодействие расследованию как на умышленные противоправные действия, основанные на системе криминализированных связей» [12; 13; 14; 15; 16; 17].

По субъектам реализации групповая и организованная посткриминальная деятельность наиболее характерна для субъекта преступления (236 чел., 79,5 %) и других лиц (58 чел., 19,5 %) и встречается достаточно часто – 40 чел. (13,47 %), часто – 147 чел. (49,49 %), крайне редко – 107 чел. (36,03 %), никогда – 3 чел. (1,01 %).

Групповая посткриминальная деятельность наиболее часто проявляется среди субъектов преступлений и связанных с ними лиц. Это отметили 38 из 40 респондентов, указавших «достаточно часто», а иные лица встречаются крайне редко – 56 из 107 чел. При этом большинство дознавателей отметили, что такой вид посткриминальной деятельности и поведения им встречались крайне редко или никогда не встречались (81 из 112 чел.). Групповая и организованная деятельность как явление объективной действительности с входящими в нее процессами достаточно распространена и типична.

Для понимания посткриминальной деятельности группового субъекта необходимо представить ряд признаков, характеризующих как группу, осуществляющую посткриминальную деятельность, так и личностей, входящих в нее и совершающих приготовление, реализацию и изменение изучаемой деятельности и поведения.

В соответствии с данным положением можно выделить следующие группы признаков:

1. По умыслу противоправных действий реализуют:

- заранее подготовленный в рамках преступной деятельности умысел;
- заранее подготовленный в рамках преступной деятельности, но откорректированный после совершения преступления умысел;
- посткриминальный умысел;
- носят хаотичный характер.

2. По степени организованности группы, осуществляющей посткриминальную деятельность:

- ситуативно объединившаяся группа;
- организованная для посткриминальной деятельности.

3. По связи группы, осуществляющей посткриминальную деятельность, с событием преступления:

- преступная группа, которая осуществляет посткриминальную деятельность;
- преступная группа и связанные с субъектом преступления лица, которые осуществляют посткриминальную деятельность;
- группа, которая осуществляет посткриминальную деятельность, состоит из иных лиц.

4. По участию членов преступных групп в осуществлении посткриминальной деятельности:

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- в полном составе;
- частично;
- полностью или частично, но с новыми участниками посткриминальной деятельности.

5. По направлениям осуществления преступными группами посткриминальной деятельности:

- противодействие раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и судебному разбирательству, а также иным сферам правоприменения в полном составе;

- противодействие раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и судебному разбирательству, а также иным сферам правоприменения, за исключением одного субъекта, который содействует раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (либо проявляет признаки, указывающие на стремление к такой деятельности);

- раздробление такой группы одновременно на:

а) группы противодействия раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и судебному разбирательству,

б) группы содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

- содействие раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и судебному разбирательству, а также иным сферам правоприменения [18], за исключением одного или нескольких субъектов, которые содействуют раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (либо проявляет признаки, указывающие на стремление к такой деятельности);

- содействие раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и судебному разбирательству;

- безразличная и уликовая деятельность и поведение.

6. По реализации распределения ролей в группах, осуществляющих посткриминальную деятельность:

- лидером;
- теневым лидером;
- совместно всеми участниками;
- иное.

7. По зависимости посткриминальной деятельности группы от лидера:

- полностью зависит,
- частично,
- не зависит.

8. По позиции субъектов, входящих в группу, в посткриминальной деятельности:

- согласуется с деятельностью группы;
- носит индивидуальный характер.

9. По выполнению норм посткриминального поведения в группе:

- полностью и всеми участниками;
- не полностью;
- не выполняются, т. к. отсутствуют.

10. По степени и характеру знакомства:

- все участники знакомы между собой;
- частично знакомы;
- малознакомы.

11. По наличию преступного и связанного с ним посткриминального опыта деятельности:

- все участники группы имеют такие навыки;

- некоторые участники группы имеют такие навыки;

- такие навыки отсутствуют у участников групповой посткриминальной деятельности.

12. По вовлеченности в посткриминальную деятельность группы:

- недобросовестных адвокатов;

- коррупционеров из правоохранительных органов;

- представителей власти.

В международном аспекте проблема вовлечения таких субъектов и противодействия (воспрепятствования) правосудию достаточно интересно рассмотрена Saldi Isra, Yuliandri, Feri Amsari, Hilaire Tegnau, которые, опираясь на эмпирические данные, установили, что действие считается препятствующим отправлению правосудия, если оно совершено намеренно, чтобы помешать процессу судебного разбирательства идти гладко. Любой человек может совершить акт, препятствующий отправлению правосудия, но обычно в Индонезии он совершается при поддержке состоятельных людей – представителей властных структур (правительства, законодательных органов), сотрудников правоохранительных органов и юристов [19].

13. По времени существования групповой посткриминальной деятельности: до 10 дней, до месяца, до трех месяцев, до года, более года.

14. По содержанию способов групповой посткриминальной деятельности:

- способы организованного противодействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

– способы организованного содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

– разрозненные способы или отдельные приемы противодействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

– разрозненные способы или отдельные приемы содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

– разрозненные способы или отдельные приемы как противодействия, так и содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

15. По количеству способов групповой посткриминальной деятельности:

– способы организованного противодействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: а) от 1 до 3; б) от 3 до 5; в) более 5;

– способы организованного содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: а) от 1 до 3; б) от 3 до 5; в) более 5;

– разрозненные способы или отдельные приемы противодействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: а) от 1 до 3; б) от 3 до 5; в) более 5;

– разрозненные способы или отдельные приемы содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: а) от 1 до 3; б) от 3 до 5; в) более 5;

– разрозненные способы или отдельные приемы как противодействия, так и содействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений: а) от 1 до 3; б) от 3 до 5; в) более 5.

16. По линии посткриминального противодействия в преступной группе:

– непризнание вины всеми участниками группы;

– признание вины только одним или несколькими участниками группы;

– признание вины всеми участниками группы за исключением лидера;

– полное признание вины всеми участниками группы [20; 21; 22].

Посткриминальная деятельность лиц имеет важное значение для раскрытия и расследования преступлений, при этом более 45 % респондентов отметили, что оно наиболее значимо по отношению к субъекту преступления и связанным с ним лицам. Более 30 % указали

на значение такой деятельности и поведения у жертвы (потерпевшего), менее 20 % – у очевидцев и свидетелей. Субъекты раскрытия и расследования преступлений (7,74 %) рассматривают проблемы посткриминальной деятельности и поведения в совокупности тех или иных лиц. Так, на вопрос о степени влияния вида посткриминальной деятельности на раскрытие и расследование преступления были получены следующие результаты:

– посткриминальная деятельность субъекта преступления и связанных с ним лиц: наиболее значимо – 134 чел. (45,12 %);

– посткриминальная деятельность жертвы (потерпевшего): наиболее значимо – 92 чел. (30,98 %);

– посткриминальная деятельность очевидцев (свидетелей): наиболее значимо – 48 чел. (16,16 %);

– посткриминальная деятельность совокупности всех лиц, так или иначе связанных с преступной деятельностью: наиболее значимо – 23 чел. (7,74 %);

– посткриминальная деятельность совокупности всех лиц, так или иначе связанных с преступной деятельностью, никак или незначительно влияет на эффективность раскрытия и расследования преступлений – 0 чел.

Из 23 респондентов, указавших на значение всей совокупности, 19 человек являются следователями, остальные – дознавателями, но их опыт в раскрытии и расследовании преступлений составляет 3 и менее лет. Первоначальная посткриминальная деятельность субъекта преступления включает в себя по степени распространенности следующие способы деятельности: негативные (76 %), позитивные (16,6 %), безразличные (6,5 %), псевдопозитивные (0,9 %). В среднем для приготовления к своей посткриминальной деятельности используются 2–3 действия, некоторые содержат комбинации, состоящие из 20 и более видов и разновидностей.

Итак, исходя из полученной классификации группы как субъекта посткриминальной деятельности, можно сделать следующие выводы:

1. Умысел, степень организованности, состав участников, направленность, характеристика отдельных лиц и ряд других групп-признаков группового субъекта посткриминальной деятельности определяют

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

закономерности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

2. Количество способов групповой посткриминальной деятельности и их качественные характеристики гораздо выше, нежели у

субъектов-одиночек посткриминальной деятельности.

3. В большинстве случаев групповая посткриминальная деятельность зависит от лидера или совместного сговора участников.

Литература

1. Замылин Е.И. Критерии разграничения (классификация) жертв посткриминального воздействия // Вестник ВИ МВД России. 2013. № 2.

2. Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение личности (ответственность и стимулирование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1993.

3. Авдеев В.А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

4. Правовая природа посткриминального поведения личности / О.А. Шуранова, А.Н. Павлухин, Н.И. Полищук и др. М., 2016.

5. Полищук Н.И. Роль посткриминального поведения в уголовном и уголовно-процессуальном праве // Человек: преступление и наказание: Вестн. Академии права и управления Минюста России. 2003. № 2.

6. Расследование организации преступного сообщества (преступной организации): учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Д.И. Аминова, Н.Д. Эриашвили. М., 2015.

7. Яблоков Н.П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования: учеб. пособие. М., 2016.

8. Лукашевич В.Г. Криминалистические аспекты изучения преступных групп: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979.

9. Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент, 1991.

10. Быков В.М. Особенности расследования групповых преступлений // Расследование отдельных видов преступлений. М., 1995.

10. Яблоков Н.П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования: учеб. пособие. М., 2016.

11. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие

Bibliography

1. Zamylin E.I. Criteria of differentiation (classification) of victims of post-criminal impact // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2.

2. Zvecharovsky I.E. Post-criminal behavior of the individual (responsibility and stimulation): diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 1993.

3. Avdeev V.A. Legal regulation of post-criminal behavior of minors: diss. ... Dr of Law. Yekaterinburg, 2002.

4. The legal nature of post-behavior of the individual / O.A. Shuranova, A.N. Pavlukhin, N.A. Polishchuk, etc. Moscow, 2016.

5. Polishchuk N. The role of post-behavior in criminal and criminal procedural law // Man: crime and punishment: Vestn. Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia. 2003. № 2.

6. Investigation of the organization of a criminal community (criminal organization): textbook for university students studying in the field of Law/ ed. by D.I. Aminov, N.D. Eriashvili. Moscow, 2015.

7. Yablokov N.P. Organized criminal activity: theory and practice of investigation: textbook. Moscow, 2016.

8. Lukashovich V.G. Criminalistic aspects of the study of criminal groups: author abstract ... Cand. of Law. Moscow, 1979.

9. Bykov V.M. Criminal group: criminalistic problems. Tashkent, 1991.

10. Bykov V.M. Features of the investigation of group crimes // Investigation of certain types of crimes. Moscow, 1995.

10. Yablokov N.P. Organized criminal activity: theory and practice of investigation: textbook. manual. Moscow, 2016.

11. Volynsky A.F., Lavrov V.P. Organized counteraction to the disclosure and investigation of crimes (problems of theory and practice) // Organized counteraction to the investigation of crimes and measures to neutralize it: materials of the scientific and practical conference (October 29–30, 1996). Moscow, 1997.

расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (29–30 октября 1996 г.). М., 1997.

12. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2006.

13. Тишутина И.В. О развитии криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-1.

14. Варданян А.В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1(92).

15. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юрист-Правоведь. 2020. № 1(92).

16. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.

17. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2(32).

18. Андреев А.С. Адаптивное противодействие правоприменению: понятие, обзор, постановка проблемы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6 (ч. 2).

19. Saldi Isra, Yuliandri, Feri Amsari, Hilaire Tegnan. Obstruction of justice in the effort to eradicate corruption in Indonesia // International Journal of Law, Crime and Justice. 2017. Vol. 51.

12. Babaeva E.Yu. Problems of theory and practice of overcoming counteraction to criminal prosecution. Moscow, 2006.

13. Tishutina I.V. On the development of the criminalistic theory of overcoming counteraction to the investigation of crimes // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2010. № 2-1.

14. Vardanyan A.V. Criminalistic knowledge of post-criminal activity: problems of formation and development // Philosophy of Law. 2020. № 1(92).

15. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Yurist-Pravoved. 2020. № 1(92).

16. Vardanyan A.V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.

17. Vardanyan A.V. Criminalistic characteristics of post-criminal activity in cases of crimes in the field of information technology // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 2(32).

18. Andreev A.S. Adaptive counteraction to law enforcement: concept, review, problem statement // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 6 (Part 2).

19. Saldi Isra, Yuliandri, Feri Amsari, Hilaire Tegnan. Obstruction of Justice in Efforts to Eradicate Corruption in Indonesia // International Journal of Law, Crime and Justice. 2017. Vol. 51.

Бабенко Светлана Владимировна
Babenko Svetlana Vladimirovna

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону,
кандидат юридических наук.
E-mail: babenkoosokina@yandex.ru

Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice in Rostov-on-Don, PhD in Law.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitry Nikolaevich

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: dntishkin@list.ru

Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ:
ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

**Development strategy of modern criminal law policy of Russia in the field
of anti-corruption: law enforcement issues**

В статье на основе анализа отдельных аспектов реализации полномочий прокурора по надзору за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции и с учетом опыта зарубежных стран (на примере КНР) обосновывается необходимость внедрения в отечественное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц за преступления коррупционной направленности. Основываясь на отечественной правоприменительной практике в сфере борьбы с коррупцией, авторы аргументируют целесообразность некоторых законодательных инноваций, позволяющих расширить объем полномочий прокурора, наделив его в том числе правом на возбуждение уголовного дела.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, прокурорский надзор, меры прокурорского реагирования, процессуальные полномочия прокурора, законодательство о противодействии коррупции, коррупционные проявления, уголовная ответственность юридических лиц, конфискация имущества.

The article, based on the analysis of certain aspects of the implementation of the prosecutor's powers to supervise the implementation of legislation in the field of anti-corruption and taking into account the experience of foreign countries (using the example of the PRC), justifies the necessity to introduce into domestic law the institution of criminal liability of legal entities for corruption-related crimes. Based on domestic law enforcement practice in the field of combating corruption, the authors argue the appropriateness of some legislative innovations that allow expanding the scope of the prosecutor's powers, including giving him the right to initiate criminal proceedings.

Keywords: criminal law policy, prosecutorial supervision, prosecutorial response measures, procedural powers of the prosecutor, anti-corruption legislation, corruption manifestations, criminal liability of legal entities, confiscation of property.

Органы прокуратуры Российской Федерации являются одним из государственно-правовых институтов, осуществляющих деятельность по противодействию коррупции. Они наделены комплексом правовых средств, обеспечивающих защиту прав и

законных интересов общества и государства.

Так, Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее –

ФЗ № 230) [1] наделил Генеральную прокуратуру РФ полномочиями по контролю за соответствием расходов работников организаций государственного сектора их доходам. С момента принятия указанного закона судами по искам прокуроров удовлетворено 46 тыс. заявлений из 76 тыс., «в доход государства обращены объекты имущества, в отношении которого чиновниками не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы, общей стоимостью более чем 11 млрд руб.» [2].

При проверке уровня доходов и наличия имущества у госслужащих прокуроры не имеют необходимого объема полномочий по проверке банковских счетов и реестров имущества, раскрывающих финансовое положение проверяемого сотрудника, что создает препятствие не только для проведения комплекса проверочных мероприятий, но и лишает прокуроров возможности своевременно реагировать на нарушения закона [3, с. 246–248].

Так, еще в январе 2016 года члены Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции обратили внимание на необходимость совершенствования такого антикоррупционного механизма, как «изъятие и обращение в доход государства имущества, приобретенного на незаконные или сомнительные деньги» [4].

По данным статистики, в 2021 году прокурорами выявлено более 690 тыс. нарушений в сфере экономики, к ответственности привлечено 138 тыс. должностных лиц, более 18 тыс. из них предостережены о недопустимости нарушений закона, в суды общей юрисдикции направлено более 50 тыс. исков и заявлений» [2].

Результаты прокурорских проверок показали, что большинство выявленных фактов коррупционных правонарушений связаны с распоряжением полученными из бюджета средствами и госимуществом при осуществлении госзакупок, а также предоставлением государственных и муниципальных услуг.

Так, Генпрокуратура РФ обратилась в суд с иском об обращении имущества бывшего заместителя руководителя Управления Росрезерва по Сибирскому федеральному округу в доход Российской Федерации. Основанием явились материалы уголовного дела в отношении экс-чиновника, согласно которым послед-

ний, занимая названную должность, отнесенную Указом Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1534 [5] к высшей группе должностей федеральной государственной гражданской службы, не представил сведений, подтверждающих приобретение и владение объектами недвижимого имущества, транспортными средствами, предметами роскоши и денежными средствами на общую сумму более 120 млн руб. Решением суда исковые требования прокурора удовлетворены, имущество чиновника и его денежные средства обращены в доход государства [6].

Аналогичное решение принято районным судом г. Москвы по иску надзорного ведомства в отношении имущества бывшего заместителя начальника Управления «Г» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России Д. Захарченко, который «с целью ухода от необходимости декларирования принадлежащего ему имущества скрывал информацию о нем путем регистрации имущества на фиктивных владельцев, в качестве которых выступали его родственники и доверенные лица. Для перевозки ценностей Захарченко использовал транспортные средства, зарегистрированные на третьих лиц» [7]. На основании судебного решения крупные денежные суммы в национальной валюте, в долларах США и евро, исчисляемые миллионами, а также жилые и нежилые помещения и автотранспортные средства обращены в доход Российского государства [7].

Несмотря на положительные тенденции, которые складываются в судебной практике по делам о противодействии коррупции, все же следует отметить, что на сегодняшний день механизм изъятия и обращения в доход государства имущества, которое приобретено на незаконные или сомнительные доходы, фактически отсутствует.

Как уже отмечалось выше, одним из распространенных видов нарушений со стороны чиновников является недостоверное декларирование сведений о своем имуществе и сделках с ним. Так, при подаче деклараций о доходах и расходах госслужащие совершают умышленные действия по сокрытию имущества и денежных средств, перечисляя их на счета других лиц, которые не подлежат проверке, и (или) передают им объекты своего

недвижимого имущества по фиктивным договорам дарения или купли-продажи.

В этом смысле интерес представляет следующий пример. Прокурор обратился в суд к В.С., замещающей должность специалиста-эксперта отдела учета и работы с налогоплательщиками инспекции ФНС, и ее супругу В.Р. с заявлением об обращении имущества в доход Российской Федерации. Судом установлено, что на основании договора купли-продажи супруги приобрели по 1/2 доли в праве собственности на земельный участок и жилой дом. В сентябре 2014 года гр-н В.Р. приобрел автомобиль стоимостью более 1 млн руб. В ноябре этого же года В.С. и В.Р. заключили брак. Отказывая в удовлетворении исковых требований прокурора суд мотивировал свое решение тем, что действующее законодательство не предусматривает возможности осуществления контроля за расходами лица, произведенными им до вступления в брак с лицом, в отношении которого осуществляется контроль за расходами, в течение отчетного периода, но до вступления в брак с этим лицом, а следовательно, п.п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ применению не подлежит [2].

Показательным является также случай, когда пять служащих Департамента государственного имущества и земельных отношений Забайкальского края (далее – Департамент), а также Государственной службы по охране объектов культурного наследия Забайкальского края (далее – Служба) привлечены к дисциплинарной ответственности за недостоверные сведения о доходах и имуществе. Прокурорская проверка установила, что директор одного из учреждений, подчиняющихся краевому Департаменту госимущества, не указал доход, превышающий 800 тыс. рублей. Эти деньги он получил от продажи автомобиля в 2018 г. Выявлены также случаи, когда госслужащие не указывали автомобили, которыми владеют их супруги, и занижали полученные доходы. Расхождения представленных ими сведений с данными налоговых органов и краевого отделения Пенсионного фонда составили от 23 до 220 тыс. руб. По результатам проверки прокуратура внесла два представления в Департамент и Службу, по которым приняты меры к устранению нарушений [2].

Таким образом, основываясь на анализе правоприменительной практики, полага-

ем целесообразным внести изменения в ФЗ № 230 – расширить круг субъектов, в отношении которых необходимо проводить проверку их доходов и расходов. К их числу следует отнести, кроме супруга (супругов) и несовершеннолетних детей, иных членов семьи госслужащего (родителей, родных братьев, сестер).

Так, в августе 2020 года проведена прокурорская проверка в отношении главы одного из региональных департаментов архитектуры и строительной политики гр-на С. о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного законом о противодействии коррупции. Как стало известно суду в рамках бракоразводного процесса экс-супругов, у бывшего чиновника не только открыт расчетный счет в Испании, но и то, что последний является владельцем дорогостоящей недвижимости и долями в компаниях, которые он оформил на свою мать и тетю, владеющих земельными участками и зданиями, а также долями в других компаниях [8].

В целом стоит отметить, что факты коррупции, вскрытые в том числе в ходе прокурорских проверок, стали основанием для возбуждения более 6 500 тыс. уголовных дел. Большая часть нарушений законодательства в сфере экономики, выявленных прокурорами в 2021 году, касается ненадлежащего исполнения госслужащими обязанностей по декларированию доходов, расходов и имущества, а также «несоблюдения запрета на владение и пользование иностранными финансовыми инструментами и занятием предпринимательской деятельностью, в том числе участием в управлении коммерческими организациями. Такие нарушения составили более 20 % из общего количества всех выявленных прокурорами нарушений антикоррупционного законодательства» [2].

В целом «число выявленных коррупционных преступлений практически не меняется и составляет около 30 тыс. в год. Доля коррупционной преступности в общей массе регистрируемых преступлений также остается практически неизменной: в 2018–2020 гг. – 1,5 %» [2], в 2021 году преступления коррупционной направленности составили около 12 % (30,9 тыс.). Почти «28 тыс. преступлений экономической направленности совершены в крупном и особо крупном размере. Материальный ущерб, оцененный на досудебной стадии, превысил

577,7 млрд руб.» Путем добровольного погашения, изъятия имущества (денег, ценностей), а также с учетом принятых мер в виде наложения ареста на активы обеспечено его возмещение почти на 76 %, или 437,2 млрд руб. (за аналогичный период 2020 года – 49 %) [9].

Так, приговором районного суда к уголовной ответственности за совершение 8 эпизодов коррупционного преступления к реальному лишению свободы осужден генеральный директор Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства Баунтовского района за присвоение 12 млн руб. бюджетных средств [2].

В 2019 году подразделениями Следственного комитета РФ в суды направлено свыше 8 тыс. коррупционных дел, по которым 479 лиц, имеющих особый правовой статус, привлечены к уголовной ответственности [2].

Обращаясь к международному опыту, отметим, что в 2021 году в Китае стартовала первая глобальная операция по розыску скрывающихся за границей лиц, подозреваемых в совершении должностных преступлений, и возврату похищенных ими средств, которая проводилась совместно несколькими органами, включая Национальную надзорную комиссию, занимавшуюся «охотой» на беглецов и изъятием незаконных активов, Верховный народный суд, устанавливающий место размещения незаконных или спрятанных активов, а также Министерство общественной безопасности КНР. В 2020 году «в общей сложности 1 421 человек, скрывавшиеся за границей от правосудия, были доставлены в Китай, в казну страны было возвращено около 2,95 млрд юаней (около 456 млн долл. США), незаконно присвоенных указанными лицами» [10].

Следует отметить, что в Китае действует чрезвычайно жесткое антикоррупционное законодательство, предусматривающее наказание вплоть до смертной казни, причем существуют два вида смертных приговоров: с немедленным приведением в исполнение и с отсрочкой до двух лет [11, с. 25–31].

Принуждение к исполнению закона в Китае регулируется в том числе законом об организации народных прокуратур. Так, с января по ноябрь 2019 года органы прокуратуры Китая рассмотрели 609 случаев, связанных с преступлениями судебного персонала. При поддержке дисциплинарной инспекции и надзорных органов страны всех уровней в общей

сложности 795 человек судебного персонала попали под следствие. По словам представителя прокуратуры Хао Яхуэя, «органы прокуратуры по всему Китаю за прошедший год сфокусировались на расследовании преступлений судей, которые представляли “крышу – преступным группировкам» [12].

Интересно, что в законодательстве более чем в 50 странах мира одной из составляющих борьбы с коррупцией является установление уголовной ответственности юридических лиц, что обусловлено ростом и масштабами коррупционных преступлений, которые совершаются физическими лицами от имени или за счет либо в интересах юридических лиц.

В России возможность привлечения к ответственности юридических лиц за совершение деяний коррупционной направленности предусмотрена лишь по ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица).

Анализ практики применения положений названной статьи административного законодательства показал, что в 2018 году судами общей юрисдикции Российской Федерации рассмотрено 689 дел, в 2019 году – 485 дел, в 2020 году – менее 450 дел, правонарушения по которым выражались в основном в совершении таких действий (бездействий), как «предоставление преимуществ в ходе разрешительных процедур, содействие в заключении различных договоров, в том числе госконтрактов, подписание актов приемки выполненных работ по договорам, неприменение мер принудительного исполнения» [13].

Сравнительно-правовой анализ опыта зарубежных стран позволяет прийти к выводу о необходимости введения в отечественное законодательство уголовной ответственности для юридических лиц за преступления в рассматриваемой сфере.

Полагаем, не следует судить об уровне коррупции, основываясь только на статистических показателях, поскольку преступления в указанной сфере латентны и требуют проведения комплекса целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий. Следовательно, каждый, исходя из своих возможностей, должен позаботиться о том, чтобы посторонние не могли влиять на принятие им важных решений, стиль работы должен быть открытым и понятным для всех.

В рамках исследуемой темы необходимо также отметить, что качество проводимых проверок и их эффективность во многом определяются уровнем подготовки сотрудников прокуратуры, их профессионализмом, который сегодня не всегда соответствует предъявляемым требованиям, а главное концептуально не позволяют осуществить заложенную еще Петром I базисную функцию объективного «ока государева».

Так, в декабре 2020 года и в мае 2021 года транспортной прокуратурой (г. Ростов-на-Дону) в адрес начальника таможен внесены представления об устранении нарушений законодательства о противодействии коррупции, в которых содержалась информация о клиентах, банковских счетах и вкладах более 30 физических лиц – сотрудников таможен. Данные сведения, которые являются банковской тайной, стали известны широкому кругу третьих лиц (представление было зарегистрировано, разослано на таможенные посты соответствующей таможни и т. д.), что недопустимо без согласия владельцев и корреспондентов счетов или их представителей [14]. Таким образом, названные выше представления вынесены надзорным ведомством с грубым нарушением требований ч. 2 ст. 857 ГК РФ, ч. 17 ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 [15], а также ч. 5 ст. 7.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ [16].

Кроме того, весьма сомнительной представляется ссылка в представлениях транспортного прокурора на Указ Президента РФ от 18 мая 2009 года № 557 (далее – Указ № 557) [17] и приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС России) от 20 августа 2013 года № 1572 [18], которые, по его мнению, были нарушены 31 сотрудником таможни, замещавшими должности государственного таможенного инспектора (старшего, главного), при предоставлении сведений о своих доходах. Между тем в п. 13 Перечня, утвержденного Указом № 557, должность ФТС России, при замещении которой госслужащие обязаны представлять сведения о своих доходах, должности старшего и главного государственных таможенных инспекторов отсутствуют, как и в названном выше приказе ФТС России № 1572 (действовал до 15.11.2021), что свидетельствует о явных признаках недостоверности изложенной в пред-

ставлениях информации и служит причиной для их отзыва [14].

Таким образом, практический аспект исследования позволяет сделать выводы о том, что в силу возможной некомпетентности или поверхностного знания законодательства о противодействии коррупции сотрудниками надзорного ведомства допускаются нарушения требований федерального законодательства при проведении надзорных проверок. Другой причиной некорректного применения мер прокурорского реагирования «может являться многократно раскритикованная, но возможно существующая по настоящее время система показателей», подталкивающая прокуроров к применению этих мер не в случаях объективной необходимости, т. е. для устранения выявленных нарушений закона, а в «целях повышения количественных показателей своей деятельности» [19, с. 178].

Подводя итог, отметим, что существующая в российском законодательстве коллизия норм и их несогласованность нуждаются в законодательном регулировании. Кроме того, необходимо не только повышать уровень подготовки сотрудников, осуществляющих надзорные мероприятия с предъявлением к последним жестких мер персональной ответственности за качество и эффективность проводимых проверок в названной сфере, но и совершенствовать механизм их осуществления, а также производства предварительного расследования и отправления правосудия по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. В связи с этим действенной мерой реагирования в указанной сфере будет являться право прокурора на возбуждение уголовного дела. Полагаем необходимым п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ изложить в редакции, которая будет содержать такое право по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

Аналогичные изменения следует внести и в ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ», закрепив в ней положение о том, что принятое решение о возбуждении уголовного дела прокурор незамедлительно направляет для производства предварительного расследования следователю Следственного комитета Российской Федерации [20, с. 40–41].

Кроме того, в целях совершенствования механизма уголовного судопроизводства

полагаем необходимым выработать четкую систему нормативно-правового регулирования, решить вопрос о применении к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности, и членам их семей (и не только в отношении имущества супруга (супругов) и несовершеннолетних детей, но и в отношении родителей, родных братьев, сестер и иных членов семьи) конфискацию имущества, приобретенного на доходы, легальность происхождения которых не подтверждена, в доход Российской Федерации. В этих целях внести изменения в ст. 44 и ч. 3 ст. 45 УК РФ, закрепив положение о том, что конфискация имуществ-

ва должна применяться в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Возможно, будет политически и стратегически целесообразным усиление предлагаемых законодательных новаций за счет легитимации: «института расширенной конфискации, при котором на обвиняемого легитимно возложено обязательство по доказыванию законности приобретенных им активов» [21]; уголовной ответственности юридических лиц с целью репатриации российского капитала, оказавшегося за рубежом различными способами, включая криминальные.

Литература

1. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
2. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (дата обращения: 15.09.2021).
3. Жданов И.Д. Актуальные проблемы участия прокуратуры в противодействии коррупционным правонарушениям // Молодой ученый. 2017. № 15.
4. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 15.09.2021).
5. О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31 дек. 2005 г. № 1574 (ред. от 29.10.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. URL: <http://zaelcovsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Решение Никулинского суда об обращении в доход государства имущества Д. Захарченко [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <http://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.09.2021).
8. URL: <https://abireg.ru/newsitem/83024/> (дата обращения: 15.09.2021).
9. У нас должна быть обратная связь с людьми: интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова газете «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: <https://kommersant.ru> (дата обращения: 15.09.2021).

Bibliography

1. On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income: fed. law d.d. Dec. 3, 2012 № 230-FL (as amended on Dec. 30, 2020). Access from reference legal system «Consultant-Plus».
2. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (date of access: 15.09.2021).
3. Zhdanov I.D. Actual problems of the participation of the prosecutor's office in counteracting corruption offenses // Young scientist. 2017. № 15.
4. URL: <http://www.kremlin.ru> (date of access: 15.09.2021).
5. On the Register of positions of the federal state civil service: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 31, 2005 № 1574 (as amended on Oct. 29, 2021). Access from reference legal system «ConsultantPlus».
6. URL: <http://zaelcovsky.nsk.sudrf.ru/> (date of access: 15.09.2021).
7. Decision of the Nikulinsky court on the transfer of D. Zakharchenko's property to the state revenue [Electronic resource] // Official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <http://mos-gorsud.ru> (date of access: 15.09.2021).
8. URL: <https://abireg.ru/newsitem/83024/> (date of access: 15.09.2021).
9. We must have feedback from people: Interview of the Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov to the Kommersant [Electronic resource]. URL: <https://kommersant.ru> (date of access: 15.09.2021).
10. URL: <https://news.invest.kz> news. invest.kz... (date of access: 15.09.2021).

10. URL: <http://news.invest.kz> news.invest.kz>... (дата обращения: 15.09.2021).
11. Кобец П.Н. Особенности противодействия в Китае // *Безопасность бизнеса*. 2017. № 5.
12. URL: <https://regnum.ru/news/2943529.html> (дата обращения: 15.09.2021).
13. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29109/> (дата обращения: 15.09.2021).
14. Ответ Южной транспортной прокуратуры на обращение С.В. Бабенко о нарушениях требований федерального законодательства.
15. URL: <https://base.garant.ru/10105800/> (дата обращения: 15.09.2021).
16. URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 15.09.2021).
17. URL: <https://base.garant.ru/195552/> (дата обращения: 15.09.2021).
18. URL: <https://base.garant.ru/70453388/> (дата обращения: 15.09.2021).
19. Тишкин П.Н., Тишкин Д.Н. Предостережение прокурора о недопустимости нарушений закона: диссонанс замысла и исполнения // *Юристы-Правоведы*. 2019. № 4(91).
20. Бабенко С.В. Реализация процессуальных полномочий прокурора в досудебном производстве // *Законность*. 2019. № 12(1022).
21. Плясов К.А., Тишкин Д.Н. Политико-правовые аспекты борьбы с организованной преступностью и ее коррупционной составляющей как элемент укрепления национальной безопасности современной России // *Философия права*. 2019. № 1(88).
11. Kobets P.N. Features of counteraction in China // *Security of business*. 2017. № 5.
12. URL: <https://regnum.ru/news/2943529.html> (date of access: 15.09.2021).
13. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29109/> (date of access: 15.09.2021).
14. Answer of the Southern Transport Prosecutor's Office to the appeal of Babenko S.V. for violations of federal law.
15. URL: <https://base.garant.ru/10105800/> (date of access: 15.09.2021).
16. URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (date of access: 15.09.2021).
17. URL: <https://base.garant.ru/195552/> (date of access: 15.09.2021).
18. URL: <https://base.garant.ru/70453388/> (date of access: 15.09.2021).
19. Tishkin P.N., Tishkin D.N. Prosecutor's warning about the inadmissibility of violations of the law: the dissonance of design and execution // *Yurist-Pravoved*. 2019. № 4(91).
20. Babenko S.V. Implementation of procedural powers of the prosecutor in pre-trial proceedings // *Legality*. 2019. № 12(1022).
21. Plyasov K.A., Tishkin D.N. Political and legal aspects of the fight against organized crime and its corruption component as an element of strengthening the national security of modern Russia // *Philosophy of Law*. 2019. № 1(88).

Григорян Давид Кромвелович
Grigoryan David Kromvelovich

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук.
E-mail: davo-davo23@mail.ru

Associate Professor, Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.

Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminal Procedure, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law.

Ищенко Галина Константиновна
Ishchenko Galina Konstantinovna

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук.
E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

Associate Professor, Department of Criminal Law and Forensic Science, the Don State Technical University, PhD in Law.

**К ВОПРОСУ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ
И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ**

On the issue of abuse of the bodies of the deceased and their burial places

Акцентируется внимание на различных подходах к квалификации таких преступлений, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Анализируются примеры совершения данных преступлений, рассматриваются криминологические особенности личности преступников. Обосновывается выбор приоритетных направлений борьбы с такого рода преступными проявлениями и эффективных мер по их предупреждению.

Ключевые слова: надругательство, преступление, закон, ответственность, общественная опасность, общество, государство.

Attention is focused on different approaches to the characterization of crimes such as abuse of the bodies of the deceased and their places of burial. Examples of the commission of these crimes are analyzed, criminological features of the identity of criminals are considered. The choice of priorities for combating such criminal manifestations and effective measures to prevent them are justified.

Keywords: abuse, crime, law, responsibility, public danger, society, state.

Надругательства над телами умерших и местами их захоронения – это негативные аморальные и противоправные деяния, которые практически всегда вызывают широкий общественный резонанс, потому что посягают не только на общепринятые охраняемые государством блага и ценности, но и такие общечеловеческие категории, как уважение к традициям, памяти предков, патриотизм и др.

Данные преступные проявления существовали всегда, однако в XXI веке они фактически

превратились в «новую социальную болезнь», которая объединила нравственную деградацию отдельных групп граждан, асоциальный образ жизни, социальную дезориентацию, хулиганские, экстремистские и низменные побуждения.

Несмотря на широкий общественный резонанс и данные официальной статистики, в уголовно-правовой практике уголовная статья, предусматривающая ответственность за анализируемые преступления, в последнее время активно не применяется.

Криминогенная обстановка на территории Ростовской области характеризуется следующими статистическими показателями: в 2021 году зарегистрировано 3 преступления по линии дознания, из них ни одно в суд не направлено; в 2020 году – 6 преступлений по линии дознания и 1 по линии следствия, которое направлено в суд Тарасовского района; в 2019 году – 7 преступлений, только 2 из которых направлены в суд: одно преступление по линии дознания в г. Донецке и одно преступление по линии следствия в Куйбышевском районе. Для сравнения на федеральном уровне в Российской Федерации в 2020 году осуждено 22 человека по ч. 1 ст. 244 УК РФ и 7 человек по ч. 2 ст. 244 УК РФ [1].

Анализ статистических показателей позволяет сделать вывод о том, что они не отражают реальной криминогенной ситуации. Более того, приведенные цифры не несут системности, т. к. все преступления зарегистрированы не в областном центре, а в небольших городах.

Важный фактор, что как в уголовном законодательстве в целом, так и в уголовно-правовой науке в частности отсутствует точное толкование такой дефиниции, как «надругательство». По мнению В.А. Джемелинского, под надругательством над телами умерших и местами их захоронения следует понимать: «совокупность активных действий в отношении захороненных (незахороненных) человеческих останков, нарушающих обычаи, традиции и установленный обрядами порядок погребения и поминовения умерших, оскорбляющих память об умерших и (или) чувства их близких и совершаемых в целях, не одобряемых обществом» [2].

Преступные действия лица следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ, если они совершаются по отношению к лицу, которое считается умершим, умершему, который может быть как захоронен, так и не захоронен, месту захоронения, а также если цель совершения данных деяний аморальна и не одобряема обществом либо они оскорбляют память об умерших.

Необходимо отметить, что в последнее время получили распространение и другие проявления этого преступного поведения. Так, в 2021 году в подмосковном Можайске задержаны двое мужчин 38 и 40 лет по подозрению в надругательстве над местом захоронения у

Вечного огня. Как сообщила начальник пресс-службы Главного управления МВД России по Московской области Татьяна Петрова, во время мониторинга записей системы видеонаблюдения были замечены двое мужчин, которые распивали спиртные напитки, ели и грелись у огня на мемориале «Вечный огонь» [3]. В отношении правонарушителей возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ.

Заметим, что «выходки» у мемориальных комплексов происходят все чаще. Приведем несколько таких случаев, зафиксированных в 2020 году:

1. В Санкт-Петербурге разыскивали неизвестных, которые забросали снегом Вечный огонь на Марсовом поле. Ранее женщина закидала место памяти бутылками, а Вечный огонь залила газировкой. Задержанная призналась, что на такой поступок ее толкнули жизненные трудности: «Пыталась заглушить боль и свои страхи».

2. В Пензе две школьницы 13 и 15 лет грели руки, ноги и другие части тела у Вечного огня на Мемориале воинской и трудовой Славы, происходящее транслировали в социальной сети, комментируя свои действия нецензурной бранью.

3. Кронштадтским судом Петербурга признаны виновными трое граждан, которые жарили сосиски у памятника «Вечный огонь над братской могилой рабочих и матросов» и снимала все на видео.

4. В Костроме школьники забавлялись, поджигая на мемориале петарды.

Что грозит за подобные деяния у Вечного огня и почему символ скорби о павших в Великой Отечественной войне далеко не у всех вызывает уважение?

В судебной практике есть примеры разной квалификации схожих противоправных действий, совершенных в отношении Вечного огня. Так, в 2017 году в Орловской области два брата признаны виновными и осуждены за вандализм, совершенный группой лиц, а именно за то, что бросали в Вечный огонь бутылки, а затем потушили пламя, справляя нужду. В 2020 году в Тюмени мужчина за аналогичные действия – бросал в Вечный огонь мусор, прикуривал сигареты, ставил ноги на мемориал привлечен к административной ответственности и признан виновным в мелком хулиганстве. Ему назначи-

ли административное наказание в виде административного ареста сроком на семь суток [4].

Столь разный подход правоприменителя не объясним с точки зрения законодательства. Конечно, объективная сторона уголовно наказуемых преступлений – надругательства, вандализма и административного правонарушения «мелкое хулиганство» схожая. Помимо надругательства, в объективной стороне ст. 244 УК РФ коррелируют и другие понятия, которые формируют состав этого преступления, например «уничтожение мест захоронения», которое означает полное или частичное повреждение памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, характеризуется также понятием «осквернение» – «нанесение непристойных надписей, рисунков, оскорбительных символов на надмогильных сооружениях, стенах церемониальных кладбищенских зданий, а также совершение непристойных, глумливых действий на указанных зданиях и непосредственно возле них, если сами действия или их последствия воспринимались другими лицами» [5]. Данные противоправные действия зачастую выступают формой проявления экстремизма, а правонарушители представляют различные религиозные течения и культы. В таких случаях основным мотивом совершения преступлений является религиозный [5].

Важно отметить, что предметом преступлений данного вида являются не только тела умерших и места их захоронения, но и «надмогильные сооружения, кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением» [6].

Анализируемые противоправные деяния относятся к главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а следовательно, прямо посягают на нравственную составляющую человеческой сущности. Под общественной нравственностью стоит понимать исторически сложившуюся в конкретной группе, обществе или объединении совокупность норм, которая воспринимается их большей частью для защиты прав и свобод человека и гражданина от противоправных и иных посягательств. Такие преступления имеют широкий общественный резонанс.

В качестве примера хотелось бы описать случай, произошедший в Новочеркасске Ростовской области. В ноябре 2014 года трое студентов Новочеркасского колледжа промышленных технологий и управления в возрасте 17, 18, 19 лет надругались над телом умершей 84-летней женщины, похороненной в январе этого же года. Предварительно выкопав тело женщины, трое студентов отрезали ей голову и пальцы, сложили их в сумку и засыпали захоронение землей. После этого, придя в общежитие колледжа, студенты сложили части трупа под кровать, а позже разделали их и сварили, для того чтобы отделить кости от кожи. Проживающие в общежитии начали жаловаться на невыносимый запах в помещении и вызвали полицию. Сотрудники правоохранительных органов, увидев студентов в так называемом «спиритическом сеансе», задержали их и возбудили уголовное дело по ст. 244 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что вышеупомянутые студенты являлись последователями старой немецкой религии. Пальцы умершей женщиной они использовали в качестве «религиозных рун» для проведения «гаданий», а череп служил пепельницей. Один из задержанных пояснил, что он посещал кладбище почти каждый день, только там он мог обрести покой и умиротворение. По результатам судебно-психиатрической экспертизы все фигуранты уголовного дела признаны вменяемыми.

В ходе судебного разбирательства суд назначил студентам условное осуждение, с чем не согласились родственники усопшей. Ответственность также требовала ужесточения наказания. Апелляционная инстанция пересмотрела решение, избрав наказание в виде лишения свободы на 3 года. И только в 2016 году Ворошиловским судом города Ростова-на-Дону был удовлетворен иск о возмещении морального ущерба потерпевшим – родным умершей женщины в размере 900 тыс. руб. с разделением этой суммы на троих, т. е. по 300 тыс. руб. с каждого.

Хотелось бы отметить, что и ранее подобные преступления совершались. В 2002 году в районе Марьиной рощи в Москве неустановленные лица осквернили более четырехсот могил. В ходе расследования задержаны молодые люди в возрасте от 12 до 13 лет [7].

В 2009 году в Сосновом бору Ленинградской области сатанисты осквернили и уничтожили более 20 могил бойцов спецназа, которые погибли при исполнении служебного долга во время проведения спецопераций на Северном Кавказе. Преступники сломали все кресты, начертили гвоздем пентаграммы и замазали несмывающейся краской фотографии погибших [7].

Анализ приведенных примеров дает основания полагать, что объект посягательства надругательств «над телами умерших и местами их захоронения» кардинально отличается от аналогичных противоправных действий против мемориалов и памятников, что дает основание задуматься о необходимости законодательных инициатив о разделении деяния по разным объектам преступных посягательств.

Другой немаловажный фактор – недостаточно строгая ответственность за совершение такого рода преступлений. Так, ч. 1 ст. 244 УК РФ предусматривает в качестве основного наказания штраф, арест, обязательные или исправительные работы, а ч. 2, квалифицированный состав которой предполагает совершения данного правонарушения группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо по мотивам, предусмотренным п. «б» данной статьи, также может быть совершено преступление с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья лиц, к кому оно применяется, закрепляет наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет, что относится к преступлениям средней тяжести.

Считаем, что установленная мера наказания – лишение свободы избыточна, т. к. в случае смерти человека непосредственно затрагиваются нравственные чувства родственников, а не самого умершего. Кроме того, важно учитывать состояние человека, который совершил подобное деяние, он попросту мог быть невменяемым. На наш взгляд, максимально эффективным наказанием в этом случае является штраф, сумма которого должна быть соразмерна совершенному преступлению и причиненному вреду личности, обществу и государству [8, с. 119–123]. Если же преступные деяния совершены в публичном формате (выкладывание видеороликов содеянного в социальные сети), то целесообразно в качестве аль-

тернативного наказания приговаривать таких лиц к обязательным работам, т. к. оплата штрафа особого влияния на «медийных» личностей не оказывает.

В заключение хотелось бы отметить, что преступность в целом, как и общество, не стоит на месте, а активно развивается и приобретает новые формы. Из года в год в мире предаются забвению и появляются новые объединения граждан под эгидой какой-либо религии или учения, которые, к сожалению, не всегда сосуществует исходя из принципов доброты и порядочности. Из-за радикальных взглядов на общество и мир совершаются различные преступления: убийства, мошенничества или надругательства над умершими и осквернение их мест захоронения. Это и является «социальной болезнью» XXI века, которая представляет собой нравственную деградацию отдельных групп населения, приводящую к совершению преступлений против жизни и здоровья граждан и общественной нравственности.

По нашему мнению, нужно активно использовать в отечественном законодательстве передовой правовой опыт иностранных государств для пресечения и предупреждения преступлений, в том числе надругательств над телами умерших и местами их захоронения. Указанные правовые коллизии нуждаются в серьезной законодательной доработке.

В связи с этим предлагаем следующие законодательные инициативы:

- ввести новую правовую норму в уголовное законодательство для квалификации посягательства «надругательство» в отношении таких объектов, как «память», «уважение памяти погибших»;
- либо установить квалифицирующий признак по имеющейся ст. 244 УК РФ для возможности дополнительной квалификации, определив «память» в качестве обязательного объекта по такого рода посягательствам;
- закрепить «уничтожение» и «хищение с мест захоронения» как факультативные признаки квалифицирующих составов преступления;
- установить штраф в качестве основного вида наказания;
- назначить наказание в виде обязательных работ в случае, если назначение штрафа неэффективно.

Литература

1. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 23.12.2021).
2. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
3. В Подмосковье двое мужчин распивали алкоголь у Вечного огня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/768079> (дата обращения: 23.12.2021).
4. URL: <https://iz.ru/1101717/elena-motrenko/vse-terpit-pochemu-vykhodki-u-vechnogo-ognia-proiskhodi-at-vse-chashche> (дата обращения: 23.12.2021).
5. Ищенко Д.П., Григорян Д.К. Актуальные проблемы противодействия молодежному экстремизму // День солидарности в борьбе с терроризмом: сб. материалов Всероссийского круглого стола. Ростов н/Д, 2020.
6. Правда: журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/news/accidents/1318131-satanisty/> (дата обращения: 23.12.2021).
7. Криминальная Россия: журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://kriminal.ucoz.ru/news/2009-01-16-9237> (дата обращения: 23.12.2021).
8. Радченко В.С., Ищенко Д.П. Актуальные проблемы борьбы с молодежным экстремизмом, как социальным явлением // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. и Региональной науч.-практ. конф. Орел, 2020.

Bibliography

1. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://stat.API-press.RF/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 23.12.2021).
2. Jellinsky V.A. Criminological characteristics and the initial stage of the investigation of the abuse of dead bodies and their burial places: author abstr. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2005.
3. In the Moscow region, two men drank alcohol at the Eternal Flame [Electronic resource]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/768079> (date of access: 23.12.2021).
4. URL: <https://iz.ru/1101717/elena-motrenko/vse-terpit-pochemu-vykhodki-u-vechnogo-ognia-proiskhodi-at-vse-chashche> (date of access: 23.12.2021).
5. Ishchenko D.P., Grigoryan D.K. Actual problems of countering youth extremism // DAY OF SOLIDARITY IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM: collection materials of the All-Russian Round Table. Rostov-on-Don, 2020.
6. Pravda: Journal [Electronic resource]. URL: <https://www.pravda.ru/news/accidents/1318131-satanisty/> (date of access: 23.12.2021).
7. Criminal Russia: Journal [Electronic resource]. URL: <https://kriminal.ucoz.ru/news/2009-01-16-9237> (date of access: 23.12.2021).
8. Radchenko V.S., Ishchenko D.P. Actual problems of combating youth extremism as a social phenomenon // Problems of countering crime in modern conditions: collection materials of scientific events of the All-Russian Scientific and Practical Conference and Regional scientific and practical Conference. Orel, 2020.

Щербаченко Александр Константинович
Shcherbachenko Alexander Konstantinovich

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: rui@mvd.ru

Associate Professor, Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**АЛГОРИТМЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАСКРЫТИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ**

**Algorithms of operational and investigative support for the disclosure
of remote frauds committed by a group of persons**

В статье на основе проведенного исследования подтверждена гипотеза о том, что цифровые трансформации, происходящие в обществе, влекут за собой изменения как в преступности, так и методах борьбы с ней. Показывается, что неотъемлемым элементом базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, является их оперативно-разыскное обеспечение применительно к раскрытию, расследованию и предупреждению. Программы, созданные с учетом вышеуказанных трансформаций (и соответствующие алгоритмы), нацелены, по мнению автора, на повышение эффективности раскрытия мошенничеств, совершенных группой лиц.

Ключевые слова: дигитализация, криминалистика, оперативно-разыскная деятельность, мероприятия, запросы, доказательства.

The article on the basis of the study confirms the hypothesis that digital transformations taking place in society entail changes in both crime and methods of combating it. It is shown that an integral part of the basic methodology for investigating fraud committed by a group of persons is their operational-search support in relation to both disclosure and investigation, as well as prevention. Programs created taking into account the above transformations (and the corresponding algorithms for revealing frauds committed by a group of persons) are aimed at increasing the efficiency of their disclosure processes.

Keywords: digitalization, forensic science, operational-search activities, measures, inquiries, evidence.

Выступая на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, В.В. Путин подчеркнул, что «одна из актуальных задач – защита граждан от мошенников в финансовой сфере, которые оставили без жилья, буквально на улице, десятки тысяч людей. Не секрет, что сейчас в интернете, на транснациональных платформах наблюдаются массовые случаи мошенничества, злоупотребления персональными данными граждан, а также распространения противоправного контента, в том числе затрагивающего интересы детей. При этом людям фактически некуда жаловаться, обратиться за восстановлением своих прав» [1].

В 2021 году мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телеком-

муникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), «зарегистрировано 225 133 из 308 133, т. е. более двух трети (73,06 %) от всех зарегистрированных преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ, следует учитывать имеющийся рост в 4,5 %. Из 225 133 зарегистрированных мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), 99,67 % случаев выявлено сотрудниками органов внутренних дел (224 393).

Всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, зарегистрировано 494 126 (рост +7,1 %), а из них наибольшее количество –

45,56 % составили мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ (225 133).

Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (в том числе и мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), осуществлены с использованием и/или применением: расчетных (пластиковых) карт – 31,26 % (154 473), снижение на 11,2 %; компьютерной техники – 6,62 % (32 755), увеличение на 23,1 %; программных средств – 1,99 % (9 849), увеличение на 10,8 %; фиктивных электронных платежей – 0,23 % (1 160), снижение на 0,2 %; сети Интернет – 67,99 % (335 979), наибольшее увеличение – на 25,3 %; средств мобильной связи – 40,74 % (201 339), увеличение на 2,0 %.

Из всех мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (225 133), наибольшее количество (95,62 %) зарегистрировано по ст. 159 УК РФ (215 295), рост таких мошенничеств наиболее максимальный – +13,7%. Существенно снизилось количество зарегистрированных мошенничеств с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) – на 62,9% (9 450). Наименьшее количество случаев мошенничеств в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) зарегистрировано за 2021 год 388 (-44,4 %). Из преступлений экономической направленности (зарегистрировано 107 115, +4,2 %) каждое пятое мошенничество (22,46 %) – это преступление, предусмотренное ст. 159–159.3, 159.5–159.6 УК РФ (24 066). Из них (24 066, 100 %) по ч. 2–7 ст. 159 УК РФ 93,34 % (22 465), совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 53,29 % (12 827). Ущерб по оконченным уголовным делам составил 766 млрд рублей, что на 64,2 % больше аналогичного периода в 2020 году» [2].

Оперативно-разыскное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группами лиц, основывается на ряде базовых идей и положений теоретико-прикладного характера: использование знаний криминалистической и оперативно-разыскной характеристик в выборе средств и методов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД); ориентированность

на получение сведений как о мошеннической преступной деятельности, так и об участвующих в ней лицах; использование только научно обоснованных и проверенных практикой знаний о применении оперативно-разыскных мероприятиях (далее – ОРМ), не противоречащих закону; использование интернет-ресурсов в познании мошенничеств, совершенных группой лиц; кооперирование и комплексирование сил и средств ОРД; применение положений и соответствующих средств теории криминалистических и оперативно-разыскных операций.

Как отмечает Ю.П. Гармаев, «тактические операции по делам о преступлениях, связанных с мошенничеством при получении выплат, должны включать такие виды мероприятий, как опрос, наведение справок, проверочная закупка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение, задержание, допрос с одновременным проведением обысков и наложением ареста на имущество...» [3].

Анализ практики показывает, что наряду с традиционными механизмами совершения мошенничества в объективной действительности стали появляться различные дистанционные механизмы совершения мошенничеств группой лиц. Следует отметить, что и в традиционных механизмах мошенничеств, совершенных группой лиц, происходят изменения цифрового характера. В первую очередь это связано с движением денежных средств от потерпевшего к преступникам или иным получателям.

Для раскрытия традиционных мошенничеств, совершенных группой лиц, используется следующая программа:

а) общепринятая схема раскрытия: от способа обмана и злоупотребления доверием к группе, совершившей мошенничества;

б) особая схема раскрытия: по движению похищенных денежных средств от потерпевшего к получателю.

Отметим, что большинство респондентов, опрошенных в ходе исследования (82%), указали на то, что в каждом случае безналичного перевода денежных средств используется особая схема раскрытия мошенничества как первичная для получения информации (криминалистически значимой или оперативно-разыскной) и, соответственно, проведения ОРМ и неотложных следственных действий.

Только при личной передаче денежных средств от потерпевшего к мошенникам и связанным с ними лицам схема раскрытия строится, как и прежде, от способа преступления к участникам группы.

Программа раскрытия дистанционных мошенничеств, совершенных группой лиц, строится по следующим схемам:

а) от установления средств мобильной связи (в том числе абонентского номера) или компьютерной техники, обеспечивающей выход в Интернет, к способу и участнику(ам) группы;

б) по движению похищенных денежных средств от потерпевшего к получателю.

Считаем, что раскрытие мошенничеств, совершенных группой лиц, является неотъемлемой частью их расследования, несмотря на дискуссионность этого вопроса [4; 5; 6]. Вместе с тем предупреждение совершения новых мошенничеств группой лиц может быть реализовано как до раскрытия, во время его, так и в процессе предварительного расследования, а порой даже в ходе судебного разбирательства. Следует иметь в виду, что только грамотное сочетание проводимых ОРМ и неотложных следственных действий позволяет максимально эффективно реализовать вышеуказанные программы.

При раскрытии мошенничеств, совершенных группой лиц, и последующем их расследовании особое значение имеют ОРМ, которые позволяют установить:

- мобильные устройства;
- абонентские номера;
- компьютерную технику и сопутствующее оборудование, обеспечивающие выход в Интернет;
- банкоматы и иные устройства, позволяющие обналичить похищенные денежные средства у потерпевшего;
- способы подготовки, совершения и раскрытия мошенничества.

Информация, полученная оперативно-разыскным путем, имеет как диагностическое, так и идентификационное значение для раскрытия изучаемых преступлений.

Поскольку проведение ОРМ, неотложных первоначальных, последующих следственных действий достаточно подробно исследовано в криминалистической и оперативно-разыскной литературе, а также в связи с некоторой их оцифровкой, рассмотрим особенности прове-

дения ОРМ в отношении дистанционных мошенничеств, совершенных группой лиц.

Анализ приговоров показал, что качество расследования отдельного эпизода или в целом серии мошенничеств, совершенных группой лиц, зависит от данных, полученных оперативно-разыскным путем.

При раскрытии мошенничеств, совершенных группой лиц, перед оперативным работником возникает ряд задач, диктующих необходимость проведения ОРМ для:

- установления средств мобильной связи, компьютерной техники и их составляющих с последующим диагностированием и определением наличия или отсутствия тождества с элементами блоков базовой криминалистической характеристики;
- диагностирования схем передвижения похищенных денежных средств и идентификации получателя.

Проведение ОРМ при раскрытии дистанционных мошенничеств, совершенных группой лиц, осложняется наличием разрыва (регионального или по населенным пунктам) между местом жительства потерпевшего и участниками группы. Указанное обстоятельство характеризует способы совершения мошенничеств или конспирационную деятельность группы с соответствующими блоками защиты от уголовного преследования.

Следует отметить некоторую общность в раскрытии дистанционных мошенничеств, совершенных группой лиц, и средствами ОРД, а именно нацеленность на идентификацию лиц(а), располагающих похищенными денежными средствами или иными материальными благами в процессе обмана или злоупотребления доверием, по рассматриваемым преступлениям. В данном случае оперативный работник по собственной инициативе или совместно со следователем должен провести ОРМ, направленные на поиск и фиксацию:

- лицевых счетов;
- движения денежных средств по счетам (в зависимости от вида квалифицированного мошенничества они различны);
- фактов использования участниками группы электронных платежных систем;
- лиц и способов использования средств мобильных банков и электронных кошельков (в случае возникновения подобной оперативно-разыскной ситуации);

– фактов получения идентификационных и диагностических данных о:

- а) сайтах,
- б) страницах в соцсетях,
- в) банковских картах,
- г) абонентских номерах,
- д) детализации телефонных соединений между абонентами,
- е) времени и месте получения денежных средств или денежного перевода,
- ж) характере взаимодействия с торговыми площадками («Авито», OZON, «Алиэкспресс», «Авто.ру», «Дром», «Циан» и т. д.).

Одной из острых проблем раскрытия мошенничеств, совершенных группой лиц, является то, что изображение получателя денежных средств в банкомате хранится от недели до 60 дней.

Раскрытие и дальнейшее расследование дистанционных мошенничеств, совершенных группой лиц, зависят не только от оперативности получения первичной информации, но и от ее тщательного анализа. Иными словами, получение первичной информации о дистанционном мошенничестве, совершенном группой лиц, связано с проведением ОРМ и неотложных следственных действий по обнаружению мобильных и иных телефонов, компьютерной техники и банковских карт [7; 8; 9]. Эффективными оперативно-разыскными средствами обнаружения вышеназванных объектов являются следующие ОРМ: опрос, наблюдение, оперативное внедрение.

Рост дистанционных мошенничеств, особенно в сфере онлайн-покупок, как правило, обусловлен временем и сезоном их совершения (новогодние, рождественские праздники, 23 февраля, 8 марта, а также сезон отпусков и каникул). В связи с этим особое значение приобретает превентивная деятельность как органов внутренних дел, так и прокуратуры РФ. Так, «в преддверии 14 февраля, 23 февраля, 8 марта растет количество покупок в Интернете, чем могут воспользоваться мошенники. Опасность представляют письма якобы из интернет-магазинов, в которых предлагаются подарки, скидки, выгодные акции или используются другие уловки. Такие письма, как правило, содержат ссылки или вложенные файлы. Загрузка небезопасного файла или переход по сомнительной ссылке могут повлечь автоматическую установку на компьютер или

мобильный телефон вредоносных программ или перенаправить на мошеннический сайт. Цель преступников – получить данные банковской карты (номер, трехзначный код на обратной стороне) или пароль подтверждения операции из СМС. В итоге человек может лишиться всех денег на банковской карте» [10]. Наиболее часто вышеназванные объекты обнаруживаются при осмотре места происшествия, обыске, выемке.

В зависимости от ситуаций (оперативно-разыскной или следственной) субъекту ОРД или следователю требуется разрешить вышеназванные идентификационные и диагностические задачи получения первичной информации для раскрытия дистанционного мошенничества, совершенного группой лиц [11; 12; 13].

В укрупненном (базовом) виде такой алгоритм действий следователя и/или субъекта ОРД при обнаружении мобильного или иного телефона, компьютерной техники, банковской карты выглядит следующим образом:

1.1. При обнаружении мобильного телефона следует провести ОРМ и направить соответствующий запрос на установление абонентского номера (если указанное не было осуществлено ранее). Аналогичные мероприятия следует осуществлять при наличии виртуального номера в целях установления его владельца.

1.2. После установления абонентского номера и/или его владельца необходимо:

- определить IP-адрес;
- получить возможную информацию о движении похищенных денежных средств;
- выявить новые данные (номера абонентов, адреса электронной почты, аккаунты, сайты, страницы в социальных сетях, мессенджеры, используемые для связи);
- установить наличие привязанной банковской карты и/или электронного кошелька предполагаемых получателей из группы мошенников;
- получить детализацию звонков и данные о расположении базовой станции, проанализировать их (с точки зрения наличия криминальных связей, механизмов совершения и места нахождения участников группы).

1.3. В зависимости от вида дистанционного мошенничества, совершенного группой лиц, далее необходимо:

- получить образцы голоса для сравнительного исследования (указанное может

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

быть осуществлено в ходе ОРМ или запроса на получение образца голоса с горячей линии или абонентского номера мошенников);

– провести ОРМ преступной деятельности группы мошенников в регионе(ах) (прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, контролируемая поставка, оперативный эксперимент и др.);

– провести ОРМ или направить запрос в целях получения первичной информации от агрегаторов пассажирских перевозок (UBER, «Яндекс.Go» и др.), компьютерной техники или еды («Самокат», «Яндекс.Еда», Delivery Club);

– определить кем, когда и из каких средств оплачивались услуги мобильной связи, Интернета, IP-телефонии, мобильного банка и т. д.

1.4. Получение первичной информации субъектами ОРД и следователями связано с направлением запросов и наведением справок. Как показало проведенное исследование, наиболее типичными являются запросы, связанные с установлением:

– IP-адресов, используемых номеров IMEI и IMSI;

– SIP-провайдера;

– регистраторов доменных имен сайтов;

– движения денежных средств от потерпевшего к получателям;

– дальнейшего движения денежных средств;

– новых информационных данных (номера абонентов, адреса электронной почты, аккаунтов, сайтов, страниц в социальных сетях или иных мессенджерах, используемых для связи);

– абонентского номера и электронной почты;

– оплаты услуг мобильной связи, Интернета, IP-телефонии, мобильного банка и т. д.;

– детализации телефонных звонков и расположения базовых станций;

– агрегаторов услуг при наличии абонентских соединений;

– факта получения (сохранения и копирования) видеоинформации с банкомата;

– взломанной страницы в социальной сети.

1.5. При получении первичной информации в ходе проведения ОРМ, а также организационно-подготовительных действий и/или следственных действий субъект ОРД совместно со следователем или инициативно проводит анализ полученных сведений. Особое внимание должно уделяться [14; 15; 16]:

– детализации телефонных звонков и абонентских соединений;

– схеме передвижения похищенных денежных средств от потерпевшего к получателю, а также дальнейшему их распределению между участниками предполагаемой группы мошенников;

– концентрации звонков, соединений, сообщений не только в пространственно-временном отрезке совершения мошенничества, но и в до- и посткриминальный периоды, а также местонахождению руководителей и лидеров групп мошенников;

– новым сведениям об абонентах, электронной почте и сайтах для установления иерархии и устойчивости преступной группы, а также связях с недобросовестными сотрудниками правоохранительной системы и служащими органов власти;

– анализу сопутствующих объявлений, которые выявлены при помощи cookies;

– анализу голосовых сообщений или фото объектов, связанных с мошенничеством, например, фото несуществующего товара, за который получена предоплата.

Литература

1. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 9 декабря 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (дата обращения: 15.12.2021).

2. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2021 года. М., 2022.

3. Гармаев Ю.П. Тактические операции на основе оперативного внедрения по уголовным делам об организованных типах мошенничества

Bibliography

1. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Dec. 9, 2021 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (date of access: 15.12.2021).

2. The state of crime in Russia, for January-November 2021. Moscow, 2022.

3. Garmaev Yu.P. Tactical operations based on operational implementation in criminal cases of organized types of fraud when receiving payments //

при получении выплат // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3.

4. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

5. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учеб. пособие/ А.В. Варданян, О.П. Грибунов, П.А. Капустюк и др. Иркутск, 2018.

6. Варданян А.В. Криминалистическая профилактика в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 430.

7. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 5.

8. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминологии // Криминологика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1.

9. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.

10. Прокуратура Самарской области и Отделение Самара Волго-Вятского ГУ Банка России предупреждают о возможном росте дистанционных мошенничеств накануне праздников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samadm.ru/media/news/29152/?isBlind=1> (дата обращения: 12.12.2021).

11. Трасология: приложение для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России / О.П. Грибунов, А.В. Варданян, С.И. Усачев и др. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021616118, 16.04.2021. Заявка № 2021611633 от 11.02.2021.

12. Комаров И.М., Лакомская М.Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций. М., 2021.

Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2020. № 3.

4. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of methodological and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).

5. Investigation of fraud related to the implementation of investment projects at railway transport enterprises: Textbook/ A.V. Vardanyan, O.P. Gribunov, P.A. Kapustyuk, etc. Irkutsk, 2018.

6. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Vestn. Tomsk State University. 2018. № 430.

7. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018. № 5.

8. Vardanyan A.V. The development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1.

9. Vardanyan A.V. Countering the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.

10. The Prosecutor's Office of the Samara region and the Samara Branch of the Volga-Vyatka GU of the Bank of Russia warn of a possible increase in remote fraud on the eve of the holidays [Electronic resource]. URL: <https://www.samadm.ru/media/news/29152/?isBlind=1> (date of access: 12.12.2021).

11. Tracology: an application for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia/ O.P. Gribunov, A.V. Vardanyan, S.I. Usachev, etc. Certificate of registration of the computer program 2021616118, 04/16/2021. Application № 2021611633 dated 11.02.2021.

12. Komarov I.M., Lakomskaya M.Yu. Problematic situations of crime investigation and their resolution through tactical operations. Moscow, 2021.

13. Criminalistics: current issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and practical Conference. Rostov-on-Don, 2021.

14. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminology as a

13. Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.

14. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

15. Айвазова О.В., Варданян Г.А., Смирнова И.Г. Об уголовно-процессуальных и криминалистических мерах противодействия преступлениям, совершаемым в отношении юридических лиц // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.

16. Варданян А.В., Варданян Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции // Уголовная юстиция. 2020. № 15.

theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

15. Aivazova O.V., Vardanyan G.A., Smirnova I.G. On criminal procedural and criminalistic measures to counter crimes committed against legal entities // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. № 1.

16. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Peculiarities of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of shadow circulation of pharmaceutical products // Criminal justice. 2020. № 15.

Чиненов Евгений Владимирович
Chinenov Evgeny Vladimirovich

начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

Head of the Criminalistics Department, the Belgorod law institute of the ministry of internal affairs of Russia,
PhD in Economic, Associate Professor.

**ИНФОРМАЦИОННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
НАЧАЛА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ
И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

**Information-theoretical and methodological principles of criminalistic methods
of economic crimes investigation committed on railway transport and transport
infrastructure facilities**

В статье раскрываются данные, имеющие важное значение для формирования криминалистических характеристик преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, а также ключевые вопросы, подлежащие обязательному учету при разработке криминалистических методик их расследования.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, теоретические основы, методологические основы, частная криминалистическая методика.

The article reveals data that are important for the formation of criminalistic characteristics of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities, as well as key issues that must be taken into account when developing criminalistic methods of their investigation.

Keywords: economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities, theoretical foundations, methodological foundations, private forensic methodology.

Размышления о структуре и содержании научных основ криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, систематизированное описание полученных при этом результатов являются важным пунктом проводимого исследования. Разбор ключевых точек зрения, отыскание значимых элементов теоретических, фактографических знаний, методов, процедур научной деятельности, относящихся к выбранному предмету изучения, конвергенция их с потребностями следственной практики будут составлять цель данной работы. Такой подход обеспечит построение научных положений формируемой криминалистической методики, заложив тем самым благоприятную

основу для использования теоретической и методологической информации в совершенствовании приемов и способов расследования преступлений выделенной нами группы.

Труд нельзя считать полным, а выводы не до конца аргументированными без анализа воззрений научных деятелей, стоявших у истоков зарождения и развития исходных положений методики расследования преступлений. Для этого обратимся к научной литературе и проведем краткий анализ.

Поиски ответов на общенаучные вопросы методики расследования преступлений начались на рубеже XIX XX веков. Этому способствовало желание ученых-криминалистов решить важную в практическом отношении, но слабо освещенную в литературе по причине малой изученности, задачу

раскрытия преступлений. В подтверждение приведем выдержки из нескольких весомых для того времени работ, повлиявших на ход и результаты нашего исследования.

Известный прусский судебный следователь А. Вейнгарт в 1904 году пишет о важности научных основ расследования преступлений следующее: «Начало XX столетия открывает новую эру в истории борьбы с преступностью. Наука в последнее время много потрудились над изучением преступления в его проявлении, в его корнях и действиях... Широкий прогресс естественных наук и громадный рост технических усовершенствований открыли новые горизонты. ... раскрытие преступлений, на которое многие до сих пор еще склонны смотреть как на ремесло, требующее некоторого опыта и умения составлять протоколы, а другие как на искусство, зависящее от способностей отдельных лиц, в действительности является самостоятельной наукой, требующее серьезной подготовки, много теоретических и практических знаний и точного методического изучения фактов» [1, с. 2].

Несколько позднее, в 1924 году, выдающийся отечественный криминалист И.Н. Якимов, систематизируя сведения об уголовной технике и тактике разбросанные по многочисленным трудам, включая и иностранные издания, в своем руководстве по расследованию преступлений делает предположение о существовании общего («универсального») метода расследования как шаблона, позволяющего обеспечить не только раскрытие преступлений различных видов, но и являющегося теоретической основой для подготовки конкретных рекомендаций по построению частных методик расследования. В частности, научные начала криминалистической методики он обосновывает так: «... в ходе раскрытия преступления ... находят себе применение все способы, разработанные уголовной техникой и тактикой, и только при употреблении рекомендуемых ими научных приемов можно достигнуть успеха в разрешении той задачи, которую ставит уголовное расследование...» [2, с. 2–3].

Представленные мнения считаем весьма симптоматичными. Первые достижения стали наиболее значительным завоеванием криминалистики еще на заре ее развития. Они позволили на своей базе выстроить важные научные и прикладные основания, которые и по сей

день плодотворно используются криминалистической наукой. Так, к примеру, идеи И.Н. Якимова о создании универсального метода расследования пусть и были подвергнуты определенному сомнению, но в значительной мере развиты в работах С.Н. Чурилова, Ю.П. Гармаева, А.В. Шмониной и некоторых других авторов [3; 4; 5]. Мысли Г. Гросса, связанные с необходимостью решения сложных задач расследования посредством применения организационных мероприятий, следственных и иных действий, их комплексов, заложенные в его работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», ввиду развития тактических положений для условий расследования преступлений изначально развернуты В.И. Шикановым, А.В. Дуловым, А.Е. Михальчуком, Н.Е. Мерецким [6; 7; 8; 9] и окончательно реализованы И.М. Комаровым в частной криминалистической теории криминалистических операций досудебного производства [10].

Впоследствии криминалистическая методика обрела обширный теоретический и методологический инструментарий, позволяющий получать «... ответы на вопросы о том, что и как изучает методика, каким образом формируются ее научные рекомендации, по какой оптимальной системе они должны строиться, каковы наиболее важные положения (принципы), содействующие определению эффективной методики расследования конкретного преступления, т. е. успешному применению научных рекомендаций в следственной практике» [11, с. 5]. Стараниями Р.С. Белкина, Ю.П. Гармаева, А.Н. Васильева, И.А. Возгриной, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, В.А. Образцова, В.Г. Танасевича, С.Н. Чурилова, А.В. Шмониной, Н.П. Яблокова и других ученых эволюция криминалистической мысли достигла такого уровня, при котором сформировавшиеся базовые положения методики расследования преступлений стало возможным использовать в качестве фундамента при разработке частных криминалистических методик.

Наиболее удачную, считаем, схему научных основ методики расследования преступлений представили А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков. Они выделили в ней три ключевых структурных элемента: общепонятные и вводные положения; информационно-теоретические начала; методологические начала [12, с. 89].

Считаем, что данное систематическое представление не бесспорно ввиду существующих и других, заслуживающих внимания и одобрения обоснованных взглядов, в том числе адаптированных к особенностям расследования конкретных видов преступлений [13; 14; 15]. Однако именно такой подход способен обеспечить наиболее выгодное представление об искомых основах криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Руководствуясь обозначенными теоретическими положениями методики как исходными, с учетом наложения на них системного представления о методологических вопросах криминалистической методики, предпринятого А.В. Шмониным [16], проведем структурирование научных основ разрабатываемой нами частной криминалистической методики. Трансформируя и используя идеи отмеченных авторов в реализации стоящих перед нами задач, выделим четыре блока вопросов, подлежащих рассмотрению:

1. Вопросы научно-методологического обеспечения расследования преступлений, входящих в выделенную группу.

2. Вопросы общего характера частной криминалистической методики, в том числе следует учитывать типичные черты их криминалистической характеристики, оригинальность криминалистической классификации данных преступлений.

3. Вопросы организационно-управленческого характера. К этому блоку вопросов относим: ситуационность расследования изучаемой категории преступлений; своеобразие планирования расследования; сингулярность версии подхода.

4. Вопросы следственного предупреждения преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры.

Их проработка позволит создать сбалансированную теоретическую и методологическую научную базу для построения конечного «продукта» криминалистики – конкретной частной криминалистической методики. Тем самым будут заложены благоприятные условия, во-пер-

вых, для совершенствования приемов и способов расследования отдельных видов преступлений, а во-вторых, для проведения дальнейших научных исследований в данной области.

Оценивая состояние научной мысли в выбранной для исследования области, заметим, что данная проблематика является объектом научных изысканий ученых-криминалистов на протяжении длительного времени. Различным аспектам криминалистической деятельности на железнодорожном транспорте были, в частности, посвящены работы следующих авторов: В.А. Князева (1972), В.П. Рябцева (1972), И.М. Голубятника (1974), В.Д. Берназа (1986), Н.А. Даниловой (1989), А.В. Сергунова (1990), И.А. Воронова (1991), В.И. Щукина (1992), А.К. Моденова (1994), Ю.В. Степаненко (1994), Е.С. Титовой (2002), М.И. Курбатовой (2003), В.Г. Красильникова (2004), М.А. Меркулова (2005), Н.М. Тарасик (2006), А.Ф. Ланового (2008), А.М. Нудельштейна (2008), В.Г. Ставцева (2008), С.А. Ярошенко (2011), Е.Ф. Новикова (2012), А.В. Белоусова (2013), Л.В. Михайловой (2015), О.П. Грибунова (2016), О.В. Цукановой (2016), А.Н. Пермякова (2016), Е.А. Малыхиной (2018), А.Е. Антонова (2018).

Их системный анализ, а также существование обоснованных потребностей практики в соответствующих требованиям времени, действующих методических разработках (на это указывают 72,4 % опрошенных нами респондентов*) позволяют сделать несколько заключений о существовании проблемы, нуждающейся во внимании:

– несмотря на значительный научный потенциал, существующие научные разработки не могут в полном объеме быть адаптированными к потребностям расследования всего спектра преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте;

– имеющиеся на сегодня исследования ориентированы на решение узкого круга криминалистических задач (методико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений против собственности, особенностей выявления и расследования хищений грузов, использования специальных знаний и пр.);

* Установлено в результате анкетирования и интервьюирования сотрудников ОВД на транспорте.

– высокий уровень сложности преступной деятельности в экономической сфере железнодорожного транспорта, ее организованный характер, запутанность механизмов преступлений и множественность способов, активное противодействие предварительному расследованию по уголовным делам данной категории, существование пробелов в методико-криминалистическом обеспечении обуславливают потребность в создании теоретических основ для формирования единой (общей) криминалистической методики расследования преступлений указанной категории.

Осмысление вышеизложенного стимулирует переход к объяснению конкретных идей.

Предназначение информационно-теоретических начал разрабатываемой частной криминалистической методики – феноменология криминалистической характеристики интересующей нас группы преступлений и характеристики их расследования. Определение существенных черт потребует применения положений комплекса уголовно-правовых и прикладных юридических наук, а также сведений из имеющих отношение к сфере железнодорожного транспорта естественно-технических, социально-экономических и других научных областей знаний. К их числу, наряду с традиционным уголовным и уголовно-процессуальным правом, криминологией, отнесем такие специфические, как экономика железнодорожного транспорта, организация перевозок и управление на железнодорожном транспорте, путь и путевое хозяйство, техническая эксплуатация подвижного состава железных дорог, строительство железных дорог, информационные технологии и пр.

Особенности криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, характеризуются тем, что в них содержится ряд данных, без знания которых невозможно качественное ведение следствия. Важны они и для разработки частной криминалистической методики. Вычленение, исследование, систематизация, использование этих данных позволят сделать методику более целенаправленной, способной качественно и в кратчайшие сроки обеспечить решение задач расследования данной категории преступлений.

Изучение уголовных дел экономической направленности, анализ практики организации их расследования органами внутренних дел на транспорте, определение в них закономерностей позволяют нам показать особенности элементного состава криминалистической характеристики исследуемой группы преступлений:

– обстановка совершения преступления и происходящие в ней производственные, технологические, экономические и иные процессы (место, индивидуализируемое инфраструктурой железнодорожного транспорта, его объекты);

– сведения о личности преступника, имеющего прямое либо косвенное отношение к сфере железнодорожного транспорта (служебная деятельность, пользование услугами железнодорожного транспорта и пр.);

– данные о способе совершения преступления, обусловленного направленностью данной категории преступлений;

– информация о характерном для железнодорожной транспортной отрасли предмете преступного посягательства (за исключением денежных средств).

Фактическое проявление отмеченных теоретических особенностей находим в: способе, предмете и обстановке совершения преступлений; обстановке, предмете и личности преступника; обстановке, личности, предмете и способе совершения преступления. К примеру, работник железнодорожной организации, знающий специфику производственных процессов, имеющий образование и опыт, осуществляющий полномочия, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, для достижения преступной цели выбирает соответствующий предмет посягательства, необходимые орудия и средства, определяет последовательность действий. Проиллюстрируем данный вывод краткими выдержками из материалов следственной и судебной практики.

Начальник внеклассного вокзала Орел «МРДЖВ» гр. Л., используя свое служебное положение, посредством нарушения установленной технической и инвестиционной политики ОАО «РЖД» – путем составления поддельной бухгалтерской документации на систематической основе осуществлял хищения денежных средств, выделяемых транспортной

организации в пределах установленных финансовых лимитов*.

Бригадир экспериментального участка дистанции пути гр. Р. и подчиненные ему работники Р., С. и К. с целью хищения материальных ценностей, принадлежащих ОАО «РЖД», завывшали нормы их расходования в отчетной документации о выполняемых на объектах Эксплуатационного локомотивного депо Омск работах**.

Мастер вагоноремонтного участка Эксплуатационного вагонного депо Сургут (ВЧДЭ-20) гр. Б., знающий организацию работы в системе ремонта грузовых вагонов, под видом новых комплектующих деталей железнодорожных вагонов реализовывал детали, бывшие в употреблении, из специально созданного заранее резерва, а разницу в их стоимости присваивал***.

Данные криминалистической характеристики важны для разработки криминалистической классификации изучаемой категории преступлений. Знание криминалистических классификаций преступлений позволяет правильно определять основные направления информационно-познавательной деятельности, выбирать более оптимальные средства и методы собирания доказательств, увереннее ориентироваться в возникающих следственных ситуациях, тем самым содействуя обеспечению качества следственной работы.

В первую очередь выбранные нами для научного анализа преступления целесообразно классифицировать в связи принадлежностью к сфере их совершения – железнодорожному транспорту как отрасли национальной экономики, как части транспортной системы страны наряду с другими видами транспорта, как самостоятельной производственно-экономической системы, имеющей следующие составные элементы: железные дороги, инфраструктуру, структурные предприятия, происходящие здесь экономические и производственные процессы и др. [17]. Также возможно комплексирование преступлений по месту совершения, например в подвижном составе [18], объектам преступного посягательства, в част-

ности комплектующим деталям объектов железнодорожного транспорта [19], а также двухэлементное комплексирование, к примеру, сферы железнодорожного транспорта и предмета посягательства [20]. Еще одним критерием криминалистической классификации являются особенности криминалистических характеристик видов преступлений, входящих в выделенные нами три укрупненные группы, объединенные их принадлежностью к разряду деяний, предусмотренных разделом VIII Уголовного кодекса Российской Федерации («Преступления в сфере экономики»).

Криминалистическую характеристику расследования изучаемой нами группы преступлений индивидуализируют установленные закономерные связи между следующими элементами:

– видом, характером преступления и типичностью первоначальных фактических данных, полученных оперативным путем либо установленных по делу, типичностью складывающихся ситуаций расследования;

– видом и характером ситуаций расследования и типичностью действий органа дознания и следователя на различных этапах выявления преступления и его расследования;

– складывающейся ситуацией и набором технических средств, тактических решений, методов, специальных знаний, необходимых для ее разрешения;

– типичностью следственных ситуаций и организацией расследования, включая его планирование, построение и отработку следственных версий.

Значимость содержания указанных элементов криминалистической характеристики расследования и связей между ними видится в том, что именно они, служа исходными данными для построения частной методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, потенциально выступают основанием для разработки «локальных методик» досудебного производства [21], базой криминалистических программ (алгоритмов)

* Уголовное дело № 1–84/2017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Орла.

** Уголовное дело № 1–270/2014 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.

*** Уголовное дело № 1–113/2018 // Архив Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

расследования [22], источником разработки профилактических мер следственного предупреждения [23].

Не менее важной информационно-теоретической составляющей научных основ формируемой частной методики являются теоретические положения и методы криминалистической профилактики.

Особенностью криминалистических методов и средств следственного предупреждения преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, является то, что они должны органично вписываться не только в информационно-познавательную, но и в организационно-управленческую деятельность следователя органа внутренних дел на транспорте. Следственное предупреждение преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, обладает выраженным тактическим и методическим своеобразием. Объясняется это спецификой размещения органов внутренних дел на транспорте, близостью субъекта профилактической деятельности к его объекту, обуславливающих тесное взаимодействие правоохранительных органов с обслуживаемыми ими транспортными организациями.

Указанные обстоятельства вместе с особой обстановкой расследования [24] существенным образом индивидуализируют приемы и методы профилактической деятельности. Ввиду последнего они обязательно должны быть учтены частной криминалистической методикой.

Именно такими представляются нам ключевые информационно-теоретические положения криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Уяснение содержания научных основ разрабатываемой частной криминалистической методики предполагает необходимость определения и ее методологии. Важна методология как в научном, так и в практическом плане. «Методологические начала прежде всего имеют своей целью оптимизировать методы ведения следствия на самой современной научной основе» [12, с. 93]. Этой цитатой предваряем попытку найти резервы соответствующей научной информации в целях разработки

методов расследования выделенной категории преступлений.

Прибегнув к содержанию философских оснований науки [25], в том числе юридической [26], используя разработанные криминалистикой ее собственные методологические основания [27, с. 7–8], попытаемся раскрыть особенности методологии частной методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Рассматривая данный вопрос, заметим достаточную его сложность. Объясняется она существованием разнообразных точек зрения относительно понятия методологии криминалистической методики, наличием различных, иногда диаметрально противоположных воззрений на используемые ею методы познания.

Анализ предлагаемых в литературе взглядов свидетельствует о достаточной разработанности методологических оснований криминалистической методики расследования. Поэтому, соглашаясь с безусловным мнением большинства исследователей и беря за основу классическое понимание методологии как «...совокупности теоретических положений и сущности расследования как частного случая познавательной деятельности» [28], сосредоточимся на выборе одной из существующих схем, а затем приспособим ее к проводимой работе.

Наиболее удачно соответствует нашей методологической концепции трехчленная система методов криминалистики, предложенная Р.С. Белкиным [29], адаптированная И.А. Возгриным к потребностям ее раздела – методики расследования отдельных видов преступлений [30] и впоследствии модернизированная Д.Н. Лозовским [31]. Всеобщий метод познания, общенаучные методы и частные (специальные) методы познания в своем единстве и многообразии будут введены в рамки формируемой частной криминалистической методики.

Учитывая, что первые две группы методов достаточно подробно освещены в специальной литературе, обобщение которой позволило свести их к общепознавательным методам эмпирического и теоретического уровня, отраслевым методам криминалистики и других наук, применяемых для решения криминалистических задач, коснемся заслуживающих

особого внимания отдельных специальных методов расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Возможности именно последних могут и должны широко использоваться в практике органов внутренних дел на транспорте, содействуя решению задач расследования.

Специальные криминалистические методы познания преступлений экономической направленности, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта и его инфраструктуры, входят в содержание этапов расследования, наполняют его программы. Расследованию свойственно наличие этапа доследственной проверки. Выраженными особенностями обладает стадия возбуждения уголовного дела [32]. Обязательным элементом программ расследования выступает необходимость использования специальных знаний в той или иной процессуальной форме [33].

Наряду с представленными, обозначим и другие методы, а именно: методы фиксации и удостоверительной деятельности [34]; методы организационного направления деятельности [35]; методы исследовательской деятельности [36].

Принимая во внимание специфику расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, считаем необходимым дополнительно выделить и несколько подробнее остановиться на двух, на наш взгляд, важных группах поисковых методов: методах экономической криминалистики [37; 38; 39] и методах цифровой криминалистики [40; 41].

Такое видение объясняется современным состоянием общественных отношений, влиянием цифровизации, эволюционированием экономической преступности, тенденциями развития криминалистической научной мысли. Считаем, именно указанные методы имеют для частной криминалистической методики наиболее важное значение.

К перечню методов экономической криминалистики отнесем переработанные, трансформированные и приспособленные общекриминалистические научные методы, а также специфические методы, заимствованные из методологии других наук, положения которых

применимы для решения криминалистических задач. В таком отношении:

а) экономические науки, в том числе методы, заимствованные из: экономики железнодорожного транспорта (методы экономико-математического моделирования, контент-анализа, статистико-математические и др.); отраслевого бухгалтерского учета, контроля и аудита (методы документирования, инвентаризации, оценки, счетов, балансовый, отчетности и др.); экономического анализа (методы сравнения, группировки, балансовый и др.); экономической статистики (методы средних величин, обработки рядов динамики, индексный метод, графический метод и др.);

б) технические науки, связанные со сферой железнодорожного транспорта, и такие их методы, как, например, аналитические исследования, натурный эксперимент, математическое, физическое и компьютерное моделирование объектов, конструкций, процессов, технологий и пр.;

в) экономико-правовые прикладные науки и методы, используемые ими:

– судебная бухгалтерия (методы расчетно-аналитические, бухгалтерской диагностики и анализа, документальные, обобщения и реализация результатов проверок, ревизий и экспертиз),

– экономико-криминалистический анализ (методы документального анализа, бухгалтерского анализа, экономического анализа),

– судебная технология и товароведение (методы проверки технологических операций и производственных процессов, отбора образцов объектов на исследование, применения данных технических регламентов, стандартов, технических условий и других нормативно-технических документов и пр.).

Обоснуем отмеченное показательным примером использования для решения криминалистических задач методов экономической криминалистики [42]. Результаты их применения с большой очевидностью показывают высокую роль специальных методологических средств в раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта.

Так, при расследовании хищений с инфраструктурных объектов железнодорожного транспорта, маскируемых составлением

фиктивных учетных документов, следователем в программу (алгоритм) информационно-познавательной деятельности были включены специальные методы: установление несоответствий между экономическими фактами в деятельности железнодорожной организации и их отражением в учете посредством проведения инвентаризаций или ревизий; криминалистическая оценка установленных несоответствий; определение криминалистически значимых объектов и хозяйственных операций; изучение бухгалтерской документации по интересующим хозяйственным операциям на предмет формирования представления о совершенном преступлении (о модели противоправного деяния, характеристике причиненного деянием ущерба, времени и месте совершения преступления, лицах, причастных к преступлению, их количестве, профессии, распределении функций между ними, способе и механизме совершения преступления)*. Причем именно они (специальные методы) позволили добыть важную криминалистическую информацию, недоступную для получения другими способами, обеспечив расследованию гарантированный успех.

Следует также заметить, что в ходе расследования изучаемой категории преступлений целесообразно применение, как правило, не одного специального метода, а определенной их системы. Элементы этой системы считаем возможным структурировать следующим образом:

– общие методы расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры (организационные методы расследования, поисковые методы, методы установления способа и механизма преступления, методы выявления и фиксации следов);

– методы реализации тактических решений в типовых ситуациях расследования (за счет выбора объекта тактического воздействия, определения целей и задач, оптимальных путей, технологий, условий, круга и последовательности предстоящих действий, направленных на разрешение сложившейся ситуации);

– методы выполнения отдельных действий при расследовании (получение криминали-

стически значимой информации путем исследования хозяйственных операций, анализа документов, а также путем допросов, обысков, осмотров).

Более того, каждый структурный элемент системы может и должен включать в себя методы экономической криминалистики.

Своя система методов может быть разработана и на уровне методики расследования отдельных видов выделенной группы преступлений (например, краж грузов, присвоения или растраты, хищений комплектующих деталей объектов подвижного состава железнодорожного транспорта, хищения деталей верхнего строения пути и пр.), совершаемых работниками отрасли или пользователями ее услуг, и т.п.

Большой резерв для частных криминалистических методик заложен в цифровой криминалистике.

Компьютеризация и цифровизация транспортной отрасли, проводимые в соответствии с реализуемым в Российской Федерации в период с 2019 по 2024 годы национальным проектом «Цифровая экономика», повлияли на активность использования специфических средств совершения преступных посягательств, в числе которых информационные технологии (компьютерные программы специального назначения, информационно-телекоммуникационные сети и пр.). Такие условия повышают роль цифровой криминалистики в решении задач расследования. А потому правильный подход и использование необходимых ее методов обеспечат сбор необходимых электронных доказательств, их последующее процессуальное применение [43].

Методы цифровой криминалистики и технические средства, к примеру, специальные инструментальные (программные и технические) средства, общие и частные методы математики, радиоэлектроники, информатики, используемые в современных компьютерных технологиях (системный анализ, оптические методы, математическое и имитационное моделирование, топологические методы и др.), могут и должны результативно использоваться в расследовании преступлений выделенной группы. Необходимость их внедрения в методику расследования диктуется временем. Это

* Уголовное дело № 1–101/2018 // Архив Заводского районного суда г. Саратова.

подтверждается не только научными публикациями [44; 45], но и следственной практикой.

Примером является уголовное дело в отношении гр. Б., заместителя начальника Эксплуатационного локомотивного депо Балашов по кадрам и социальным вопросам ОАО «РЖД». Гр. Б. совершила хищение денежных средств организации путем обмана. Способ совершения преступления включал использование электронного ключа доступа 19-НУ13ОК1-2 к системе ЕКАСУТР, закрепленного за другим специалистом отдела кадров, внесение в электронную базу данных ложных сведений, обеспечивающих возможность выведения денежных сумм с баланса организации, и был установлен за счет использования методов криминалистического исследования компьютерной информации*.

Переходя к обобщению изложенного материала, заметим, что научная проблема формирования частных методик расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, является проблемой теоретико-методологического уровня. Такая постановка вопроса вполне оправдана по ряду причин.

Во-первых, для ее решения существует практическая потребность в осуществлении

системного исследования сходных преступлений, в нашем случае преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, объединенных по уголовно-правовым и криминалистическим классификационным критериям в единый предмет изучения.

Во-вторых, существование теоретико-методологической базы обеспечивает возможность проведения глубокого научного анализа данной проблемы и разработки обоснованных рекомендаций по совершенствованию расследования исследуемой категории преступлений.

В-третьих, наличие выделенных в ходе исследования отдельных видов преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, закономерностей позволяет осуществить разработку теоретических основ формирования частных криминалистических методик расследования всего их спектра.

В-четвертых, в данной работе рассмотрены лишь главные, по нашему мнению, информационно-теоретические и методологические аспекты частной криминалистической методики. В то же время именно их считаем существенными индикаторами научно-прикладных основ методики расследования преступлений выделенной группы.

Литература

1. Вайнгарт А. Уголовная тактика: Руководство к расследованию преступлений / пер. с нем. В.М. Боремовича. Овруч, 1910.
2. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
3. Чурилов С.Н. Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
4. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
5. Шмонин А.В. Учение об общем методе расследования преступлений: призрак или реальность // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 4.
6. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Мн., 1979.

Bibliography

1. Weingart A. Criminal tactics: A guide to the investigation of crimes / trans. with him. V.M. Boremovich. Ovruch, 1910.
2. Yakimov I.N. Criminalistics: A Guide to Criminal Techniques and Tactics. Moscow, 1925.
3. Churilov S.N. Forensic doctrine about the general method of investigating crimes: diss. ... Dr. of Law. Moscow, 1995.
4. Garmaev Yu.P. Theoretical foundations of the formation of forensic methods for investigating crimes: diss. ... Dr. of Law. Moscow, 2003.
5. Shmonin A.V. The doctrine of the general method of investigating crimes: ghost or reality // Problems of Economics and Legal Practice. 2010. № 4.
6. Dulov A.V. Tactical operations in the investigation of crimes. Minsk, 1979.

* Уголовное дело № 1–7/2020 // Архив Балашовского районного суда Саратовской области.

7. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983.
8. Михальчук А.Е. Тактические комбинации при производстве следственных действий / под ред. В.В. Степанова. Саратов, 1991.
9. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
10. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства. М., 2013.
11. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: текст лекции. Харьков, 1976.
12. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.
13. Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2.
14. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2008.
15. Зайцев О.А., Мишин А.В. Теоретические основы формирования структуры методики расследования преступлений, связанных с посягательством на участников досудебного производства // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3(40).
16. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М., 2010.
17. Пермяков А.Л. Понятие, структура и особенности элементов криминалистической характеристики мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов в коммерческих организациях с государственным участием в капитале (на примере предприятий железнодорожного транспорта) // Юрист-Правоведь. 2016. № 2(76).
18. Субботина М.В., Рудь М.А. Криминалистическая характеристика краж личного имущества пассажиров железнодорожного транспорта // Юрист-Правоведь. 2001. № 1(2).
19. Малыхина Е.А. Структура и содержание криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта и ее значение для частной методики расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).
20. Мартынова С.И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с
7. Shikanov V.I. Theoretical foundations of tactical operations in the investigation of crimes. Irkutsk, 1983.
8. Mikhalychuk A.E. Tactical combinations in the production of investigative actions / ed. V.V. Stepanova. Saratov, 1991.
9. Meretsky N.E. The use of operational-tactical combinations in the detection and investigation of crimes: diss. ... Dr. of Law. Moscow, 2001.
10. Komarov I.M. Forensic operations of pre-trial proceedings. Moscow, 2013.
11. Kolesnichenko A.N. General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes: the text of the lecture. Kharkov, 1976.
12. Vasiliev A.N., Yablokov N.P. Subject, system and theoretical foundations of criminalistics. Moscow, 1984.
13. Luzgin I.M. Development of methods for investigating certain types of crimes // Jurisprudence. 1977. № 2.
14. Kornoukhov V.E. Crime Investigation Methods: Theoretical Foundations. Moscow, 2008.
15. Zaitsev O.A., Mishin A.V. Theoretical foundations for the formation of the structure of the methodology for investigating crimes related to encroachment on participants in pre-trial proceedings // Law enforcement monitoring. 2021. № 3(40).
16. Shmonin A.V. Methodology of forensic technique. Moscow, 2010.
17. Permyakov A.L. The concept, structure and features of the elements of forensic characteristics of fraud associated with the implementation of investment projects in commercial organizations with state participation in the capital (on the example of railway transport enterprises) // Yurist-Pravoved. 2016. № 2(76).
18. Subbotina M.V., Rud M.A. Forensic characteristics of the theft of personal property of passengers of railway transport // Yurist-Pravoved. 2001. №1(2).
19. Malykhina E.A. The structure and content of the forensic characteristics of the theft of component parts of railway transport facilities and its significance for a private investigation technique // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88).
20. Martynova S.I. Forensic characteristics of crimes related to theft of goods on railway transport // Legal Science and Practice: Bulletin of the

хищениями грузов на железнодорожном транспорте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13).

21. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства. М., 2013.

22. Головин А.Ю., Баранов М.В. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. 2013. № 1.

23. Иванов И.И. Криминалистическая профилактика преступлений (комплексное научно-практическое исследование). СПб., 2004.

24. Чиненов Е.В., Щукин В.И., Симоненко Е.И. Специфика функционирования железнодорожного транспорта и ее влияние на процесс раскрытия и расследования экономических преступлений // ЮП. 2019. № 2(89).

25. Ходикова Н.А., Киричек А.В. Философские основания науки: проблемы и перспективы изучения (значение осмысления философских оснований для прогресса науки) // КиБ. 2021. № 2.

26. Пьянов Н.А. О понятии методологии юридической науки // Пролог: журнал о праве. 2014. № 4.

27. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.

28. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3-х т. М., 1997. Т. 1.

29. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Мн., 1983.

30. Лозовский Д.Н. Методы расследования преступлений. М., 2010.

31. Чиненов Е.В. Организация доследственной проверки и возбуждение уголовных дел по преступлениям в сфере экономики, совершаемым на железнодорожном транспорте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4(52).

32. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2(85).

33. Муленков Д.В., Лазаренко О.Н. Применение цифровых технических средств фиксации в полицейской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2(13).

21. Komarov I.M. Forensic operations of pre-trial proceedings. Moscow, 2013.

22. Golovin A.Yu., Baranov M.V. Investigation algorithms in the structure of private forensic methods: problems of development and practical application // Russian investigator. 2013. № 1.

23. Ivanov I.I. Forensic prevention of crimes (complex scientific and practical research). SPb., 2004.

24. Chinenov E.V., Shchukin V.I., Simonenko E.I. The specifics of the functioning of railway transport and its impact on the process of disclosure and investigation of economic crimes // YUP. 2019. № 2(89).

25. Khodikova N.A., Kirichek A.V. Philosophical Foundations of Science: Problems and Perspectives of Study (The Significance of Comprehending Philosophical Foundations for the Progress of Science) // КиБ. 2021. № 2.

26. Pyanov N.A. On the concept of the methodology of legal science // Prologue: Journal of Law. 2014. № 4.

27. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. Moscow, 1973.

28. Belkin R.S. Course of criminalistics: General theory of criminalistics: in 3 vols. Moscow, 1997. Vol. 1.

29. Vozgrin I.A. Forensic methodology for investigating crimes. Minsk, 1983.

30. Lozovsky D.N. Crime investigation methods. Moscow, 2010.

31. Chinenov E.V. Organization of pre-investigation checks and initiation of criminal cases on economic crimes committed in railway transport // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(52).

32. Chinenov E.V., Shchukin V.I. The use of special knowledge in the disclosure and investigation of economic crimes committed at railway transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(85).

33. Mulkov D.V., Lazarenko O.N. The use of digital technical means of fixation in police activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10.

34. Chinenov E.V., Shchukin V.I. Organization of the investigation of economic crimes in the sphere of railway transport // YUP. 2019. № 1(88).

34. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Организация расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // ЮП. 2019. № 1(88).
35. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Теоретические основы производства судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта // Общество и право. 2018. № 4(66).
36. Шумак Г.А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия: сборник научных трудов. Мн., 2001. Вып. 11.
37. Мамкин А.Н. История развития теоретических основ экономической криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1(10).
38. Голубятников С.П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40).
39. Мещеряков В.А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4(15).
40. Вехов В.Б. и др. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М., 2021.
41. Чиненов Е.В. Криминалистическая диагностика экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // ППД. 2018. № 3.
42. Основы теории электронных доказательств / под ред. д-ра юрид. наук. С.В. Зуева. М., 2019.
43. Мещеряков В.А. Особенности специальных знаний, используемых в цифровой криминалистике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2.
44. Шевченко Д.Н. Методы цифровой криминалистики и компьютерной форензики для расследования инцидентов информационной безопасности – обзор // Проблемы науки. 2020. № 4(52).
45. Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10.
35. Chinenov E.V., Shchukin V.I. Theoretical foundations for the production of forensic economic expertise in the investigation of crimes at railway transport facilities // Society and Law. 2018. № 4(66).
36. Shumak G.A. Economic forensics in the system of forensic science // Law and democracy: a collection of scientific papers. Minsk, 2001. Issue 12.
37. Mamkin A.N. The history of the development of the theoretical foundations of economic forensics // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 1(10).
38. Golubyatnikov S.P. Economic forensics: phantom or reality // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(40).
39. Meshcheryakov V.A. Digital Forensics // Forensic Library. Science Magazine. 2014. № 4(15).
40. Vekhov V.B. and others. Digital forensics: a textbook for universities / ed. V.B. Vekhov, S.V. Zuev. Moscow, 2021.
41. Chinenov E.V. Forensic diagnostics of economic crimes committed at railway transport facilities // PPD. 2018. № 3.
42. Fundamentals of the theory of electronic evidence / ed. dr. of law S.V. Zuev. Moscow, 2019.
43. Meshcheryakov V.A. Features of special knowledge used in digital forensics // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. 2013. № 4-2.
44. Shevchenko D.N. Methods of digital forensics and computer forensics for investigating information security incidents - a review // Problems of Science. 2020. № 4(52).
45. Borovskikh R.N., Garmayev Yu.P. Fundamentals of the concept of enlarged (general, basic) forensic methods of investigating crimes // Criminal Justice. 2017. № 10.

Шатов Дмитрий Викторович
Shatov Dmitry Viktorovich

начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидат медицинских наук.
Тел.: + 7 928 279-26-67.

Head of the Bureau of Forensic Medical Examination, PhD in Medicine.

Попов Всеволод Васильевич
Popov Vsevolod Vasilievich

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: +7 918 892-83-84.

Senior Lecturer, Department Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Евдокимов Роман Владимирович
Evdokimov Roman Vladimirovich

врач, судебно-медицинский эксперт РОЭТ Бюро судебно-медицинской экспертизы.
Тел.: +7 903 436-10-73.

Doctor, Forensic Expert, the ROET Bureau of Forensic Medical Examination.

**ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ТРУПА ПРИ ПОДОЗРЕНИИ НА СМЕРТЬ
ОТ ОТРАВЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ**

**Features of the examination of the corpse in case of suspected death from
drug poisoning**

В статье рассматриваются особенности осмотра трупа на месте его обнаружения при обстоятельствах, связанных с употреблением или имитацией употребления наркотических веществ. Приводится краткая характеристика возникновения подобных случаев. Выясняется, чем отличаются понятия «наркотики» и «наркотические вещества». Описывается влияние наркотических веществ на организм человека в зависимости от их вида, приводится их классификация, анализируются постмортальные изменения и способы обнаружения наркотиков. Определяется алгоритм действий на месте обнаружения трупа при подозрении на отравление лица наркотическими веществами.

Ключевые слова: наркотические вещества, трупные пятна, следы от инъекций, поражение кожи, способ употребления.

The article examines the features of the examination of a corpse at the place of its detection in circumstances related to the use or imitation of the use of narcotic substances. A brief description of the occurrence of such cases is given. It turns out how the concepts of «drugs» and «narcotic substances» differ. The influence of narcotic substances on the human body depending on their type is described, their classification is given, post-mortal changes and methods of drug detection are analyzed. The algorithm of actions at the site of detection of a corpse in case of suspected poisoning of a face with narcotic substances is determined.

Keywords: narcotic substances, cadaveric spots, traces from injections, skin damage, method of use.

Основной задачей осмотра трупа на месте его обнаружения является установление причины и времени смерти человека. При неочевидности причины смерти окончательное заключение, конечно же, дает судебно-медицинское исследование трупа в морге, а также дополнительные исследования тканей и жидкостей организма, которые могут осуществляться

в течение достаточно длительного времени. Это задерживает проведение оперативно-разыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования преступлений, в результате чего может быть утрачено время, а следовательно, и важная информация. Обнаружение трупов лиц, скончавшихся от отравления наркотическими веществами, – событие не так уж

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

и часто встречающееся. Но, как показывает практика, сталкиваясь с однотипными случаями, их осмотр не вызывает затруднений, а в нестандартных ситуациях возникает масса сложностей, которые становятся причиной совершения ошибок.

Прежде всего хотелось бы обратиться к наиболее часто употребляемому термину «наркотики». Изначально так называли вещества, применяемые в медицинских целях для наркоза. В последующем вещества, обладающие подобным действием, тоже стали называть наркотиками. Но это не совсем грамотно и не соответствует цели их применения, поэтому группу немедицинского назначения правильно называть «наркотические вещества».

При любых видах отравлений, в том числе и наркотическими веществами, максимальную информативность несет осмотр окружающей обстановки, позволяющий обнаружить остатки веществ, которые могли вызвать отравление, предметы, используемые для употребления веществ, и т. д. Однако возможны ситуации, когда предпринимаются попытки сокрытия факта отравления, например, труп перемещают из места, где произошла смерть, или же, наоборот, преступление маскируется под отравление, например, после удушения мягкими предметами. Поэтому осмотр трупа и выявление признаков отравления в таких ситуациях имеют решающее значение. Заметим, что характерных признаков отравления наркотическими веществами не так уж и много, но они все-таки есть и будут описаны ниже.

Для понимания постмортальных изменений и их проявлений необходимо знать, какое воздействие оказывают наркотические вещества на живой организм. Следует отметить, что их воздействие не однотипно, а зависит от вида наркотического вещества. В контексте данной статьи влияние их на психику и нервную систему рассмотрено не будет. Предлагаем подробно остановиться на описании общезначимых изменений в организме, которые в конечном счете приводят к смертельному исходу. Заметим, что указанные изменения зависят и от способа введения наркотического вещества [1].

Итак, все наркотические вещества делятся на 4 основные группы [2; 3]:

- психостимуляторы;
- опиаты – вещества, получаемые из млечного сока сонного мака (опия);

– канабиноиды – вещества, получаемые из конопли;

– галлюциногены.

К психостимуляторам относятся кокаин, амфетамин, метамфетамин. Наркотические вещества данной группы оказывают негативное воздействие прежде всего на сердечно-сосудистую систему: их употребление сопровождается учащением сердечных сокращений (тахикардией), происходит разрушение стенок сосудов, а именно их расслоение, в результате развивается ишемическая болезнь сердца, приводящая впоследствии к инфаркту. Особый способ потребления кокаина – вдыхание приводит к поражению легких (пневмотораксам, кровотечениям), желудочным кровотечениям вследствие развития некротических изменений на слизистой оболочке желудка. Метамфетамин и амфетамин негативно влияют на внешний вид человека: появляются множественные гнойные поражения кожи, происходит разрушение зубов.

Группа опиатов представлена героином, оксикодоном, морфием, дезоморфином. Общим для них является только внутривенный способ введения в организм. В основном все эти вещества вызывают дегенеративные изменения в желудочно-кишечном тракте, что приводит к истощению и в последующем к кровотечениям. Исключение составляет дезоморфин, его воздействие сопровождается множественными воспалительными процессами практически во всех внутренних органах, что приводит к смерти в течение достаточно короткого промежутка времени [4].

Наиболее «безобидными» по степени влияния на организм являются канабиноиды – марихуана, гашиш и т. д. В основном их воздействие связано со способом потребления – курением. От этого возникают различного рода поражения органов дыхательной системы: бронхиты, пневмонии, кровотечения и т. д., а также сердечно-сосудистой системы, хотя и не столь выраженные.

И наконец, галлюциногены – псилоцибин, ЛСД, мескалин. От действия этой группы, как правило, страдает нервная система человека.

Общее негативное влияние всех вышеперечисленных групп на организм человека [5] прежде всего выражается в нарушении обменных процессов, в частности витаминов, что приводит к постепенному истощению и

характерному внешнему виду. Соответственно, это не может не сказаться на иммунной системе, поэтому лица, страдающие наркотической зависимостью, начинают болеть различными инфекционными заболеваниями, страдают от множественных гнойных поражений кожи и подкожной клетчатки, вплоть до абсцессов и флегмон. Присоединяются и аллергические реакции на коже, сопровождаемые зудом и, соответственно, приводящие к множественным расчесам.

Изменения сердечно-сосудистой системы зависят от механизма действия вещества. При угнетающем воздействии развивается сердечная недостаточность, при стимулирующем – инфаркт.

Наиболее переменные проявления воздействия наркотических веществ наблюдаются в дыхательной системе, минимальными из которых являются бронхиты и пневмонии. Кроме того, потребление путем курения приводит к многочисленным термическим и химическим ожогам. Но некоторые из наркотических веществ (героин, кодеин) угнетают дыхательный центр, что приводит к остановке дыхания и смерти. Соли и спайсы провоцируют раннее развитие онкологических заболеваний легких и дыхательных путей.

Под влиянием наркотиков на пищеварительную систему происходит нарушение всасывания питательных веществ, что приводит к дегенеративно-дистрофическим изменениям организма и, как следствие, к последующим нарушениям обменных процессов. Началом этих изменений являются различные воспалительные процессы в ротовой полости: стоматиты, пародонтоз, массивные кариозные разрушения зубов. Одновременно возникают множественные гнойные грибковые поражения ногтей. Затем этот процесс переходит на костную систему: кости сначала деформируются, а позже становятся хрупкими.

Не может не сказаться воздействие наркотических веществ и на почки – возникает почечная недостаточность. Вследствие хронической интоксикации наблюдается печеночная недостаточность, а в последующем печеночная кома. Поражение щитовидной железы также приводит к изменению внешнего вида: нездоровый румянец на фоне синюшности и одутловатости лица.

Все вышеперечисленные изменения сохраняются и на трупе. В связи с этим их наличие

позволяет сделать вывод об отравлении человека наркотическими веществами.

В случае если при осмотре трупа возникает подозрение, что смерть наступила от потребления наркотических веществ, надо понимать, что это могло произойти как от однократного (первого) введения вещества в организм, так и в результате хронического употребления. При смерти от острого введения наркотических веществ картина будет соответствовать картине смерти от отказа той системы организма, которая максимально подверглась токсическому воздействию. При этом признаков потребления наркотических веществ может не быть. «Свидетелями» в данном случае будут выступать окружающая обстановка, следы от инъекций и т. д. Окончательный вывод будет получен после проведения судебно-химического исследования.

Рассмотрим наиболее характерные признаки хронического потребления наркотикосодержащих веществ [6]. Первое, на что следует обращать внимание при тщательном осмотре трупа, – это возраст. Обычно он колеблется в пределах 20–35 лет. Кроме того, как отмечалось ранее, скорее всего будут наблюдаться дефицит массы тела, выраженная мышечная дистрофия. Лицо синюшное, одутловатое, если труп осматривается вскоре после смерти, то может наблюдаться румянец. При ощупывании кожных покровов выявляется их неестественная сухость, если собрать кожу в складку, она плохо и долго расправляется. На фоне этого цвет кожных покровов бледно-землянистый, в большинстве случаев наблюдаются различные гнойные поражения, могут быть расчесы. Отмечается ломкость волос и их выпадение.

Как правило, смерть от воздействия наркотических веществ наступает от асфиксии, при этом трупные пятна разлитые (более 50 % тела), фиолетового или темно-фиолетового цвета. На фоне этих пятен выявляются мелкоочечные кровоизлияния на коже и конъюнктиве глаз.

Тщательному осмотру необходимо подвергнуть лицо трупа. Как правило, отмечается наличие скопления стойких светло-серых или белесоватых мелкопузырчатых пенистых выделений возле носовых ходов и (или) внутри них, а также около и (или) в полости рта. Отмечается нехарактерное для молодого возраста состояние зубов – множественные поражения

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

кариесом, вплоть до полного разрушения, возможно, будут наблюдаться воспалительные изменения слизистой оболочки ротовой полости и языка. Параллельно с этим проверяется наличие следа от инъекции в корень языка или наличие не всосавшегося вещества при сублингвальном или преддверном употреблении.

Конечно же, наиболее информативными при осмотре трупа при подозрении на отравление наркотическими веществами являются следы инъекций. Максимальное внимание нужно сосредоточить на поиске следов свежих инъекций, которые следует искать по ходу магистральных вен. При хроническом употреблении наркотических веществ путем внутривенного введения развивается тромбофлебит, что приводит к уплотнению вены по ее ходу и окружающих ее тканей. В результате вокруг вены образуется плохо смещаемый плотный тяж с точечными следами – «дорожка». В зависимости от стадии наркотической зависимости расположение «дорожек» будет варьироваться. На начальной стадии лица, употребляющие наркотические вещества, пытаются это скрыть, поэтому задействуют для инъекций области тела, прикрытые одеждой, – локтевые сгибы, внутренние поверхности бедер и т. д. На более поздних стадиях уже задействуются любые доступные вены, поэтому «дорожки» можно наблюдать на тыльной стороне кисти или стопы и т. д.

В некоторых случаях можно обнаружить «колодцы» – гнойно-воспалительные разрушения кожи и подкожной клетчатки, а также глубже лежащих тканей в местах постоянных инъекций в области поверхностного расположения магистральной вены. Как правило, «колодцы» находят в паховых или подмышечных зонах, это связано с низкой гигиеной данных областей.

Не стоит забывать и о нестандартных путях введения наркотических веществ, к которым относится вышеуказанный способ введения веществ через ротовую полость. Редко инъекции делаются в головку полового члена. Ректальный путь введения применяют гомосексуалисты, при этом у трупа наблюдается широкое зияние заднего прохода.

Выявление сужения зрачков (миоз) свидетельствует об употреблении наркотических веществ морфинового ряда. Однако асфиктические явления, сопровождающие смерть от отравления наркотическими веществами, в большинстве случаев вызывают расширение зрачков (мидриаз). Поэтому отсутствие сужения зрачков не исключает употребление наркотических веществ.

Важным моментом является возникновение внезапной смерти от употребления таких веществ, как эфедрон или амфетамин. Эти вещества способны резко простимулировать деятельность сердца даже при употреблении в привычной дозе, что приводит либо к остановке сердца, либо к инфаркту. В таких случаях наблюдается типичная картина так называемой острой коронарной смерти.

Как видно из всего вышесказанного, характерные трупные изменения при отравлении наркотическими веществами незначительны, но обнаружить их все же можно. Неоспоримо, что окончательную точку при установлении причины смерти поставит судебно-химическое исследование. Однако осмотр трупа на месте его обнаружения остается немаловажной составляющей, как и любой другой осмотр места происшествия.

Существует некий алгоритм проведения подобного вида осмотра (см. рис.).

- молодой возраст погибшего (25-35 лет), чаще мужчины;
- смерть погибшего в вечерние или ночные часы;
- смерть погибшего в условиях неочевидности;
- обнаружение трупа погибшего в квартире или подъезде жилого дома;
- наличие инъекционных приспособлений и/или наркотических веществ около погибшего и в карманах одежды;
- катанестические сведения.

Рис. Алгоритм проведения осмотра трупа на месте его обнаружения при подозрении на отравление наркотическими веществами

Строго следуя этому алгоритму и используя информацию о возможных трупных проявлениях при отравлении наркотическими веществами, можно качественно выполнить ос-

мотр и уже на первоначальном этапе проведения следственных действий сделать или опровергнуть предположения о возможной причине смерти.

Литература

1. Литвицкий П.Ф. Патофизиология: учебник. 4-е изд. М., 2009.
2. Медицинская токсикология: Национальное руководство/ под ред. Е.А. Лужникова. М., 2012.
3. Патология. Руководство / под ред. М.А. Пальцева, В.С. Паукова, Э.Г. Улумбекова. М., 2000.
4. Острые отравления диацилморфином (героином) (обзор)/ А.Т. Лоладзе, Г.А. Ливанов и др. // Общая реаниматология. 2016 Т. XII. № 6.
5. Федеральные клинические рекомендации «Отравления наркотиками и психодислептиками». М., 2013.
6. Меденцов А.А., Бабровская А.Ю. Достоверные признаки, обнаруживаемые при наружном исследовании трупа при отравлении наркотическими веществами // Фундаментальные исследования. 2006. № 1.

Bibliography

1. Litvitsky P.F. Pathophysiology: textbook. 4th ed. Moscow, 2009.
2. Medical Toxicology: A National Guide / ed. E.A. Luzhnikov. Moscow, 2012.
3. Pathology. Management / ed. M.A. Paltseva, V.S. Paukova, E.G. Ulumbekov. Moscow, 2000.
4. Acute poisoning with diacetylmorphine (heroin) (review)/ A.T. Loladze, G.A. Livanov, B.V. Batotsyrenov, etc. // General resuscitation. 2016. Vol. XII. № 6.
5. Federal clinical guidelines «Poisoning by drugs and psychodysleptics». Moscow, 2013.
6. Medentsov A.A., Babrovskaya A.Yu. Reliable signs detected during external examination of the corpse in poisoning with narcotic substances // Fundamental Research. 2006. № 1.

**Василенко Наталья Александровна
Vasilenko Natalya Alexandrovna**

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: nvasilenko16@mvd.ru

Postgraduate, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЭФФЕКТИВНОГО
ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЯ**

**Obstruction of legitimate business activity:
problems and ways of effective law enforcement**

В статье рассматриваются проблемные вопросы правоприменения положений ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуется история введения воспрепятствования законной предпринимательской деятельности в уголовное законодательство, обосновывается значимость статьи для борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере экономической деятельности. Предлагаются пути переосмысления сущности ст. 169 УК РФ для более эффективного ее применения.

Ключевые слова: воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, предпринимательская деятельность, незаконные действия должностных лиц, экономические преступления, родового объект, видовой объект.

The article addresses problematic issues of enforcement of the provisions of Art. 169 of the Criminal Code of the Russian Federation. The history of introducing obstruction of legitimate entrepreneurial activity into criminal legislation is studied, the significance of the article is justified to combat crimes committed in the field of economic activity. Ways are proposed to rethink the essence of Art. 169 of the Criminal Code of the Russian Federation for its more effective application.

Keywords: hindrance of lawful business activity, business activity, illegal actions of officials, economic crimes, patrimonial object, specific object.

В условиях перехода к политике экономического плюрализма и установления рыночной экономики предпринимательство явилось своеобразным индикатором и отражением логики экономического развития. Фундаментальной основой установления и реализации предпринимательских отношений является Конституция России [1], аккумулирующая в себе нормы-принципы, направленные на всестороннее и гармоничное развитие экономических отношений в государстве. В частности, такое утверждение вытекает из телеологического толкования положений ст. 8 и 34 [2].

Таким образом, каждое государство создает особое правовое регулирование экономических отношений на своей территории, в определенной степени пытается осуществлять прозрачное и эффективное правовое регулирование процесса их создания, функционирования, развития и прекращения (в случае объективной или субъективной необходи-

мости). Прежде всего эти факторы определяют достижения эффективного результата от применения таких экономических режимов для бизнеса, с одной стороны, и для государства и населения – с другой.

Таким образом, государство выступает регулятором рыночных отношений в процессе экономической деятельности и обеспечивает защиту публичных интересов.

При этом ретроспективный подход к анализу хозяйственной деятельности показывает, что формирование законодательства о предпринимательской деятельности осуществлялось поэтапно.

К свободному предпринимательству наша страна, хотя и болезненно, но верно и постепенно переходила на этапе отказа от командно-административного социализма, который сменил рыночный тип экономических отношений. Однако, помимо положительных моментов в виде здоровой конкуренции, увеличения

дифференциации товаров и услуг, представленных на рынке, ориентирования на спрос покупателя и т. д., общество и государство столкнулись с такими отрицательными последствиями, как появление новых видов преступлений, посягающих на свободу предпринимательства и порядок осуществления предпринимательской деятельности, а также рост экономической преступности в целом.

Незаконные действия должностных лиц, чиновников, связанные с неправомерным ограничением прав предпринимателей, препятствовали развитию свободных экономических, могли причинить им крупный ущерб, привести к банкротству.

На начальном этапе гарантии предпринимательской деятельности были отражены в Законе РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [3]. Интересной является диспозиция ст. 20 этого закона, которая установила корреспондирующую обязанность государства – недопущение отказа в регистрации предприятия по мотивам нецелесообразности. Таким образом, впервые в постсоветской России на законодательном уровне закреплён принцип невмешательства государства в частные дела, в дела предпринимателей и иных субъектов предпринимательской деятельности, за исключением оснований, предусмотренных специальным законодательством. При этом в условиях динамики общественных отношений, которая усложнялась непростой социально-политической обстановкой, возникла насущная необходимость в криминализации неправомерных действий должностных лиц, направленных на воспрепятствование хозяйственной деятельности.

Так, в УК РФ была закреплена ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности». История ее учреждения в уголовном законе удивительна, поскольку вызовом новому экономическому правопорядку явились незаконные и неправомерные действия должностных и других лиц. Данная статья была введена в действие с января 1997 года и помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Стоит также отметить, что данная глава является самой большой в УК РФ 1996 г. Более того, данная глава открывается ст. 169 УК РФ, что говорит о ее важности. Значимость пре-

ступлений, посягающих на отношения в сфере хозяйственной деятельности, объясняется признаками, выступающими общностью родового (видового) объекта.

В качестве такового современные ученые называют интересы, на которые преступления посягают и которые нарушают, за что следует уголовная ответственность согласно той или иной статье уголовного закона. Разница между родовым и видовым объектами заключается в том, что общность родового объекта предполагает помещение преступлений в один раздел, а общность видового объекта влечет объединение норм, предусматривающих уголовную ответственность в рамках одной главы.

Родовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности является совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ [4, с. 81].

Видовой объект экономических преступлений – это сформированный порядок осуществления различных видов экономической деятельности, в число которых входит и предпринимательская деятельность, ориентированная на производство, распределение, обмен и использование товаров и услуг.

Все виды экономической деятельности, в том числе и предпринимательская, регулируются государством, охраняются им претворяются в жизнь. Совершая преступление в сфере экономической деятельности, лицо посягает на интересы государства, находящиеся под его защитой субъектов хозяйствования и даже физических лиц – обычных граждан, которые так или иначе связаны с данной деятельностью (являются потребителями товаров и услуг, работают на предприятиях и т. д.).

В число экономических преступлений входит и воспрепятствование законной предпринимательской деятельности. Данные общественно опасные деяния совершают должностные лица, тем самым они нарушают гарантии осуществления экономической, в том числе предпринимательской, деятельности, которые регламентированы основным и другими законами страны, а также посягают на права и свободы участников данного вида деятельности.

Исходя из того, что воспрепятствование законной предпринимательской деятельности посягает на общественные отношения в сфере

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

обеспечения свободы экономической деятельности, законодатель поместил данный вид общественно опасного деяния в гл. 22 УК РФ.

Целесообразность этого подтверждается необходимостью пресечения государством в лице уполномоченных на то органов и должностных лиц любой формы произвола доверенных лиц государства, который в той или иной степени может ограничивать или даже воспрепятствовать осуществлению экономической деятельности, в том числе и предпринимательской.

Как видим, правовое обеспечение предпринимательской деятельности по субъективному состоянию имеет двойную правовую природу: во-первых, с точки зрения публичного права органы публичной администрации в отношении субъектов предпринимательства являются, с одной стороны, обязанными и должны обеспечивать их законные права и интересы, а с другой – в случае нарушения ими прав потребителей, антимонопольного, налогового, экологического законодательства в отношении них имеют право меры административного принуждения. Во-вторых, с точки зрения частного права они не могут вмешиваться в деятельность субъектов хозяйствования, что проявляется в различных формах защиты предпринимателей и создании для них благоприятной предпринимательской среды.

Но возникает обоснованный вопрос: если преступление, посягающее на порядок и гарантии осуществления предпринимательской деятельности, совершается специальным субъектом – должностными лицами, то почему оно помещено в главу «Преступления в сфере экономической деятельности», а не, например, в главу о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, ведь для совершения такого противоправного деяния, как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, его субъект должен быть наделен специальными полномочиями, использовать для этого свое служебное положение? Ответ очень прост и частично уже был затронут ранее – в качестве объединяющего признака в уголовном законе используется родовая (видовая) объект, а не такой элемент состава преступления, как субъект, который тем не менее не обладает меньшей значимостью, нежели объект, объективная сторона или субъективная сторона.

Одной из главных проблем в квалификации преступлений в сфере предпринимательской деятельности является вопрос об установлении общности родового (видового) объекта. Так, теория уголовного права понимает под родовым объектом интересы, на которые преступления посягают, которые нарушают, за что следует уголовная ответственность согласно той или иной статье, содержащейся в одном из шести разделов Особенной части уголовного закона. Видовым объектом являются такие интересы, на которые преступления посягают, которые нарушают, за что следует уголовная ответственность, предусмотренная в одной из девятнадцати глав Особенной части УК РФ [5, с. 71–74].

Родовым объектом преступлений в сфере экономической и иной хозяйственной деятельности законодатель видит саму экономику как неразрывный, взаимосвязанный производственный комплекс отношений, посредством которого удовлетворяются публичные и частные потребности.

Думается, что такое размытое понимание родового объекта существенно затрудняет квалификацию преступлений в сфере экономической и хозяйственной деятельности. При этом насущная необходимость в переосмыслении проблематики такого вопроса теоретически констатировалась ранее как в российской [6, с. 43–77], так и в зарубежной науке [7, с. 38].

Видовой объект понимается в доктрине двояко [8, с. 56–60]. При этом наиболее авторитетные ученые сходятся во мнении, что видовой объект в экономических преступлениях – установленный порядок осуществления хозяйственной деятельности по поводу производства, потребления, реализации услуг и благ, которые составляют экономический оборот в государстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первые годы установления политики экономического плюрализма законодательству о предпринимательской деятельности были свойственны такие инструменты защиты прав хозяйствующих субъектов, как реализация санкций за нарушение прав и интересов предпринимателей, основанных на принципе невмешательства в дела хозяйствующих субъектов.

В 1990-е годы государственное регулирование предпринимательства, как правило, не основывается на экономических стимулах для

достижения цели. Другие инструменты государственного влияния на экономику (налогообложение, субсидирование) направлены на изменение деятельности субъектов посредством экономических стимулов или других приемов (например, распространение государственными органами информации, что влияет на поведение в сфере экономики). Следует подчеркнуть, что для этого необходимы средства правового регулирования хозяйственной деятельности и метод государственного влияния на экономику. Средства правового регулирования хозяйственной деятельности являются чисто теоретическим понятием, которое применяется для отстаивания отраслевой специфики хозяйственного права. В свою очередь, метод государственного влияния на экономику имеет сугубо практический смысл, поскольку позволяет выработать содержание государственной экономической политики для дальнейшего правового закрепления и целостно влияет уже на развитие уголовного законодательства [9, с. 36–42].

Несмотря на то что данная норма выступает безусловной новеллой отечественного уголовного права, ее правоприменение является коллизионным, что подтверждается статистикой. Так, например, по данным судебной статистики, за последние четыре года общее число осужденных лиц по ч. 1–2 ст. 169 не превышало 22 (в 2017 году основная квалификация 5/дополнительная квалификация 12; в 2018 году – 7/9; в 2019 году – 9/13, в 2020 году – 5/7) [10]. Можно сказать, что по данной статье были вынесены единичные приговоры, которые имеют преимущественно эпизодический характер.

При этом значительное число уголовных дел заканчивается оправдательными приговорами, либо лицо, совершившее данное преступление, привлекается по совокупности преступлений. Как отмечается в научной литературе, деяния, предусмотренные ст. 169 УК РФ, являются распространенными, но мало выявляемыми.

Существование данной нормы в уголовном праве продиктовано тем, что законодатель в качестве объекта охраны ставит свободу экономической деятельности, которая гарантирована ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, а также право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской

деятельности, гарантированное ч. 1 ст. 34 Конституции РФ.

Учитывая двойственность рассматриваемой статьи, ее правовой природы и назначения, представляется возможным высказать несколько практических замечаний, связанных с регулированием правоотношений, которые найдут отражение в правоприменительной практике по рассматриваемой проблематике.

Для более успешного правоприменения положений ст. 169 УК РФ и минимизации рисков, реализации прав предпринимателей на судебную защиту представителями науки и практики высказываются различные точки зрения о реформировании положений ст. 169 УК РФ. Многие специалисты ратуют о перемещении ст. 169 УК РФ в гл. 30, поскольку преступления в сфере экономической деятельности представляют собой злоупотребление служебными правами и обязанностями. Таким образом, подобные деяния аккумулируют в себе все необходимые существенные признаки должностных преступлений, которые являются более тяжкими по сравнению с преступлениями в сфере экономической деятельности и наказываются строже. Более того, как отмечает профессор В.И. Гладких [11, с. 45–67], ст. 169 УК РФ является специальной по отношению к ст. 285 и 315 УК РФ.

В связи с тем, что ст. 169 УК РФ является специальной по отношению к ст. 285 и 286, специалистами высказано мнение о декриминализации преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, а именно исключение данного состава из уголовного закона России.

Исходя из вышесказанного, возможно произвести декриминализацию ст. 169 УК РФ, поскольку такая процедура позволяет избежать конкуренции между нормами ст. 169, 285, 286 УК РФ. При этом необходимо, конечно, внести коррективы в ст. 285 УК РФ, т. к. если законодатель осуществит декриминализацию ст. 169 без внесения изменений в ст. 285, то это приведет к увеличению числа лазеек для ухода от наказания недобросовестных чиновников.

Предложенный вариант является радикальным, но он более предпочтителен для развития экономического оборота в условиях распространения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019.

Учитывая, что в УК РФ с момента его вступления в силу (с 1 января 1997 г.) и до настоящего

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

времени внесено более 260 поправок, из них 60 (23 %) – в статьи главы «Экономические преступления», можно сделать вывод, что уголовно-правовая защита экономических отношений является важным аспектом государственного регулирования и сфера экономики все больше криминализируется. Первоначально гл. 22 УК РФ насчитывала 32 статьи, сейчас их количество увеличилось почти вдвое и составляет 58. За весь период декриминализовано всего 4 состава экономических преступлений. В этом случае декриминализация одной из норм экономических преступлений не будет согласоваться с государственной экономической политикой. Поэтому оптимальным, по нашему мнению, является перемещение ст. 169 в гл. 30 Особенной части УК РФ и внесение соответствующих изменений, что позволит избежать ее исключения из УК РФ и при этом, возможно, получить более широкую правоприменительную практику у следственных органов.

Двоякий характер рассмотренной статьи не позволяет правоприменителям определить, как квалифицировать преступления в сфере экономической деятельности, а именно преступления против хозяйствующих субъектов, нормы какой статьи УК РФ следует применять для урегулирования того или иного вопроса, связанного с совершением преступления в сфере предпринимательской деятельности.

В качестве рассуждений о конечном содержании диспозиции ст. 169 УК РФ видится необходимым изложить норму в следующей редакции: «Неправомерный отказ в государственной регистрации предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче лицензии на осуществление определенной деятельности (хозяйственной) либо уклонение от его выдачи, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вме-

шательство, ограничение самостоятельности в деятельность хозяйствующего субъекта, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения либо из корыстной или иной смежной заинтересованности, повлекли нарушение, ограничение законных интересов субъекта предпринимательской деятельности в зависимости от организационно-правовой формы при осуществлении им хозяйственной или иной деятельности».

На данный момент проблема качественного правового обеспечения государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации является самым актуальным вопросом, т. к. реализация различных действий по развитию предпринимательства непосредственно опирается на нормативно-правовую базу.

Также необходимым является разрешение проблемы доказывания по преступлениям экономической направленности, в частности, по ст. 169 УК РФ. Правоприменителю следует обратить внимание на квалифицирующие признаки состава преступления по ст. 169 УК РФ, поскольку именно их факт является залогом грамотного и всестороннего разрешения дела по существу.

Правовая сущность преступлений в сфере предпринимательской деятельности во многом остается непонятной. Преобладающий в науке взгляд на природу этого института является междисциплинарным, а точки зрения на его функционально-динамическую роль абсолютно полярны.

Одной из целей настоящего исследования является необходимость продемонстрировать мощнейший функционал переосмысления сущности ст. 169 УК РФ и осуществлять дальнейшие доктринальные разработки, посвященные ее сути и роли в механизмах правового регулирования в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 04.07.2020).

2. In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Article 21.1 of the Federal Law

2. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис»: постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2015 года № 10-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 22, ст. 3304.

3. О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 30, ст. 418.

4. Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1.

5. Преступления в сфере экономики: учебник для академического бакалавриата / И.А. Подройкина и др.; под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. М., 2021.

6. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.

7. Уинтер Г. Вопросы права и экономики. М., 2019.

8. Егоров Я.Ю. Видовой объект преступлений в сфере экономической деятельности // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития: сб. научных трудов по итогам Международной науч.-практ. конф. (10 сент. 2015 года). Уфа, 2021.

9. Гладких В.И. Преступления в сфере экономической деятельности. Курс лекций: уч. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.И. Гладких, А.К. Есян. М., 2020.

10. Федеральная служба государственной статистики: правонарушения в сфере экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13722> (дата обращения: 28.10.2021).

11. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.И. Гладких и др.; под общ. ред. В.И. Гладких, А.К. Есяна. М., 2020.

«On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» in connection with the complaint of the limited Liability Company «Otdelservice»: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. May 18, 2015 № 10-P // Collection legislation of the Russian Federation. 2015. № 22, Art. 3304.

3. On enterprises and entrepreneurial activity: law of the RSFSR d.d. Dec. 25, 1990 № 445-I // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR. 1990. № 30, article 418.

4. Medvedev A.M. Economic crimes: concept and system // The Soviet state and law. 1992. № 1.

5. Crimes in the sphere of economics: a textbook for academic bachelor's degree / I.A. Podroikina et al.; edited by I.A. Podroikina, S.I. Ulezko. Moscow, 2021.

6. Yankovsky R.M. Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, «other property» and digital money // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4.

7. Winter G. Questions of Law and Economics. Moscow, 2019.

8. Egorov Ya.Yu. Specific object of crimes in the sphere of economic activity // Modern jurisprudence: current issues and prospects for development: collection of scientific papers on the results of the International Scientific and Practical Conference (Sept. 10, 2015). Ufa, 2021.

9. Gladkikh V.I. Crimes in the sphere of economic activity. Course of lectures: textbook for university students studying in the direction of «Jurisprudence» / V.I. Gladkikh, A.K. Yesayan. Moscow, 2020.

10. Federal State Statistics Service: Economic offenses [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13722> (date of access: 28.10.2021).

11. Criminal law. Special part: textbook for universities / V.I. Gladkikh et al.; under the general editorship of V.I. Gladkikh, A.K. Yesayana. Moscow, 2020.

**Игонина Елена Олеговна
Igonina Elena Olegovna**

аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.
E-mail: elena-law@list.ru

Postgraduate, the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

**ФИЛОСОФСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
КОНЦЕПЦИИ ПРИЧИННОСТИ**

Philosophical and criminal-legal concepts of causality

В статье рассматривается вопрос о понимании сущности категории причинности, которая представляет собой один из видов детерминизма, определяющего различные формы взаимосвязи явлений. Отмечается, что философия рассматривает причинность как объективно закономерную связь порождения одного явления другим, однако философское учение о причинной связи не всегда в полной мере удовлетворяет целям уголовного права, о чем свидетельствует сложившаяся противоречивая практика.

Ключевые слова: причина, причинная связь, уголовно-правовая доктрина, философское учение, концепции.

The article considers the essence of the category of «causality», which is one of the types of determinism that determines the various forms of interaction of phenomena. It is noted that philosophy considers causality as an objectively logical connection between the creation of one phenomenon and another, but the philosophical doctrine of causal connection does not always fully satisfy the goals of criminal law, as evidenced by the current contradictory practice.

Keywords: cause, causal relationship, criminal law doctrine, philosophical doctrine, concepts.

В научной литературе проблема полноты и удовлетворительности философского понятия причины для целей уголовно-правовой практики далека от разрешения. В теории различные точки зрения становятся предметом обсуждения. При этом основным методологическим вопросом является: «Должна ли наука уголовного права применять установленное в философии понятие причинной связи или же может произвольно вкладывать в это понятие особый смысл, делающий его пригодным для специальных потребностей уголовного права?» [1, с. 75].

Невозможно не согласиться с тем, что «не существует некоего единого общеправового подхода и различные философские школы предлагают различное видение понятия причинности», более того, каждый философ представляет свое понятие причинности [2, с. 4].

На сегодняшний день существует множество противоречивых и неоднозначных концептов, описывающих сущность причинности. Ниже приведены точки зрения основных философских деятелей на причинность и причинную связь. Философские воззрения выдающе-

гося древнегреческого философа, основоположника объективного идеализма Платона базируются на его представлении о мире, разделенном на вещи и идеи (eidos). Идеи Платона легли в основу учения Аристотеля о причинности, который выделял 4 вида причин: формальную, выражающую «идею», сущность и качество вещи; материальную, выражающую материю и сущность вещи; производящую, выражающую отношения между формой и материей в их движении; целевую, выражающую предназначение вещи. По Аристотелю, целевая причина – это то, ради чего нечто происходит и существует, т. е. наивысшее благо. В таком виде теория причинности просуществовала более двух тысяч лет, практически не изменяясь. До конца XVI – начала XVII века аристотелевское понимание причинности рассматривалось и дополнялось различными концепциями, однако принципиально иной теории предложено не было.

Тему причины и следствия поднял П.А. Гольбах, который, являясь материалистом, представлял природу как необъятную цепь механических причин и следствий,

вытекающих одно из другого. Для установления первоначальной причины сложного явления вырабатывается алгоритм-аналитика, т. е. сложное явление необходимо разложить на части и определить причину каждой. Т. Гоббс, ученик Ф. Бэкона, рассматривал причину в системе права с точки зрения метода *conditio sine qua non*, где правоприменитель мысленно исключает из числа событий деяние обвиняемого и решает вопрос о том, наступил бы искомый результат при таком условии. В 1793 году Д. Юм в принципе ставит под сомнение понятие «причинность», пытаясь очистить его от метафизики «скрытых оснований». Ученый приходит к отрицанию компонента необходимости в понятии причинности: необязательно за событием А будет следовать событие В, даже если ранее такое происходило. По мнению Гегеля, отношения каузальности есть отношения субстанциональности. Он утверждает, что тождество причины с собой заключается в ее действии, которое не содержит ничего, чего нет в причине. Она порождает действие, в дальнейшем обуславливающее причину. Таким образом, причина через действие образует качественно иную причину: процесс взаимодействия причины и следствия приводит к новому порождению причины и следствия. В умножении причины и следствия Гегель видит причину всех дальнейших событий.

В свою очередь, Т.В. Церетели, рассуждая на тему непригодности философского учения о причинной связи для целей уголовного права, указывает на то, что существуют два основных направления: юридическое и философское. Первое постулирует, что уголовное право не интересуется выяснением всех без исключения условий наступившего результата. Для уголовного права важно лишь выяснить, является ли определенное человеческое действие одним из необходимых его условий. При этом автор, рассуждая, отмечает, что в уголовном праве категория причины понимается в философском смысле.

Различие между философским и юридическим пониманием причины заключается лишь в акцентировании внимания на предшествующие следствию моменты, имеющие значения для уголовного дела. Оппоненты данной концепции утверждают, что невозможно применять «философское», «естественное» понятие причинности в области уголовного права, что

приводит «к необходимости создания особого юридического понятия причинной связи, пригодного для обоснования уголовной ответственности» [1, с. 76]. Т.В. Церетели указывает на специфичность уголовно-правового учения о причинности, выражая свое согласие с советскими криминалистами, которые, с ее точки зрения, «совершенно правильно отмечают зависимость юридических конструкций буржуазных юристов от их философских представлений» [1, с. 79].

А.Э. Жалинский, признавая специфику уголовно-правовой причинности, говорит о том, что она «представляет собой специфический, сложный социально-правовой феномен, и уголовно-правовая наука... должна разработать особое свое учение об этом феномене, отличное от философского, естественно-научного, психологического и т. п. учений. Философские взгляды на причинность не могут быть основанием признания лица уголовно ответственным, а их использование чаще всего представляет собой ложный редукционизм, основанный на игнорировании сложности естественных и социальных явлений и преувеличении нормативной значимости философских суждений» [3, с. 270]. Так, А.Э. Жалинский в своих рассуждениях приходит к выводу о необходимости разграничения предметного анализа и уголовно-правовой оценки причинности, поскольку с точки зрения философии она не является основанием для признания лица ответственным за уголовно наказуемое деяние. В отличие от философии для уголовного права важна нормативная значимость суждений и понятий. Именно признак формальной определенности (нормативности) является весомым критерием для возникновения уголовно-правовых отношений.

Достоинна внимания позиция Н.Д. Сергеевского. Автор приходит к выводу, что, кроме общего понятия причинной связи, которым оперирует теория равноценности условий, существует иная категория – «причинная связь в уголовном праве»: «Причиной в смысле уголовного права должно считаться такое действие, которое, во-первых, является причиной в общем смысле для запрещенного явления, а во-вторых, совершалось при возможности предвидения этого явления как последствия» [4]. В центр внимания ставится возможность предвидения последствий, т. е. юридический деятель

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

в понятие причины включает субъективный момент – вину, отождествляя причинную связь с виновностью. Данная точка зрения считается ошибочной, поскольку возможность предвидения последствия не является объективным основанием установления причинной связи. Лицо может не предвидеть следствие, однако данный факт не исключает наличия причинной связи между деянием и наступившим результатом. Недопустимо давать правовую оценку наличия либо отсутствия причинной связи на основе субъективных признаков (психическое отношение лица к содеянному) состава преступления. Например, в случае если лицо добросовестно заблуждалось относительно происходящих событий (знакомый помогал товарищу перевозить краденые вещи, считая, что они являются собственностью его друга), состав преступления отсутствует, а именно субъективная сторона (лицо не предвидело и не могло предвидеть последствия), однако причинная связь между деянием (способствованием хищению) и последствием (материальным ущербом для потерпевшего) не исключается.

В то же время Г.В. Тимейко считает, что проблема причинной связи в уголовном праве не может быть решена независимо от осмысления причинности в философии, указывая, что нет другого понятия причинности, отличного от философского. Действительно, в юридической литературе встречаются попытки ограничить причинную связь исключительными свойствами причинности в уголовном праве и на этой основе создать особое понятие «юридически значимой» причинной связи. При этом Г.В. Тимейко отмечает, что «объективный процесс причинности не зависит от субъективных свойств и качеств причинителя вреда» [5, с. 110]. Особого внимания заслуживает точка зрения С.В. Познышева, заявлявшего, что причинная связь является исключительно философской категорией, в то время, когда в литературе господствовали специальные «уголовно-правовые» теории причинной связи. По мнению ученого, «в уголовном праве причиной должно считаться то, что вообще должно считаться во всякой науке; уголовно-правовая наука должна лишь применить к своим построениям общее понятие причины, не допуская никаких отступлений и никакого искажения его» [6, с. 316].

Для В.Б. Малинина вопрос соотношения понятий причинной связи, используемых в уголовном праве и философском учении, решен категорично: «в уголовном праве должно применяться то же понятие причинной связи, что и в философии. Не существует особого, отличного от философского понятия причинности» [7, с. 7]. Каждый из авторов обоснованно аргументирует представленную им точку зрения и пытается раскритиковать позицию противника, в результате чего возникает множество независимых и несводимых друг к другу убеждений.

На основе анализа философских и уголовно-правовых концепций причинности З.Б. Соктоев приходит к умозаключению, что «...более состоятельной видится точка зрения, согласно которой уголовно-правовая причинность представляет собой сложный, специфический правовой феномен, следовательно, уголовно-правовая наука должна на основе философского подхода разработать свое, особое учение об этом феномене, отличное от криминологического, психологического, естественно-научного и иных учений» [8, с. 15]. В обоснование выдвинутой точки зрения З.Б. Соктоев приводит доводы о нетождественности и несинонимичности понятий «причинность» и «учение о причинности». При этом автор указывает, что причинная связь – это философская категория, иного понятия причинной связи, отличного от философского, не может быть. Представленная З.Б. Соктоевым точка зрения первоначально видится противоречивой, однако это не так. Автор хотел сказать, что базовые концепции причинности, созданные философией, такие как «причина и следствие», «временная непрерывность», «последовательность», являются неизменными. Однако при этом частные науки вырабатывают особые критерии установления причинности, имеющие принципиально важное значение для рассматриваемых и сложившихся специфических отношений между субъектами, в данном случае урегулированные нормами уголовного законодательства.

Действительно, причинно-следственная связь в уголовном праве признается одним из оснований уголовной ответственности за совершение преступлений с материальным составом, отсутствие которой исключает возможность лица понести наказание за наступившее

негативное последствие. Как считает Л.А. Зимирева, причинно-следственная связь между конкретным, предусмотренным уголовным законом деянием (причиной) и наступившим общественно опасным последствием (следствием) – частный случай проявления философского принципа причинности применительно к праву [9, с. 16]. В обоснование своей позиции Л.А. Зимирева приводит следующие доводы: для уголовного права причинная связь – сложный правовой феномен с самостоятельной специфической конструкцией причинности. Но, несмотря на специфичность причинности для целей уголовного права, особенной причинной связи не существует, данная философская категория едина для всякой науки. Наука уголовного права лишь конкретизирует концепцию причинности, предложенную философией.

Сторонником консолидированного характера категории уголовно-правовой причинности считается А.Ю. Кошелева, утверждавшая, что причинно-следственная связь приобрела собственное юридическое содержание, поскольку конструкция причинной связи в уголовном праве сформировалась в нормах уголовного закона применительно к каждому составу преступления [2, с. 39]. Следует отметить, что в уголовно-правовом поле ведется дискуссия о наличии либо отсутствии последствий в формальных составах преступлений и значимости причинно-следственной связи. Подавляющее большинство представителей научного сообщества не отрицают значимость причинности и последствий в преступлениях с формальным составом, однако эти последствия находятся за пределами уголовного права, т. е. преступление окончено с момента его совершения, а не наступления последствий. Но тем не менее любое совершенное общественно опасное деяние наносит урон как государству, так и личности.

Согласимся с позицией В.Д. Филимонова, который полагает, что «проблему причинной связи следует решать не путем возрождения несостоятельных теорий, а с учетом последних достижений философской мысли» [10, с. 37]. Действительно, каждый из авторов представляет свою точку зрения относительно понимания причинности, используя философский либо уголовно-правовой подход. При этом всякий исследователь аргументирует

свою позицию, оперируя современными достижениями науки, включая развитие философской мысли и уголовно-правовой науки. Несмотря на это, ни одна из точек зрения не способна в полной мере опровергнуть другую. Согласимся с авторами, которые полагают, что философское понимание причинности является объективным и общеметодологическим, поскольку философия как наука изучает общие принципы и закономерности бытия. Юридические науки используют теоретическую конструкцию причинности, которая основана на фундаментальных принципах бытия и предельно обобщающих понятиях. Философия оперирует ключевыми понятиями, используемыми частными науками. Для частной науки со специфическим предметом исследования и собственными методами философской оценки может быть недостаточно. Например, в уголовно-правовой области исследования для принятия решения о наличии причинной связи между деянием и последствиями философской оценки причинности явно мало. Уголовное право оперирует понятием «причинная связь», которое, будучи необходимым элементом объективной стороны материального состава преступления, требует установления для привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Исходя из своих научных целей, для уголовного права представляет интерес причинная связь, связанная исключительно с человеческим действием либо бездействием, которое повлекло негативный результат, т. е. последствие, предусмотренное уголовным законом как наказуемое. При этом уголовное право не интересуется все причины (предшествующие факторы), приведшие к негативному результату, поскольку их количество может быть неограниченным. Как верно заметил Н.Д. Сергеевский, каждая наука вносит в понятие причины только количественные изменения, не изменяя его содержание [4].

В данном случае речь идет о специфических уголовно-правовых особенностях, когда уголовный закон исходит не из однозначной причинности – одно явление очевидно порождает другое, а наоборот, например, при соучастии, опосредованном причинении, создании условий причинения вреда, бездействию, совокупности условий и неочевидной причине. Примером такой причинно-следственной связи могут выступать действия врача, который

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

своевременно не решил вопрос о госпитализации пациента либо оперативном вмешательстве, в результате чего болезнь прогрессировала, что привело к смерти человека. Исходя из жесткой позиции детерминизма, причина смерти пациента – болезнь, а не дефекты оказания медицинской помощи. Учитывая, что уголовное право обладает самостоятельным предметом, наука уголовного права вынуждена сформировать теоретическую конструкцию причинной связи, отвечающую требованиям

науки и практики. Верно заметил В.Н. Кудрявцев, что «суд нуждается в простом и ясном, юридическом, а не только сугубо философском критерии» причинности. Представляется, что с точки зрения причинного детерминизма случаи оказания ненадлежащего качества медицинской помощи, повлекшие тяжкие последствия или смерть, достойны специального отдельного рассмотрения в связи с имеющимися практическими и теоретическими затруднениями.

Литература

1. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.
2. Кошелева А.Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
4. Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880.
5. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977.
6. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912.
7. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.
8. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления. М., 2015.
9. Зимирева Л.А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
10. Филимонов В.Д. Детерминирующие связи в системе элементов состава преступления // Государство и право. 2005. № 2.

Bibliography

1. Tsereteli T.V. Causal relationship in criminal law. Moscow, 1963.
2. Kosheleva A.Yu. Features of causal connection in the composition of crimes committed by inaction: diss. ... Dr. of law. Yekaterinburg, 2005.
3. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2016.
4. Sergeevsky N.D. On the meaning of causation in criminal law. Yaroslavl, 1880.
5. Timeyko G.V. The general doctrine of the objective side of the crime. Rostov-on-Don, 1977.
6. Poznyshev S.V. The basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law. Moscow, 1912.
7. Malinin V.B. Causal connection in criminal law: questions of theory and practice: diss. ... Dr. of law. St. Petersburg, 1999.
8. Soktoev Z.B. Causality and the objective side of the crime. Moscow, 2015.
9. Zimireva L.A. Causal connection in crimes against life: diss. ... Dr. of law. Moscow, 2014.
10. Filimonov V.D. Deterministic connections in the system of elements of the corpus delicti // State and law. 2005. № 2.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**